

Мая Мамедовна Расулова

**Торгово-Экономические и культурные связи кавказской
Албании с античным и эллинистическим миром: IV век до
н.э. – III век н.э.**

МАЯ МАМЕДОВНА РАСУЛОВА

**ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КАВКАЗСКОЙ
АЛБАНИИ С АНТИЧНЫМ
И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ МИРОМ:
IV ВЕК ДО Н.Э. - III ВЕК Н.Э.**

Баку – – 2008

Издание осуществлено на средства автора

Научный редактор

доктор исторических наук,
профессор **Гусейнзаде Рауф**

Редактор

Гурбанова Пярвин Тофик г.

Расулова М.М. Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV век до н.э. - III век н.э. - Баку: «Мутарджим», 2008. -228 с.

Книга посвящена двум периодам истории Кавказской Албании - неотъемлемой составной органичной части прошлого Азербайджана и его автохтонов - албанских племен. Первый период включает античную эпоху, когда Кавказская Албания была включена в орбиту событий, кардинально изменивших мир Евразии, что в значительной мере связано с Александром Македонским и диадохами. Второй период - эллинистическая-эпоха, связанная как с этим великим завоевателем, так и с посталександровским временем. В книге охвачен комплекс сюжетов истории Кавказской Албании: политические и торгово-экономические, культурные и социальные.

Издание рассчитано на читателя, интересующегося прошлым Азербайджана, а также на учителей, бакалавров и магистров истории.

М 0507000000 25-08
026

© М.М.Расулова, 2008

Оглавление

Введение	5
Глава I Источники и историография проблемы.....	15
1.1. Источники	15
1.2. Историография	35
Глава II Связи Кавказской Албании	
 с античным миром.....	60
2.1. Взаимоотношения Кавказской Албании	
с греко-римским миром до Александра	
Македонского	60
2.2. Завоевания Александра Македонского	
и изменения в греко-римском мире	71
2.3. Античный мир и Кавказская Албания.....	74
2.4. Каспийское море в системе античной	
торговл и	81
Глава III Связи Кавказской Албании с эллинистическим	
 миром.....	92
3.1. Формы взаимоотношений Кавказской Албании в	
эпоху эллинизма.....	92
3.2. Нумизматические артефакты связей Кавказской	
Албании с эллинистическим	
миром.....	105
3.3.	
Глава IV Кавказская Албания и Рим	117
4.1. Археологические артефакты Связей Кавказской	
Албании с эллинистическим миром	117

4.2. Взаимоотношения Кавказской Албании с Римом: военный аспект.....	124
4.3. Албано-сарматские связи.....	129
Глава V Связи Кавказской Албании с римским миром	140
5.1. Последствия активизации Рима.....	140
5.2. Римская и парфянская монета в Кавказской Албании	143
5.3. Кавказская Албания в литературе римского времени	147
Глава VI Привозные изделия в Кавказской Албании и их влияние на местное ремесло	160
6.1. Глиптика. Геммы	160
6.2. Фибулы. Паста. Бусы.....	165
6.3. Посуда. Стекло	171
6.4. Изделия из металлов.....	175
6.5. Каменные изваяния. Архитектура	181
Заключение	188
Xulasa.....	191
Summary.....	193
Принятые сокращения	195
Библиография	196
Приложения	217

*Сыну моему Владимиру
посвящаю с любовью!*

Введение

Создаваемая народами культура складывается, формируется и развивается не обособленно, не в отрыве от остального культурного мира, а в тесной связи с ним. «Подобный процесс свойственен не только современности. Таким он являлся и в средние века, таким он был и в глубокой древности, ибо любое общество развивается по общим законам социально-экономического развития».

Прекрасной иллюстрацией, позволяющей констатировать внешние контакты, взаимовлияние, диапазоны связей различных народов античности с окружающим миром являются, в первую очередь, артефакты материальной культуры. Данные археологии и нумизматики - неоспоримые доказательства того, что ни беспокойные моря и труднопреодолимые горы, ни девственные леса и безводные пустыни никогда не были преградой для общения, взаимного обмена, обогащения и торговли различных стран и народов античного мира.

Связи народов различных стран и регионов принимали в разное время и в изменявшейся исторической обстановке весьма разнообразные формы. Даже существенные различия в уровнях хозяйственного, общественного и культурного развития не могли служить препятствием для установления взаимных связей и контактов. Эти последние способствовали обоюдному обогащению народов научными и культурными достижениями, что, в свою очередь, служило более успешному и сравнительно быстрому повышению каждым из них уровня своего производства,

своей культуры. Безусловно, чем выше был уровень хозяйства, торговли и культуры той или иной страны в различные эпохи, тем шире оказывались ее связи, воздействуя на многие стороны жизни народов. В одни времена разнообразные связи между народами крепили, в иные почти исчезали, в зависимости от происходивших событий в жизни различных стран, но никогда не прерывались.

В этом аспекте древние взаимосвязи народов Кавказа в целом, Южного Кавказа, в частности, с другими странами особенно показательны.

История Южного Кавказа, как и любого другого региона, являлась и остается составной частью всеобщей истории. История любой из стран Южного Кавказа, включая Азербайджан, не была обособлена, замкнута внутри себя; между ее жителями и древневосточными народами в экономической, культурной и других областях всегда существовали связи на самой широкой и двусторонней основе.

Одним из органических составных периодов всеобщей истории является античность, отдаленная от нашего времени толщей тысячелетий. Цивилизация той эпохи, имевшая самое широкое распространение, послужила фундаментом для последующего культурного развития многих народов, в том числе азербайджанского.

Эллинистическая культура, обогатившая многие страны мира от Индии на Востоке до Испании на Западе, от Северной Африки на Юге до степных просторов юга России на Севере, сочетаясь с культурами разных народов, продолжительное время занимала господствующее положение.

Эллинистические мастера работали по заказам скифских царей, их изделия попадали в Центральную Азию, греческие вышивки шерстью проникали в Монголию. Современные юве-

лиры, вооруженные точнейшими инструментами и оптическими приборами, оказались бессильны воспроизвести миниатюрные золотые изделия, изготовленные греческими мастерами, обнаруженные в погребениях знати в Северном Причерноморье и других местах. На Кавказе, в глубинах Азии, начиная с эпохи античности и эллинизма, развивается искусство, «впитывающее в себя представления о прекрасном и гармоническом образе человека». Возможно поэтому, хотя наука и техника на протяжении последующих столетий сделали огромные успехи, античное искусство осталось непревзойденным. Вместе с тем широко стали известны достижения самой эллинистической науки и техники: достойны удивления гигантские корабли с многочисленным экипажем, со всеми удобствами для пассажиров, с библиотеками, насчитывавшими сотни рукописей, с банями, садами, полными редкостных цветов и растений, особым залом для занятий спортом. Мы знаем и об огромных осадных машинах, обслуживавшихся тысячами людей, о сифонах и пульверизаторах, действовавших на сжатом воздухе, о театре автоматов с большим числом действующих лиц, об изобретениях и открытиях представителей эллинистической науки и техники, в том числе Эвк-лида, Архимеда.

Характерное для исследуемой эпохи явление синкретизма - слияния разнородных культур - осталось неизменным с образованием Римской империи. Рим, восприняв и переработав эллинистическую культуру, передал ее свежим, полным сил, «незатронутым социальной проказой» античного рабства, германским и славянским племенам. Рим выступил не только в роли посредника, но и оставил в наследство грядущим векам непревзойденные образцы греко-римской цивилизации.

Достижения греко-римского времени стали известны многим народам благодаря широким торговым и культурным

связям, принявшим невиданные до того времени масштабы. Как отмечал М.М.Хвостов, «в истории обмена в древнем мире очень важным моментом является эпоха образования эллинистических монархий, а затем эпоха поглощения этих государств громадным политическим целым - Римской империей. До этого времени мировой обмен имел очень ограниченные пределы».³ Действительно, пестрый конгломерат народов, оказавшихся в рамках обширной державы Александра Македонского, использовал создавшееся единство для развития товарообмена не только между различными странами, но и внутри каждой из них. Появились большие возможности и для усиленного торгового, культурного обмена между различными странами античного мира. Торговля приобрела мировой характер и в ее круг были вовлечены, как известно, не только страны с развитой экономикой и денежным хозяйством (Малая Азия, Египет, Месопотамия), но и отдаленные народы Центральной Азии, Индии, Кавказа.

Все вышеизложенное и определило задачи настоящего исследования, целью которого является изучение торгово-экономических и культурных взаимоотношений Кавказской Албании с античным миром.

Кавказская Албания в течение III-I веков до н.э. была вовлечена в сферу экономической, политической и культурной жизни эллинистического мира. Ее дальнейшее развитие протекало под знаком расширения связей с эллинистическими государствами. Прав был В.Н.Левиатов, полагая, что именно широта торговых связей населения древнего Азербайджана сделала их известными античным авторам.

С появлением на исторической арене Римской империи наблюдается, как известно, новый значительный подъем мировой торговли, которая принимает невиданные до того размеры; в

нее вовлекались все новые страны. В частности усиливаются и расширяются международные торговые связи Кавказской Албании.

Связи Южного Кавказа с античным миром давно привлекают внимание исследователей. Различные проблемы истории этих связей и взаимоотношений неоднократно служили объектом исследований.

Однако, как подмечено исследователями, важнейшая проблема взаимоотношений народов Южного Кавказа с цивилизацией античного мира, требующая к себе пристального внимания, все еще достаточно полно не решена.⁵ Тем не менее, в связи с накоплением значительного археологического, нумизматического и других материалов, а главное в результате раскопок ряда античных городов и поселений на Южном Кавказе, достигнуты успехи в изучении этой проблемы.

Вместе с тем история взаимоотношений народов и стран Южного Кавказа, в том числе Азербайджана, с античным миром изучена весьма неравномерно, хотя и имеется серия публикаций по этой важной проблеме. Поэтому изучение многоплановых взаимосвязей Кавказской Албании с античным миром еще нуждается в создании специального исследования. В связи со сказанным достаточно отметить, что согласно сведениям античных авторов - Плиния и Птолемея, - в Албании насчитывалось 29 городов и поселений.

Археологические открытия иллюстрируют высокий уровень развития культуры, хозяйства, различных видов ремесел и, что особенно важно для нашей темы, торговли. Артефакты - монеты, стеклянные изделия, геммы, предметы украшения - не только доставили исследователям богатый материал, но и позволили по-новому оценить и даже пересмотреть ранее известные факты и свидетельства письменных источников, а, главное,

создали условия для исследования истории многогранных взаимоотношений Кавказской Албании с античным миром.

Следует, кстати, отметить, что до настоящего времени нет полного свода импортных изделий античного и эллинистического времени, обнаруженных на территории Азербайджана, издание которого, безусловно, имело бы большое значение для изучения, как характера торговых связей, так и их направлений.

В настоящей работе предпринята попытка не только обрисовать общую картину зарождения и развития связей Кавказской Албании с античным миром, но и в той мере, в какой позволяет накопленный археологический материал, дать сводку всех импортных находок (с указанием места и условий их обнаружения), в том числе нумизматического материала, имеющего в ряде случаев первостепенное значение для изучения торгово-экономических связей. Поэтому задача этой работы состояла и в том, чтобы собрать этот весьма значительный, но еще разрозненный материал.

При изучении связей Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром неминуемо возникает ряд трудностей, которые препятствуют достижению вполне достоверных и неоспоримых выводов. Прежде всего это касается вопросов определения ремесленных центров производства, откуда происходят предметы явно импортного происхождения. Дело в том, что значительная часть привозных изделий из античных центров однообразна по своим формам, стилистическим и техническим свойствам и характерна для ряда мастерских античного мира. Зачастую это касается изделий из стекла, резных камней, бус. В связи с ростом спроса на продукцию наиболее крупных и широко известных мастерских, провинциальные мастера нередко копировали их изделия. «Подобные явления наблюдаются уже в VIII-VII веках до н.э., в период ориентализирующего стиля, ко-

гда греки овладели искусством подражания настолько, что греческие архаические предметы, найденные и в Сицилии, и в Сардинии, совершенно не отличаются от финикийских. Это подражание имело место прежде всего потому, что финикийская продукция входила в моду и находила хороший спрос».⁸

Очень часто невозможно отличить также изделия римских и итальянских мастеров, изготовленные в других центрах, находившихся далеко от Рима. В наибольшей мере это относится к резным камням. «Мастера, работавшие вдали от Рима, - отмечает по этому поводу И.А.Бабаев, - старались в точности копировать римские изделия, вследствие чего иногда совершенно стирались отличительные стилистические признаки этих произведений».⁹ Поэтому нам в ряде случаев, безусловно, трудно будет давать исчерпывающие заключения относительно места производства ввозимых в Кавказскую Албанию изделий, иногда приходится лишь ограничиваться отдельными наблюдениями и замечаниями. Здесь естественно возникает вопрос: даже при определении места производства импортных изделий, могут ли они во всех случаях служить неоспоримым доказательством непосредственных торговых или культурных контактов?

Импортная продукция могла попадать в местности, где ее находят, как в результате прямого контакта с эллинистическими и римскими государствами, так и, учитывая широкое развитие в античном мире посреднической торговли, через купцов других городов и, наконец, в качестве сувениров, приобретенных жителями древнего Азербайджана, возвращающимися из далеких походов. В некоторых случаях выход из этих затруднений помогают найти письменные источники. Поэтому без них такие вопросы в ряде случаев не могут быть разрешены.

Приходится считаться и с тем, что часть хранящихся в музейных коллекциях артефактов (в данном случае мы имеем в ви-

ду памятники глиптики) куплена у различных торговцев древностями, и могла быть приобретена за пределами исследуемой территории. Поэтому при разработке нашей темы мы старались показать и обстоятельства, при которых были обнаружены импортные предметы. Безусловно, полноценным источником для изучения торговых и культурных связей могут служить лишь артефакты, найденные при археологических раскопках и надежно паспортизированные.

Следует обратить внимание и на то, что ряд уже подвергавшихся изучению сюжетов нашей темы не получил до сих пор единой общепризнанной оценки и нуждается либо в дополнительном исследовании, либо в пересмотре. Так, нет единого мнения относительно многократно исследовавшейся проблемы торговых путей, как проходивших через Кавказскую Албанию, так и связывавших ее с античным миром.

Из числа проблем, не получивших еще достаточно полного освещения в научной литературе, следует также назвать важные вопросы, связанные с возникновением и начальным периодом развития взаимоотношений Кавказской Албании с античным миром.

Вместе с тем торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с эллинистическо-римским миром не могут рассматриваться в отрыве от ряда других более частных сюжетов. А именно - о вывозимых товарах, о состоянии сельскохозяйственного, ремесленного производства, об общем уровне благосостояния и покупательной способности различных слоев населения.

Исследуемая тема представляет значительный интерес также тем, что поставленные в ней вопросы имеют прямое отношение и к основной проблематике социально-экономической истории эллинистического и римского мира. Например, к про-

блемам развития товарного производства, возникновения элементов денежного хозяйства, развития торгового капитала и посреднической торговли, которая развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, «увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги во всемирные деньги».¹⁰

Исходя из сказанного, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы убедиться в целесообразности и необходимости исследования торгово-экономических и культурных связей Кавказской Албании с античным миром. Настоящая работа написана на основе письменных источников и, главным образом, археологических и нумизматических материалов, ибо решение проблемы, которой посвящена наша публикация, возможно только в результате сопоставления всех трех видов источников.

¹ Крупное Е.И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. // ВИМК, 1958, № 1, с. 72.

² Поляков В.М. Искусство Греции. Москва, 1970, с. 236.

³ Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, с. 35.

⁴ Левиатов В.Н. Азербайджан с V века до н.э. по III век н.э. // Известия АН Азерб. ССР, 1950, № 1, с. 89.

⁵ Крупное Е.И. Основные проблемы Кавказской археологии. // Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 годы. Москва, 1956, с. 8.

⁶ Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании IV век до н.э. - III век н.э. Баку, 1985; Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку, 1992; Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании IV век до н.э. - VII век н.э. Баку, 1976; Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV веке до н.э. - III веке н.э. Баку, 1990.

⁷ Плиний, VI, 29; Птолемей, V, 12, 6. См. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasica*). Т. Е—II. С.-Петербург, 1893-1906.

⁸ Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества. Ленинград, 1951, с.78.

⁹ Бабаев И.А. Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965, с.9. ¹⁰ Маркс К. Капитал, т.111, ч.1, гл.20. Москва, 1954, с.344.

Глава I. Источники и историография Проблемы

1.1. Источники

В процессе Великой греческой колонизации VIII-VI веков до н.э. на берегах Средиземного и Черного морей возникли многочисленные колонии. Границы античного мира значительно расширились. Обосновавшись в Малой Азии и в Причерноморье, греки стали проникать также вглубь Ахеменидской державы.

К этому времени и относятся первые сведения греческих авторов о восточных народах и странах. Так, в «Истории» Геродота (V век до н.э.) мы впервые находим более подробные сведения о древневосточных странах, полученные им во время путешествия. В его труде имеются и сведения, касающиеся Каспийского бассейна, сроков плавания по нему и приводится перечень племен, населявших его побережье. Правильное представление о Каспии, как об огромном озере, «отец Истории» Геродот мог почерпнуть из персидских источников или же во время своего пребывания в Причерноморье.²

Весьма интересны и данные Аристотеля (IV век до н.э.) о Каспийском море, содержащиеся в его «Метеорологии». Все эти сведения, правда, крайне скудные, которые сообщали античные авторы до IV века до н.э., были получены ими из вторых рук, ибо «такие окраины, как Азербайджан, еще долго оставались вне непосредственного кругозора греков».

Со времен походов Александре Македонского (336-323 годы до н.э.) на Восток греческие и римские писатели стали проявлять пристальный интерес к многоплеменному населению

Кавказской Албании.⁴

Однако литературные данные об этой стране зачастую лаконичны и содержатся в произведениях разнообразных жанров, поэтому они весьма неравномерно освещают различные периоды ее истории. К тому же, одни авторы были современниками излагаемых событий, другие же заимствовали сообщения своих предшественников, порой отстоящих от них на многие столетия. При этом они зачастую не оговаривали такие заимствования, и неопытный читатель полагал, что речь ведется о событиях времени автора, чье сочинение находилось в его руках. Наконец, третьи ограничивались пересказом сведений, полученных из вторых и третьих рук, игнорируя первоисточники. Поэтому значимость и ценность всех этих данных неодинакова.

Тем не менее, важность сообщений античных авторов может быть должным образом оценена, если принять во внимание не только хронологические наслоения, но и самый характер этих источников.

Литературные памятники, различные как по времени, так и по своему характеру, дополняя, корректируя друг друга, предоставляют в распоряжение исследователей весьма интересный и содержательный материал, позволяющий судить о том, насколько было знакомо античное общество с Кавказской Албанией.

Самое большое количество сведений о Кавказской Албании содержит историко-географическая литература античного периода, причем почти не существует произведения, в котором хоть в какой-либо степени не затрагивалась бы эта страна. Если же учесть, что такая литература служила не только практическим руководством для купцов и путешественников, но использовалась и официальными кругами, а торговые караваны зачастую выполняли роль дипломатических миссий, то можно полагать, что Кавказская Албания занимала значительное место в

ряду государств античного мира.

Вопрос о сведениях античных авторов о Кавказской Албании, об основных направлениях античной традиции рассматривался в ряде работ. Так, в 1940 году Е.А.Пахомов издал сборник о клинописных и античных источниках по истории Азербайджана.⁵

Данные античных авторов рассматриваются в работе К.В.Тревер по истории и культуре Кавказской Албании.⁶ В публикациях К.Г.Алиева дается характеристика античных источников по истории Кавказской Албании. Поэтому мы ставим перед собой несколько иную задачу, а именно - выяснить, какой материал по нашей теме содержат литературные источники, то есть с точки зрения связей с окружающими странами и, главным образом, какие данные свидетельствуют о торговых и культурных связях Кавказской Албании с античным миром.

Следует отметить, что критический анализ высказываний античных авторов облегчается сравнительно хорошей изученностью их произведений, а также наличием эпиграфических, нумизматических и археологических источников.

Необходимо оговорить, что ряд источников, хотя и не упоминают Кавказской Албании, но важны для оценки общего положения в целом в исследуемое время, как на Южном Кавказе, так и на всем Востоке.

Мы остановимся лишь на тех произведениях античных авторов, которые на наш взгляд, ценны для исследуемого нами периода.

Полибий (II век до н.э.) написавший историю в сорока книгах, из которых сохранились первые пять и фрагменты остальных, отмечает ряд племен между Атропатеной и Албанией и приводит краткие сведения о странах, соседствующих с античной Кавказской Албанией. Данные Полибия об этой стране, хотя и предельно лаконичны, но весьма ценны, потому, что по-

зволяют изучить общую обстановку на эллинистическом Востоке в первой половине II века до н.э. Вместе с тем ценнейшим материалом для историка является и сама идеология этого греческого аристократа, бывшего свидетелем краха эллинистической системы отношений на Востоке и видевшего в Риме единственную силу, способную сохранить в современном ему мире существующий строй.

Диодор Сицилийский (I век до н.э.), много путешествовавший, составил компилятивный труд «Историческая библиотека», который дошел до нас во фрагментах. Диодор упоминает албанскую область Каспиану и каспийские ворота, ссылаясь на Ктесия Книдского. Любопытны и сведения, касающиеся Каспийского моря. Автор отмечает, что «в нем множество больших змей и всякого рода рыб».

Среди античных литературных памятников больше всего ценных и достоверных сведений о Кавказской Албании содержит географическая литература, не чуждая истории и этнографии. Самым крупным трудом такого рода, сохранившимся почти полностью, является «География» Страбона (I век до н.э. - I век н.э.).¹⁰ Трудно переоценить его значение как источника по географии, этнографии и истории Кавказской Албании. Само отношение Страбона к истории не могло не обеспечить реалистичности его изложения. «История же, - подчеркивал он, - будь то древняя или новая, требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко».

Страбон описывает как саму Кавказскую Албанию, так и прилегающие к ней страны. Следует отметить также, что Страбону принадлежит первое относительно подробное описание Кавказской Албании. Особый интерес вызывают исторические заметки, сообщения о вооружении, военных столкновениях римлян с албанами, сведения об албанских культах, божествах.

«География» Страбона дает значительный (по сравнению с произведениями других, авторов) материал для изучения торговых и политических связей Кавказской Албании с внешним миром. Довольно подробно говорится о плодородии земель, о виноградарстве, судоходных реках, торговых путях, проникновении греков в эту страну. Источники, которыми древний географ пользовался при описании Кавказской Албании, хорошо определены. Это - Патрокл, Эратосфен, Митродор Скепсийский, Феофан из Митилены, Аминта. Таким образом, Страбон писал о Кавказской Албании, соединяя различные и разновременные источники, чем, по-видимому, и объясняются встречаемые в тексте противоречия. Кроме того, Страбон также мог широко использовать рассказы и предания, сохранившиеся в его семье. Некоторые его данные по существу являются единственными в своем роде, драгоценны для историка. Поэтому нельзя не присоединиться к оценке М.И.Ростовцева, называющего Страбона «спасителем драгоценных остатков из трудов Феофана из Митилены и Кв. Деллия, среди которых жемчужинами являются картины быта и строя Иверии и Албании (не без примеси влияния эллинистической социальной утопии)». Таким образом, в труде Страбона нашли воплощение, с одной стороны, научная жизнь эллинистического времени, с другой же, конкретные сведения, которые были результатом интенсивных сношений Кавказской Албании с государствами Восточного Средиземноморья.

Иосиф Флавий (1 век) сообщает в своем труде «Иудейские древности» ценные сведения о взаимоотношениях албан с парфянами. Он отмечает, что римляне большими суммами денег пытались склонить царей Иберии и Албании к войне с царем Парфии Артабаном. «Но те (т.е. албаны и иберы. - М.Р.) сами не согласились воевать, а направляют на Артабана скифов, дав им

проход через свои земли и открыв Каспийские ворота». Сочинения иудейского писателя представляют значительный интерес и тем, что позволяют глубже понимать процессы, происходившие в восточных областях Римской империи.

Плутарх (I-II века) создал в своем труде галерею ярких образов, раскрытых глубоко и всесторонне на фоне широких картин общественной жизни. Автор рассказывает о событиях I века до н.э. в Кавказской Албании. Для нас представляют интерес биографии Лукулла и Помпея, совершавших походы на Южный Кавказ, в связи с чем находятся сведения об албанском войске и его вооружении. Весьма ценны и приводимые Плутархом имена албанских военных вождей и ряд географических названий Кавказской Албании. Среди географических названий - Кирн, то есть река Кура, Абас или Абант - река в западной части Албании; возможно, это Алазань или Алджиганчай; из албанских военных вождей упоминаются Косид или Косис; Орис или Оройс. Красочно описывает Плутарх и триумф Помпея, во время которого были пронесены две огромные таблицы с перечнем крупнейших деяний триумфатора, его победы над Понтом, Каппадокией, Индией, Колхидой, иберами и албанами. В шествии были и «живые трофеи», в числе которых «заложники албан и иберов». Ценность сведений Плутарха и в том, что они в большинстве своем восходят к первоисточникам, среди которых Тит Ливий, Страбон, Саллюстий. Безусловно, Плутарх пользовался многочисленными и разнообразными источниками, и с его собственных слов известно, что среди них были Феофан и Теренций Варрон.

Не менее ценны подробные описания Плутархом деяний полководцев Марка Антония на Востоке. Так, он сообщает: «Антониев воевода Соссий, совершил много подвигов в Сирии. а Канидий, победив царей Иверов и Албан, дошел до Кавказа».

Исторически эти образы военных деятелей не совсем, видимо, точны, так как автор подходит к их обрисовке не столько как историк, сколько как писатель - моралист. Поэтому он не всегда считается с исторической действительностью и рисует своих героев зачастую так, как это диктовали ему его принципы. Н.А.Машкин писал, что при передаче событий Плутарх стремился быть точным, «но достоверность его данных не всегда одинакова, ибо он не всегда пользовался надежными источниками. В том случае, когда встречались противоречивые данные, Плутарх не исследовал материал, а выбирал то сообщение, которое соответствовало его тенденции». «Для нас, - пишет сам Плутарх во вступительной главе биографии Перикла, - бывает полезен тот цвет, яркость и приятность которого укрепляют зрение и приносят ему пользу».

Дионисий (I век) в своем стихотворном «Описании населенной Земли»¹⁵ приводит сведения о Каспийском море и жителях его побережья. Согласно его данным, это море «очень велико и бурно, тянется к северу и там сливается с океаном».

Клавдий Птолемей (II век) в своем «Руководстве по географии», составленном около 150 года н.э. на основе различных по времени источников, сообщает весьма ценные данные о Кавказской Албании. При создании всеобъемлющей географической картины мира, Птолемей использовал путевые записи, дорожные карты, в том числе не дошедший до нас труд Марина Тирского «Исправление географической карты», в основу которого легли сведения, полученные благодаря римской торговле.¹⁶

Если Геродот был первым путешественником, описавшим свои впечатления об увиденном, то Птолемей стал первым кабинетным ученым, который предпочел пользоваться имевшейся литературной информацией. Большая часть его труда содержит серию таблиц по странам, где реки и мысы, города и названия

народов указаны на определенных градусах широты и долготы. «В своем стремлении к полноте перечня местных, племенных и т.п. наименований Птолемей добился значительно большего, чем, например, Плиний, не только потому, что географический кругозор последнего был несколько уже, но также, видимо, и вследствие его более ограниченных возможностей в отношении использования соответствующих литературных источников».¹⁷ В отношении древней Кавказской Албании, географические данные Птолемея (перечень местностей, городов, рек, племенных наименований) значительно богаче, выгодно отличаются новизной и большей оригинальностью. Поэтому ряд указанных Птолемеем названий местностей и народов Кавказской Албании отождествлены с реальными географическими объектами и историческими этническими племенами, одни - с долей вероятности, другие же - неузнаваемо искажены, либо придуманы осведомителями Птолемея. Тем не менее, несмотря на некоторые неточности и искажения труд Птолемея суммировал все новые приобретения Рима, полученные в результате военных экспедиций и главным образом в связи с развитием торговли между империей и другими странами.

Арриан (II век) - автор сочинения «Поход Александра»,¹⁸ являющегося одним из важнейших источников по истории завоеваний Александра Македонского на Востоке, упоминает племена албан и сакашенов, поставленных в центре армии Ахеменидов против Александра. Важны также сведения Арриана о подготавливавшейся великим завоевателем Каспийской экспедиции.

Труд Арриана представляет исключительную ценность тем, что основан на материалах военных дневников, записок и мемуаров непосредственных участников похода Александра. Видимо этим в некоторой степени и объясняется особое внима-

ние автора к восточным сюжетам.

Аппиан Александрийский (II век) - автор «Гражданских войн»,¹⁹ как никто другой из античных авторов так ясно и отчетливо не изложил «все перипетии восточной политики Рима». Сгруппировав исторический материал по войнам, он тем самым облегчил работу исследователей внешней политики Рима. Для нас же значительный интерес представляет та часть его труда, которая отведена войнам Митридата Понтийского и деяниям римских полководцев на Южном Кавказе.

Аппиан «не скрывает неприязненного отношения к беззастенчиво развязываемым Римом в поддержку своих домогательств войнам и представляет с достаточно открытой симпатией всех выдающихся представителей сопротивления Риму, а также жертв римского завоевания». Не скрывает Аппиан и жестокость римлян в борьбе с воинственными албанами, которых загнали в лес и со всех сторон окружили римские воины во главе с Помпеем, велевшим «лес поджечь и преследовать выбегавших оттуда».

Клавдий Элиан (II-III века) в сочинении «О природе животных», представляющем собой сборник морально - назидательных примеров из животного мира, сообщает сведения, имеющие для нас значительный интерес. Например, о безрогих каспийских белых козах, об огромных верблюдах, остроносых рыбах, величина которых «достигала восьми локтей». Чрезвычайно важны сведения Элиана о промыслах и занятиях жителей страны, о торговле каспиев рыбой и рыбными отходами, в частности рыбьим клеем, пользовавшимся большим спросом у мастеров, работающих по слоновой кости. По мнению Л.А.Ельницкого некоторые данные Элиана, вероятнее всего, следовало бы отнести ко времени Александра Македонского, в частности его сведения о безымянных островах на Каспии.²²

О военных действиях Помпея на Востоке, в том числе на Южном Кавказе, мы более подробно осведомлены благодаря отдельным биографиям Плутарха, сокращенным отрывкам из Тита Ливия, а главное, изложением «Митридатовых войн» Ап-пианом. Однако, Дион Кассий (II-III века) в своей «Римской истории» приводит сведения, которые мы не встречаем у других авторов. В частности, он повествует о столкновении албанского царя Оройса с войсковой группой Квинта Метелла Целера, на которого пришелся главный удар албан.

Ряд сведений о Кавказской Албании содержится в истори-ко-географических произведениях римских авторов. В I веке до н.э. в итоге активной наступательной политики на Востоке, римляне близко познакомились с Азербайджаном. Известно, что в 69 году до н.э. Лукулл вторгся на Южный Кавказ. Помпей, сменивший его на посту командующего войсками против пон-тийского царя Митридата VI Эвпатора (111-63 годы до н.э.), преследуя отступавшего противника в 66-65 годы до н.э. вторгся в Колхиду, Иберию, Албанию и оказался «от моря (Каспийского. - М.Р.) на расстоянии всего трех дней пути».²⁴ Именно с данным периодом тесно связано распространение на Западе новых известий о странах Южного Кавказа, в том числе об Албании. Ибо вступление Рима на политическую арену Ближнего Востока, «заставляет римских историков часто очень подробно останавливаться на положении и событиях в Грузии, попутно кратко упоминая и об Албании».²⁵ Однако с образованием в III веке Сасанидского государства римляне были вынуждены несколько отступить от планов дальнейшего продвижения на Восток и поэтому для писателей III-V веков н.э. характерно «лишь повторение сведений, заимствованных ими у своих предшественников».²⁶

Сведения о Кавказской Албании содержатся в трудах сле-

дующих римских авторов:

Тит Ливий (59 год до н.э. - 17 год н.э.), изложивший «Историю Рима» в 142 книгах.²⁷ В сохранившихся отрывках имеются сообщения, касающиеся походов Помпея в Кавказскую Албанию. Большинство исследователей, занимавшихся источниками Тита Ливия, считают, что у него в основном сведения, заимствованные у предшественников, к тому же довольно некритически - у младших анналистов и Псалибия: «К документам, архивным материалам, он как правило, не восходил, хотя возможность пользоваться такого рода памятниками в его время, несомненно, существовала».²⁸

Помпей Трог (I век до н.э. - I век н.э.), младший современник Тита Ливия, написал «Филипповы истории» в 44 книгах, от которых дошел лишь краткий конспект, составленный во II веке н.э. Юстином.²⁹ Здесь упоминаются кавказские албаны, происхождение которых автор возводит к Албанской горе в Италии. У Помпея Трога имеются сведения, заимствованные им из греческих источников, относительно походов скифов на юг и много материала по отношениям между Римом и Востоком. Излагая события, связанные с пребыванием Помпея на Южном Кавказе, автор сообщает, что албаны якобы «братски» приветствовали его войско.

Помпоний Мела (I век) - первый географ, составивший «Хорографию» на латинском языке.³⁰ Если «География» Птолемея могла служить руководством для составления карт и практическим целям полководцев и торговцев, то «Хорография» Помпония Мелы, как справедливо отмечает Л.А.Ельницкий, «могла служить поучительным и занимательным чтением, удовлетворяя лишь наиболее общим и отвлеченным географическим интересам».³¹ Для нас интерес представляют названия рек (Араз, Кир, Камбис) и албанских племен, описание Каспийского моря

и его островов. Согласно автору, море это менее посещается мореплавателями, так как оно свирепо и более других кишит морскими чудовищами. Анализ текста «Хорографии» свидетельствует «о пользовании ее автором римской картой-дорожником, возникновение которого обязано всецело потребностям римской военной администрации».³²

Квинт Курций Руф (I век) - автор «Истории Александра».³³ Описывая походы великого македонца, попутно упоминает ряд племен, живших у побережья Каспия. Каспийское море, замечает он, отличается от других более пресной водой и в нем водятся «огромной величины змеи, рыбы же совершенно иного цвета, нежели другие».

Значительный интерес представляет «Естественная история» Плиния Старшего (23-79), содержащая очень ценные данные по географии и истории античной Кавказской Албании. В его энциклопедическом труде можно почерпнуть сведения о природе, населении и быте албанов, о городах и торговых путях.³⁴

Так, Плиний Старший пишет, что в Албании «рождаются люди с зеленоватыми глазами, у которых с детства серые волосы, и которые ночью видят лучше, чем днем». У него же имеется рассказ об албанских собаках, одолевающих львов и слонов, и преподнесенных в качестве дара Александру Македонскому. Он пишет также об островах в Каспийском море, о том, что еще Александр Великий утверждал, будто «в этом море вода пресная». При описании Кавказских областей Плиний Старший пользовался картой Агриппы, на которую неоднократно ссылается. Часть данных о Кавказе известны ему благодаря картам, присланным Корбулоном и теми, кто участвовал в походах на Южный Кавказ.

Некоторые сведения об Албании можно почерпнуть из со-

чинения Секста Юлия Фронтин³⁵ (I век) «Стратегемы». Его сведения преимущественно о военном искусстве римлян. Так, повествуя о наступательных действиях Гнея Помпея в Албании, автор пишет: «Ввиду того, что неприятели (т.е. албаны. - М.Р.) превосходили бесчисленной конницей. Помпей дал приказ пехоте в ущелье подле холма прикрыть шлемы, чтобы не привлекать на себя внимания их блеском».

Многие страницы сочинений Корнелия Тацита (56-117) «История» и «Анналы» посвящены характеристике внешней политики Рима, вопросам взаимоотношения империи с восточными странами.³⁶ В «Анналах», охватывающих период с 14 по 96 годы н.э., содержатся подробные сведения об албанах, их взаимоотношениях с римлянами и парфянами. Эти данные представляют особую ценность тем, что, будучи проконсулом Азии, Тацит безусловно мог располагать вполне достоверными сведениями. Поэтому мы и присоединяемся к мнению А.Г.Бокщани-на, полагавшему что «сам факт пребывания на посту наместника Азии в период подготовки Траяном агрессивного похода против Парфянской монархии и зависимой от последней Армении, такого историка, говорит сам за себя».³⁷

Упоминание об Албании, в связи с изложением проекта наступательных действий римского императора Нерона (54-78) в зоне Кавказа, содержится в историко-биографическом сборнике Тая Светония Транквилла (70-140) «Жизнь двенадцати цезарей».³⁸

В IV веке н.э. появился коллективный сборник биографий римских императоров, от Адриана до Нумериана, известный как «Писатели истории Августов».³⁹ Живо и интересно написанные очерки Спартиана, Капитолина, Лампридия и других авторов, вошедшие в это сочинение, содержат важные сведения, факты, касающиеся истории Кавказской Албании, ее дружественных

взаимоотношений с Римом во времена императора Адриана (117-138). В жизнеописании «двух Валерианов» (III век) отмечается союз албан и римлян против Парфии и другие сведения.

В центре изложения труда Аммиана Марцеллина⁴⁰ (IV век) «История», от которого, дошли только последние книги, стоит военная история. Помимо войн, его более всего интересуют географические и этнологические описания. Так, повторяя сведения римских авторов о войне Помпея с Митридатом VI, Марцеллин отмечает, что Помпеи прошел через страну албан и «увидел Каспийское море».

В античное время, в связи с развитием мировой торговли, а также активной экспансией Рима на Западе и Востоке, получает развитие картография. Определенным итогом этого следует считать создание сподвижником римского императора Августа (27 год до н.э. - 14 год н.э.) полководцем Агриппой Марком Випсанием (63-12 годы до н.э.) карты, начертанной после его смерти, по распоряжению императора. Тем самым, «по решению и запискам Марка Агриппы», довели до конца начатую им работу.

Для создания своей карты Агриппа использовал донесения военных разведчиков, отчеты дорожных строителей, землемеров и, вероятно, итинерарии и периплы. Карта Агриппы непосредственно не дошла до наших дней. Однако она послужила основой для последующих картографических работ, в первую очередь, для карты, составленной во второй половине IV века, знаменитым римским географом Касторием и известной в научной литературе под названием *Tabula Peutingeriana*. Назначением ее было «дать основные направления торговых путей с указанием расстояний между отдельными пунктами».

Данные Агриппы, а также греческие и римские итинерарии, в том числе *Tabula Peutingeriana*, были использованы Ра-веннским Анонимом в его «Космографии».

Перечисленные карты являются ценным источником для изучения не только исторической географии Кавказской Албании, но и торговых путей, соединявших эту страну с другими, как с западными, так и с восточными странами античного мира.

Исторические и географические произведения античных авторов, рассмотренные выше и содержащие разнообразные сведения о Кавказской Албании, позволяют сделать ряд выводов. Особую ценность для нас представляют труды таких авторов, как Страбон, Плиний, Элиан, в которых мы встречаем сообщения о торговых путях и торговле. Географическая литература позволяет судить о близком знакомстве греко-римских географов с Кавказской Албанией, что является красноречивым свидетельством широко развитой международной торговли античного мира, участницей которой была и эта страна.

Однако, для более подробного изучения торгово-экономических и культурных связей Кавказской Албании с античным миром особо важное значение имеют эпиграфические и археологические артефакты, являющиеся не просто самыми ценными, но и наиболее объективными по своему характеру источниками.

Эпиграфические памятники, связанные с нашей темой, можно разделить на две группы. Первая - это надписи, обнаруженные на территории Кавказской Албании. Вторые - надписи, открытые в различных местах античного мира и содержавшие упоминания о жителях Албании; среди них - надписи, обнаруженные в той части Парфянского государства, которая примыкала к Албании и имела с ней культурные, экономические и политические связи.

Эпиграфические памятники первой группы - это надпись на греческом языке, обнаруженная в селе Беюк-Дехне Шекин-ского района - надгробная плита грека;⁴¹ латинская надпись I века н.э. у горы Беюк-Даш, в Кобыстане, о пребывании римско-

го легиона XII Фульмината, во времена императора Домициана (81-96) в Албании.⁴²

Вторая группа надписей богаче, как в количественном отношении, так и по фактическому материалу, заключенному в текстах. Сюда относятся двуязычная Анкирская надпись времен Августа, в которой упоминаются албаны,⁴³ греческие надписи из Армавира, Гарни, Мцхети, авроманские надписи, обнаруженные в Иранском Курдистане. Эти надписи позволяют предположить, что в эпоху эллинизма на Южном Кавказе и прилегающих к нему областях Парфии проживали иноземцы. Значение таких артефактов также в том, что они свидетельствуют о проникновении греческого языка и письменности в указанные районы. Наконец, они говорят о торговых и культурных связях этих областей, как с эллинистическим миром, так и между собой. Однако, на основании одних только литературных и названных эпиграфических артефактов трудно сделать вывод относительно того, были ли сношения Кавказской Албании с внешним миром регулярными на протяжении всей исследуемой эпохи. Поэтому необходимо их сопоставление с данными археологии, то есть с памятниками материальной культуры. Они играют весьма существенную роль при разработке нашей темы.

Во-первых, потому, что степень развития торговли тесно связана с уровнем развития производства, о состоянии которого можно судить по артефактам. Во-вторых, именно материальная культура может дать наиболее достоверный ответ на вопрос о том, что принесла греко-римская эпоха Кавказской Албании. В-третьих, только археологические данные представляют собой надежный источник, когда речь идет о торговле и ее направлениях. В-четвертых, что также важно, на помощь археологии пришли другие науки, помогающие уточнить хронологические рамки существования тех или иных памятников, состав мате-

риала т.д. Так, выяснив состав стекла, найденного на территории Кавказской Албании, исследователи пришли к интересному выводу о том, что в первые века нашей эры в самой стране имелись мастерские по изготовлению стеклянных изделий.⁴⁵

Производимые в специальной лаборатории Института истории имени А.А.Бакиханова НАН Азербайджана химические исследования металлических изделий, обнаруженных во время археологических раскопок, позволяют судить не только об уровне технических знаний местных ремесленников античного периода, а также о местном металлургическом производстве, но и о торговых связях Кавказской Албании с далекими странами, откуда доставлялись как металлы, так и изделия из него.⁴⁶ К месту отметить, что археологические раскопки, на научной основе были начаты в Азербайджане в 1920-е годы под руководством академика И.И.Мещанинова (1883-1967).⁴⁷ Тогда был открыт ряд интереснейших памятников античного периода. Особенно важными являлись раскопки Д.И.Шарифова в 1926 году в местности Ялойлу-тепе. Открытые многочисленные артефакты дали впоследствии название археологической культуре - Ялойлутепинской, - широко распространенной в Азербайджане и в Восточной Грузии.⁴⁹ Весьма интересной стала находка Д.М.Шарифовым в одном из погребений местной албанской монеты и римской монеты I века до н.э. Памятники, тождественные ялойлутепинским, были выявлены; в 1927 году в селении Дегме-Дере Нухинского уезда А.К.Алекперовым. В ряде районов Мильской степи и в зоне Тертер-Гянджи экспедиции под руководством И.И.Мещанинова в 1927 и 1929 годы обнаружили кувшинные погребения, близкие по времени памятникам Ялойлу-Тепе.⁵⁰ В 1925 году были проведены первые обследования и Раскопки столицы Албанского государства - Кабалы.

Интересные памятники античного периода были выявле-

ны Я.И.Гуммелем в 1930-е годы в районе Гянджи - захоронения в сырцовых гробницах. Среди погребального инвентаря обнаружили немало привозных предметов, что привело Я.И.Гуммеля к сомнениям: были ли погребенные в этих гробницах местными жителями? Но он так и не смог разрешить этот вопрос.⁵¹ По мнению Г.О.Розендорфа, впервые обнаружившего сырцовые гробницы в этом же районе, в них нашли последнее пристанище «новые пришельцы». Свой вывод он подкрепил ссылками на «нахождение в их захоронениях рабов». ⁵² Т.С.Пассек, исследовавшая связь инвентаря сырцовых гробниц с некрополями древних кавказских албан, доказала необоснованность таких утверждений и положительно ответила на вопрос, волновавший Я.И.Гуммеля: в них захоронены местные жители.⁵³

Большая часть использованных нами археологических материалов происходит из Мингечаура, который находился на «узле водных и сухопутных дорог Закавказья и имел возможность активно участвовать в товарно-денежном обращении, получать заграничные товары».⁵⁴

Начиная с 1946 года, внимание общественности было привлечено к блестящим археологическим открытиям, сделанным во время раскопок на территории строившейся Мингечаурской ГЭС (руководитель С.М.Казиев)⁵⁵ Выяснилось, что, начиная с энеолитического времени в этой зоне существовали земледельческие поселения, которые впоследствии переросли в поселение городского типа, чему способствовали пролежавшие здесь водные и сухопутные дороги Южного Кавказа.

Были открыты различные типы захоронений: грунтовые с разным положением костяков, кувшинные, катакомбные, в деревянных срубах. Они содержали богатейший материал, являющийся прекрасной иллюстрацией связей античной Кавказской Албании с различными странами. Надо отметить также обнару-

женные здесь следы отраслей производства, связанных с городской жизнью. Это - изготовление керамических изделий (о чем помимо самой керамики, свидетельствуют гончарные печи), обработка металлов, ювелирное производство, ткачество. Вместе с тем артефакты подтвердили развитие таких хозяйств, как рыболовство, садоводство, овощеводство.⁵⁶ Жители этой территории поддерживали оживленные торгово-экономические и культурные связи с Малой Азией, Сирией, Египтом, Причерноморьем, Северным Кавказом.

Открытие некрополя грунтовых погребений под Махачкалой (Тарки) явилось «первой ласточкой», проложившей путь к изучению археологических памятников, синхронных периоду античной Кавказской Албании.⁵⁷ Правильно полагая, что Дагестан входил в состав античной Кавказской Албании, один из крупнейших кавказоведов Е.И.Крупнов еще в 1949 году отметил, что «вероятно, могильный инвентарь этих погребений характеризует культуру местного населения Кавказской Албании периода ее расцвета».⁵⁸ Несколько лет спустя, К.Ф.Смирнов подтвердил мнение Е.И.Крупнова, отметив что «культура местного населения прикаспийского района Дагестана родственна Ялойлутепинской культуре Кура-Араксинского двуречья».⁵⁹ Кроме того, в Карабудахкентском районе (к югу от Махачкалы) экспедицией зафиксирован «могильник сарматского времени», керамика которого очень близка глиняным изделиям из Тарки.⁶⁰

На протяжении трех лет (1947-1949) в Таркинском некрополе было вскрыто 30 грунтовых погребений конца I тысячелетия до н.э. и начала I тысячелетия н.э. В 1950 году Карабудах-кентский могильник дал около 60 погребений, синхронных грунтовым погребениям Тарки. В этих некрополях были выявлены «вещи албанской культуры, хорошо известные по памятникам Восточного Закавказья».⁶¹ В Таркинских и Карабудах-

кентских могильниках среди погребального инвентаря был обнаружен и ряд предметов импортного происхождения, свидетельствующих о связях жителей северной зоны Кавказской Албании с далекими странами.⁶²

О торговых и культурных связях этой страны свидетельствуют и ряд интересных находок, обнаруженных археологической экспедицией в Мильско-Карабахской степи, в селе Таза-кенд и в местечке Уч-Тепе.⁶³

Приступая к планомерному изучению памятников, связанных с историей Кавказской Албании, археологи Азербайджана в конце 50-х годов XX века организовали экспедицию для исследования разнотипных объектов: Гяур-Кала в Агдамском районе, Топрак-Кала в Кахском районе, Хыныслы около Шемахи и городища Кабала в Габалинском районе.

Топраккалинской экспедицией, руководимой Р.М.Ваидовым, были обнаружены остатки большого поселения с разновременными бытовыми памятниками, датируемыми временем от первых веков до н.э. до XIV-XV веков.

Здесь были обнаружены стеклянные изделия как импортного происхождения, так и местного производства, а также мастерская по изготовлению стеклянных изделий.⁶⁵

В связи с обнаружением жителями села Хыныслы Шамахинского района в 1958 году большого клада античных монет и местных подражаний монетам Александра Македонского, эта территория стала объектом систематического исследования археологической экспедицией под руководством Дж.А.Халилова. Его исследованиями было установлено, что окрестности Хыныслы хранят остатки значительных населенных пунктов Кавказской Албании от последних веков до н.э. до первых веков н.э. В выявленных здесь грунтовых и кувшинных погребениях был обнаружен нумизматический материал, античные изделия глип-

тики и стекла, свидетельствующие о высоком культурном уровне населения этого района и его связях с античным миром.⁶⁶

Многолетние раскопки Кабалинской экспедиции, начатые под руководством С.М.Казиева, оказались весьма результативными.⁶⁷

Во-первых, обнаруженные артефакты подтвердили сообщения древних авторов о существовании города Кабалы в античное время. Во-вторых, обнаруженный здесь материал свидетельствует, что Кабала была столицей, крупным и важным политическим, культурным и торгово-экономическим центром Кавказской Албании. Одним из подтверждений сказанного является найденный в Кабале один из самых больших кладов на Южном Кавказе античных монет и булл с оттисками печатей античного времени.⁶⁸

Памятники Кавказской Албании античного времени были также выявлены при обследовании и раскопках в Исмаиллинском районе; среди них имеется ряд предметов импортного происхождения.⁶⁹

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что археологические артефакты, обнаруженные на территории Азербайджана, являются не только иллюстративным и подсобным источником, но и в ряде случаев выступают как самостоятельные ведущие объекты, открывающие неведомые страницы древнейшей истории Кавказской Албании.

1.2. Историография

В XIX веке появились первые специальные публикации - статьи и исследования, - посвященные античной Кавказской Албании. Однако их авторы в подавляющем большинстве случаев не рассматривали исследованную нами проблему, что объясняется рядом причин. Во-первых, изучение узловых вопросов

хозяйственной и политической жизни Кавказской Албании было еще невозможно вследствие скудности и разрозненности данных письменных источников. Во-вторых, еще не были проведены систематические, научно-поставленные археологические раскопки, без которых немыслимо исследование античного периода истории Кавказской Албании. Такие раскопки, как отмечалось выше, начались лишь в 20-е годы XX столетия. В итоге, стал накапливаться материал, подтверждавший многовекторные взаимоотношения античной Кавказской Албании с внешним миром. В-третьих, наконец, и это особенно важно, только в начале XX столетия приступили к подлинно научной разработке социально-экономической и политической истории греко-римской эпохи. В связи с этим отметим заслугу исследователей XIX - начала XX веков, которые проявили большой интерес к совершенно неизученной до того области Южного Кавказа -Кавказской Албании, накопили значительный фактический материал, впервые обратились к осмыслению сведений античных авторов.

В 1810 году появились «Историографические записки». В них впервые были сопоставлены данные, собранные во время путешествий Гюльденштедта, Палласа, Мюллера, Шардена и других по странам, лежащим между Черным и Каспийским морями, со сведениями письменных источников, в частности с сообщениями Страбона, Плиния, Птолемея, Константинопольских историков об этих же странах, в том числе об Албании, о торговых путях, пролегавших через них в античности.

В статье Ф.Крузе, где речь идет и об Албании, отмечен интерес, который представляет прошлое «Юга Кавказских областей». Здесь говорится и о Птолемея, как «главном писателе в рассуждении географии сей страны». Автор пытался связать отдаленное прошлое Южного Кавказа с событиями 1829 года.⁷²

Имелись в виду результаты русско-иранских (1804-1813 и 1826-1828) и русско-османской (1828-1829) войн, итогом которых стало овладение Российской империей Южным Кавказом, в том числе Северным Азербайджаном. В этой связи Ф.Крузе отметил торгово-экономическое значение античной Кавказской Албании, ее природные богатства, которые влекли к себе иноземных захватчиков. Приводя сообщения о перевозке в древности товаров из Центральной Азии по Аму-Дарье, через Каспий и Албанию к Черному морю, автор косвенно ставит вопрос о возможности осуществления такой торговли и в его время. Одновременно Ф.Крузе отмечает также необходимость археологического исследования Южного Кавказа в целях освоения и использования природных богатств Северного Азербайджана.⁷

И.Шопен в своих заметках на древнюю историю Кавказа и его обитателей, приводя сообщения античных авторов, полагает наличие греческих колоний и в Албании, которые, как отмечает автор, необходимы были грекам для торговли между Понтом и Каспийским морем.⁷⁴

Основоположник современной азербайджанской историографии Абас-Кули-ага (Кудси) Бакиханов, изложивший историю Азербайджана с древнейших времен до 1813 года, обратил внимание на то, что «в Азербайджане и Дагестане сохранилось много памятников греческих».⁷⁵ Ссылаясь на известную поэму Низами «Искендернаме», он приводит широко распространенные предания о древних греках, о пребывании войск и самого Александра Македонского в Азербайджане, о наличии на берегу Каспийского моря города, принадлежащего грекам, и другие предания, долго бытовавшие в народе. А.Бакиханов также отмечает, что не следует быть слишком доверчивым к свидетельствам этой книги, (т.е. поэмы), поскольку Александру (именовавшемуся у восточных народов Искендером, откуда берет свое на-

звание поэма) приписывалось много вымышленного, но все же можно предполагать, что когда-то здесь случилось нечто, подобное описанному.⁷⁶ А.А. Бакиханов, как нам кажется, в какой-то степени прав. Как мы увидим в дальнейшем, в связи с археологическими раскопками, на территории античной Албании обнаруживают все больше артефактов, свидетельствующих как о проникновении греков в эту страну, так и, по всей вероятности, о наличии здесь греческих поселений - колоний.

Значительное количество работ по истории Кавказской Албании - это систематическое изложение и сопоставление сообщений о ней античных писателей. Таковы исследования А.Яновского,⁷⁷ Б.Дорна,⁷⁸ А.Крымского.⁷⁹ В этих работах главное внимание обращено на отождествление топонимов и оронимов, о которых сообщают античные авторы, с названиями городов, селений и рек в начале XIX века.

В трудах, вышедших в 20-х годах прошлого столетия, проблема взаимоотношений античного Азербайджана с окружающим миром также не получила достаточного освещения. Можно назвать лишь нескольких исследователей, которые уделили ей определенное внимание. Так, В.М.Сысоев, автор «Краткого очерка истории Азербайджана» отмечает, что в античное время «на жизни Азербайджана начинают сильно сказываться влияния, кроме персидско-парфянского, греческое, армянское и, наконец, римское». Однако это положение не подкрепляется убедительными данными, особенно в том, что касается «армянского влияния». Во-первых, о каком «армянском влиянии» может идти речь, если античное Армянское царство существовало в Малой Азии, то есть за пределами Южного Кавказа.⁸¹ Во-вторых, сами армяне испытали на себе значительное влияние, в том числе греческое, сирийское, иранское. В-третьих, как армяне могли на кого-то влиять в отсутствие собственной госу-

явственности и их проживания, вследствие этого в широкой диаспоре. Отметим, что армяне трижды утрачивали свою государственность - в IV, VI и XI веках, и все три раза - в Малой Азии.⁸³

В труде В.В.Бартольда, посвященном истории прикаспийских областей, излагается и история Албании с 331 года до н.э. т.е. от битвы при Гавгамелах, где впервые упоминаются албаны, бывшие в составе войск персидского царя Дария III Кодомана, до VIII века н.э. Излагая ранний период истории страны на основании свидетельств античных авторов, В.В.Бартольд уделяет некоторое внимание взаимоотношениям римлян и парфян с албанами. Он отмечает, что «римляне в делах Албании принимали участие, парфяне также имели притязание на эту область. Но ни тот, ни другой народ не сделал Албанию своей провинцией».⁸⁵ Относительно существования городов и населенных пунктов Албании, сообщаемых Птолемеем, В.В.Бартольд отмечает следующее: «Трудно сказать, могла ли культура через несколько веков после похода Помпея настолько усиливаться, что в I и II веках н.э. здесь могли бы быть города».

Между тем археологические раскопки городищ Кабалы, Гянджи, поселений в зоне Мингечаура, Шамахинском районе и других местах исторической Албании, рассеивают сомнения В.В.Бартольда. Вместе с тем полученный материал свидетельствует о том, что эти зоны Албании в начале нашей эры были густо населены и имели столь высокую культуру, что неизбежно было существование городов.⁸⁷

В ряде работ, посвященных исследованию древнейших связей Южного Кавказа с внешним миром, отмечаются такие моменты, которые имеют важное значение для нашей темы. Так, в трудах Е.И.Крупнова,⁸⁸ Б.Б.Пиотровского,⁸⁹ А.А.Иессена, М.С. Гаджиева отмечены пути, по которым в Кавказскую Ал-

банию попадали товары, маршруты древних традиционных связей Южного Кавказа, в том числе Azerbaijan, с древневосточным миром, со странами Средиземноморья. По этим путям осуществлялись контакты населения античного Azerbaijan с внешним миром. Кроме того, работы названных выше авторов свидетельствуют о том, что территория Azerbaijan никогда не была географически замкнутой, и по ней уже в глубокой древности проходили пути, связывающие Северный Кавказ и другие регионы с Переднеазиатским миром. Вопросы взаимоотношений Кавказской Албании с эллинистическо-римским миром затронуты в самых общих чертах в ряде работ по истории Azerbaijan. Одной из первых подобных публикаций является вышедшая в 1950 году статья В.Н. Левиатова «Azerbaijan с V века до н.э. по III век н.э.». В ней автор, впервые сопоставляя данные письменных источников и памятников материальной культуры, изложил историю Албании в античное время. Кроме того, им были зафиксированы весьма интересные наблюдения. Так отмечая, что Azerbaijan и Грузия входили в число эллинистических государств, В.Н.Левиатов впервые на конкретном археологическом материале показал некоторое влияние эллинистической культуры на Албанию.⁹¹ Немало места уделил В.Н.Левиатов внешнеполитическим связям древнего Azerbaijan с Римом и Парфией. Он указал, что Южный Кавказ в планах римских завоевателей занимал особое и даже очень важное место: «Императорский Рим, направивший свои легионы в Закавказье, в ряду целей, им преследовавшихся, имел в виду также овладение водным путем в Индию, а для этого нужно было выйти к берегам Каспийского моря, т.е. пройти через Албанию».

Вместе с тем, общие замечания, которыми ограничивается В.Н.Левиатов, проливают очень мало света на вопрос о торго-

вых и иных связях Кавказской Албании в античное время. Это вполне понятно, так как ко времени публикации его статьи мало еще было материала, который позволил бы сделать какие-либо заключения о степени этих взаимоотношений.

В 1959 году вышла фундаментальная работа К.В.Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании», ставшая для своего времени настольной книгой албанистов. В данной работе автором на основании изучения и сопоставления всех видов источников, изложена история экономической, политической и культурной жизни албанов с IV века до н.э. - «со времени первого засвидетельствованного письменными источниками их выступления на исторической арене и до VII в н.э., когда завоевание Закавказья арабами положило конец государственности Албании». Излагая историю Албании раннего периода и отмечая обнаруженный в районе Барды клад македонских и селевкидских тетрадрахм II века до н.э., К.В.Тревер замечает, что эта единичная находка может носить случайный характер, но тем не менее она говорит о каких-то сношениях с эллинистическим миром. Относительно торговли в первые века нашей эры К.В.Тревер пишет, что в этот период она не имела в Албании того удельного веса, который получила впоследствии, в VII-VIII веках: «Оживленные торговые сношения между Западом и Востоком, в которых большое участие в первых веках нашей эры принимала Армения, Албанию, по-видимому, не затрагивала ввиду общей исторической обстановки и ее обособленного географического положения (вдали от международных торговых магистралей)».⁹⁵

Даже учитывая относительно слабую археологическую изученность Кавказской Албании ко времени выхода в свет книги К.В.Тревер, трудно согласиться с этим автором. Во-первых, потому, что территория Азербайджана в античный период не

была замкнутой и не находилась в стороне от международных событий тех времен. Как нами отмечено выше, Южный Кавказ, в том числе Азербайджан, был связан сложными экономическими и культурными узами с древневосточным миром. Во-вторых, контакты Кавказской Албании с внешним миром могли осуществляться по древним традиционным путям и по международной торгово-транспортной магистрали из Индии в Понг, проходившей через территорию Азербайджана.

Ряд работ по истории Кавказской Албании принадлежит З.И. Ямпольскому. Так, в монографии, посвященной истории древней Албании в III-I веках до н.э., излагаются некоторые аспекты этногенеза, социально-экономического строя, религии и внешней политики Албании и Атропатены.⁹⁶ Вместе с тем это - первый капитальный труд по исследованию храмового хозяйства Албании. Автор наглядно показал, что в эллинистическую эпоху в Албании, как и в Грузии и Малой Азии, существовали храмовые объединения, обьединения поселений вокруг больших и наиболее почитаемых святилищ божеств, связанных с земледельческими культами.

В ряде статей З.И.Ям польский осветил отдельные вопросы, связанные с историей Албании в античное время.⁹⁷

Многие сюжеты, связанные с историей взаимоотношений Кавказской Албании с эллинистическим и римским миром, получили определенное отражение в ряде публикаций. Так, изучению торговых путей Южного Кавказа в античное время посвящены публикации А.Ерицова,⁹⁸ Г.К.Гозалишвили.⁹⁹ З.И.Ям-польского,¹⁰⁰ О.Д. Лордкипанидзе,¹⁰¹ С.Т.Еремяна.¹⁰² Эти авторы приводят аргументацию в пользу существования в античное время торгово-транспортных дорог, связывавших Албанию и Иберию с внешним миром.

Бурная эпоха римских войн и походов привлекла внимание

как античных авторов, так и современных исследователей. Поэтому неудивительно, что событиям, связанным с походом римлян на Восток, в том числе на Южный Кавказ, посвящена обширная литература. В ряде публикаций рассмотрены римская экспансия на Южный Кавказ, римско-парфянские взаимоотношения,¹⁰⁴ и попутно с ними - военно-политические взаимоотношения Кавказской Албании с Римом. Военно-политические отношения остаются вне рамок нашего исследования. Однако вышеназванные работы представляют для нас значительный интерес, так как вторжения римлян на Южный Кавказ являлись одним из важных звеньев в геополитике Рима и в цепи римских военных предприятий в Азии. Они имели целью планомерное и поэтапное продвижение в восточном направлении, овладение мировыми торговыми магистралями «для обеспечения проникновения на Восток римского торгового капитала». Тем самым, по мнению М.М.Слонимского, Рим стремился превратить восточные страны в постоянную военно-экономическую базу своей восточной экспансии.¹⁰⁶ Кавказская Албания не стала исключением.

Как считает К.В.Тревер, одной из целей восточной политики Рима являлось его «стремление захватить и удержать мировые торговые пути и рынки в Восточном Средиземноморье и Малой Азии, на которые посягал Пснт в лице Митридата Евпатора».¹⁰⁷

Ввиду того, что основными источниками при исследовании экономических и культурных взаимоотношений Кавказской Албании с античным миром являются археологические памятники, необходимо отметить специальные работы, посвященные как отдельным находкам артефактов, так и памятникам, имеющим важное значение для изучения этих связей. Самыми многочисленными являются нумизматические находки.

Историческая наука давно оценила монеты, как важнейший источник наших знаний о далеком прошлом. Нумизматика постепенно и постоянно открывает все новые страницы и даже целые главы того, что происходило некогда. Поэтому монеты представляют большой интерес не только как памятники истории денежного обращения, но и как источник изучения многовекторных и многоплановых связей между народами и странами в хозяйственной и политической сферах. Бесспорно первостепенное значение для анализа нумизматического материала имеют данные о монетных находках, зарегистрированные Е.А.Пахомовым в серии выпусков «Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа», а также в ряде отдельных публикаций. Специально античной нумизматике Азербайджана Е.А.Пахомовым посвящены статьи: «Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР)» и «Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I веке до н.э.». ¹ В первой статье автор дает не только подробный перечень находок античных монет, обнаруженных на территории Азербайджана до 1958 года включительно, но и общую картину денежного обращения, отмечая, что на рубеже III-II веков до н.э. в Албании создаются условия для зарождения собственного денежного обращения. Вторая статья Е.А.Пахомова посвящена исследованию монет - подражаний из большого клада, обнаруженного в селении Хыныслы Шамахинского района. Основные выводы статьи сводятся к следующим: тождество монет клада с одной из монет, обнаруженных в грунтовом погребении вместе с римской монетой I века до н.э.; наиболее тяжелые из них носят следы перечеканки из римских республиканских денариев; монеты-подражания, несмотря на близость их между собою по деталям рисунка, чеканены не одной, а несколькими различными парами штампов.

Эти выводы очень важны не только для характеристики денежного обращения Албании в античное время, но и для изучения ее торгово-экономических связей.

Интересна также статья Е.А.Пахомова «Монеты Мингечаура». Однако, не все выводы автора могут быть, с нашей точки зрения, приняты в настоящее время. Так, характеризуя картину денежного обращения в Северном Азербайджане, Е.А.Пахомов отмечает, что «селевкидский чекан III-II веков до н.э., равно как и ранний аршакидский, еще не переходил на северное побережье Куры, хотя на южном он уже встречается».¹¹¹ В тот период, когда статья Е.А.Пахомова увидела свет, такой вывод являлся приемлемым, ибо в районах севернее Куры подобные находки монет были крайне редки. Обнаружение же впоследствии двух больших кладов монет эллинистического периода в районе Шамахи и в Кабале, а также ряд отдельных находок объективно заставляют пересмотреть мнение Е.А.Пахомова. Важные исследования в сфере нумизматики Азербайджана принадлежат А.М.Раджабли, который успешно продолжает дело своего учителя Е.А.Пахомова. Наряду с многочисленными публикациями, увидевшими свет в разные годы, А.М.Раджабли принадлежит сводный обобщающий труд, в котором рассмотрена также нумизматика Азербайджана античного времени, в том числе албанское серебро. Как отмечает этот автор, «Впервые монеты попадают на территорию Азербайджана после образования мировой империи Александра Македонского. Это были монеты самого великого завоевателя - серебряные драхмы и тетрадрахмы, чеканенные в различных городах новообразованной империи». Затем появляются местные подражания монетам Александра Македонского, Селевкидов и Аршакидов; одновременно можно было говорить о местном албанском монетном чекане, что было в свое время отмечено Е.А.Пахомовым.¹¹⁴ Автор гово-

рит также о том, что в Кабале, расположенной недалеко от известной водной торгово-транзитной артерии античного времени между Черным и Каспийским морями и являвшейся главным торгово-экономическим и политическим центром Албании, находился монетный двор.

Одной из наиболее интересных работ по античной нумизматике Кавказа является исследование А.Н.Зографа «Распространение находок античных монет на Кавказе».¹¹⁶ Хотя со времени его публикации прошло много времени и сделано немало находок античных монет на Кавказе, в том числе в Азербайджане, некоторые выводы автора сохраняют свое значение для характеристики денежного обращения Южного Кавказа.

Не менее ценным для изучения денежного обращения Южного Кавказа античного времени является труд К.В.Голенко «Денежное обращение Колхиды в римское время».¹¹⁷

Сопоставляя монетные находки на территории Колхиды в римское время с аналогичными находками на соседних территориях - в Иберии и Албании - автор приходит к любопытным выводам, касающимся как путей проникновения римского и парфянского серебра на Южный Кавказ, так и в некоторой степени характеристики его денежного обращения. Однако, некоторые его заключения относительно денежного обращения Албании не могут быть приняты. Так, по мнению К.В.Голенко, регулярное проникновение аршакидских драхм на Южный Кавказ началось с I века до н.э. Между тем обнаружение значительного количества монет Аршака, Фраатов I и II, Митридатов I и II только в Азербайджане, не говоря уже о Грузии, позволяет оспаривать это утверждение К.В.Голенко.

Римским монетам, найденным на территории СССР, в том числе в Азербайджане, посвящены работы В.В.Кропоткина. В них дается не только подробный перечень находок римских мо-

нет и кладов, но также анализ зарегистрированных монетных находок, с точки зрения их достоверности и пригодности для историко-экономических построений. К работам приложены карты и таблицы, характеризующие торговые связи Римского государства с различными народами в первые века нашей эры. Отметим также важные публикации Д.Б.Шелова, посвященные исследованию античных монет."⁹

В целом, указанные выше нумизматические исследования помогли выяснить характер взаимоотношений Кавказской Албании с античным миром по монетным данным. Вместе с тем определенное значение для нашего исследования имеет количественный подсчет античных монет, найденных на территории Азербайджана. Он позволяет установить, какие из них имели большое распространение и участвовали в обращении. При изучении нумизматического материала, изданного Е.А.Пахомовым, а также находчиками, мы обратили внимание не только на районы, где найдены монеты, но и на археологические условия их обнаружения. Такой подход дал положительные результаты не только для установления степени вовлечения тех или иных районов в мировую торговлю античности, распространенности монет среди различных слоев населения, но позволил также заметить заимствование жителями Албании одного из обрядов, широко распространенного в античном мире. На протяжении многих лет материальную культуру Кавказской Албании изучал С.М.Казиев. В своих отчетах и публикациях, посвященных отдельным находкам, он неоднократно останавливался на артефактах, свидетельствующих о торговых и культурных связях Кавказской Албании с внешним миром. Определенное проникновение эллинистического влияния, по материалам Мингечаура С.М.Казиев отметил в своих статьях «Раскопки Мингечаура», «Археологические памятники Мингечаура,

как исторический источник для изучения истории Азербайджана». Во второй из них автор указал также на выгодное географическое положение, которое занимал Мингечаур. Изучение археологического материала Кабалы, по мнению С.М.Казиева, свидетельствует о том, что этот город в античное время был важным, и, как сообщают античные авторы, даже главным торгово-экономическим и культурным центром Албании, и что его жители поддерживали оживленнейшие связи с эллинистическими государствами.

В ряде статей Г.М.Асланова также нашли отражение весьма интересные находки «импортного» происхождения, обнаруженные в Мингечауре.

Дж.А.Халилов, посвятивший многие годы археологическому исследованию античной Шамахи, отождествляемой с Птолемеевской Камахией, отметил также связи жителей этого района Албании с античным миром. Его монографический труд впервые обобщает археологический материал, на основе которого охарактеризована высокая для античного времени самобытная культура, периода важнейших внутренних и внешних событий в жизни населения Кавказской Албании, внесшего значительный вклад в сокровищницу кавказской цивилизации. Дж.А.Халилов осветил ряд важных проблем истории и культуры античной Албании, зарождение местной городской жизни и развития албанских городов, городского ремесла, торговли, культуры.¹²²

Изданный в 1956 году труд О.Ш.Исми-Заде посвящен Ялойлутепинской археологической культуре. Автор суммировал результаты раскопок, выявивших своеобразный характер керамики, находимой на севере Азербайджанской ССР, установил диапазон распространения этой культуры¹²⁴ и ее хронологические рамки, проследил связи ее носителей с Передней Азией и

странами Южного Кавказа и переплетение особенностей местного типа погребений с другой, одновременно широко распространенной культурой кувшинных погребений.¹²⁵

Т.И.Голубкина изучала, преимущественно культуру кувшинных погребений Азербайджана в сопоставления с письменными источниками. Она осветила некоторые стороны быта жителей античной Албании и подчеркнула, что хозяйство этой страны развивалось не изолированно, а во взаимодействии с соседними народами и государственными образованиями. К такому выводу она пришла, сравнивая кувшинные погребения Азербайджана и Грузии, отмечая, что этот обряд захоронения в основном одинаков, чему, возможно, в какой-то мере способствовали идентичные формы хозяйства, быта, религиозных верований, а также торговые и культурные связи между ними. Вместе с тем Т.И.Голубкина останавливается на вопросе об обмене и торговле в Албании. Она обратила внимание на интенсивный характер торговых и культурных связей жителей Албании в период распространения обряда кувшинных погребений с большинством крупных торгово-ремесленных центров Средиземноморского бассейна. У нее отмечено также, что жители античного Азербайджана вели не только посредническую торговлю, но и вывозили товары собственного производства.

Г.М.Асланов на основе археологического материала катакомбных погребений Мингечаура осветил развитие хозяйства, ремесленного производства, отметил торговые и культурные связи Мингечаура как с соседними областями Южного Кавказа, так и с восточными и западными странами (Индия, Иран, Сирия, Балканы, Северный Кавказ).

Ф.Л.Османов на основе археологических памятников зоны междуречья Геокчай-Ахсучай, расширил наши представления не только о хозяйстве и духовной жизни жителей Албании, но и об

их связях с соседними областями и более отдаленными странами античного мира. Принципиальное значение имеют выводы автора о торговле Кавказской Албании. На основании найденных в этих районах стеклянных изделий и других предметов Ф.Л.Османов констатирует связи албан с античным миром. Кроме того, как отмечает автор, «некоторые общие черты глиняных сосудов, статуэток и погребальных памятников, а также монеты других государств и их местные подражания, памятники глиптики и торевтики свидетельствуют о культурных и торговых отношениях Албании с различными странами».¹²⁷ Весьма ценен вывод Ф.Л.Османо́ва о том, что эти взаимоотношения сыграли значительную роль в социально-экономическом и культурном развитии населения Кавказской Албании.

В работах И.А.Бабаева и А.Б.Нуриева,¹²⁸ а также Г.Г.Леммлейна, Б.Б.Пиотровского, К.В.Тревер, Р.В.Кинжалова¹²⁹ известное внимание уделяется импортным предметам, дается их характеристика и сделаны на этой основе определенные выводы. Они выгодно отличаются от других исследований обзором и исследованием отдельных групп памятников, имеющих большое значение для изучения связей Кавказской Албании с эллинистическим и римским миром. Так, публикации И.А.Бабаева посвящены памятникам глиптики Азербайджана античного и раннесредневекового периода. Они представляют интерес не только как специальный обзор памятников глиптики, но и своим историческим подходом к ним. Автор впервые предпринимает попытку определить, какие предметы привозные, а какие - местного производства. Он указывает возможные пути проникновения привозных изделий глиптики; а для местных изделий, изготовленных как бы в подражание импортным образцам, называет страны, изделия которых могли служить для них образцами. Весьма интересно указание И.А.Бабаева на то, что римские па-

мятники глиптики, как и другие привозные античные изделия, были широко и повсеместно распространены в Кавказской Албании, а также, что со второй половины I века до н.э., в период наибольшего могущества Рима, создались благоприятные условия для торговых и культурных сношений между этими государствами.

Исключительный интерес представляет работа А.Б.Нуриева, посвященная стеклянному производству и многочисленным разнообразным стеклянным изделиям Кавказской Албании. Автор не только привел перечень всех стеклянных изделий, найденных в Азербайджане, их описание, технику изготовления, но и определил среди них привозные. Согласно его мнению, стеклянные изделия до III века н.э. в Кавказской Албании были привозными, в основном из восточно-средиземноморских центров. Выделяя стеклянные украшения в отдельную группу, А.Б.Нуриев отмечает, что «некоторые косвенные данные свидетельствуют, что, наряду с привозными, в Албании бытовали стеклянные бусы, изготовленные местными мастерами. Видимо, с IV века до н.э. албаны начали изготавливать различные стеклянные украшения, что после III века получает свое дальнейшее развитие». На основе изучения стеклянных изделий автор проследил и пути их проникновения в Албанию. Так, отмечая наличие сирийских и финикийских стеклянных изделий, А.Б.Нуриев указывает, что наиболее вероятным является их завоз водным путем из Черного моря по Кура-Рионской торговой магистрали; этим же путем привозилась, по его мнению, продукция из Европы и Северной Африки (Александрия). Весьма ценно отмеченное А.Б.Нуриевым наличие торговых отношений как между городами и поселениями Албании, так и с Грузией и Северным Кавказом.

Интересны исследования Г.Г. Леммлейна по одному из Распространенных украшений античного времени - каменным

бусам. В указанных выше работах автор дает как общую классификацию этих изделий, так и тех, что обнаружены в Мингечаурском некрополе. Описывая технику их изготовления, он указывает и центры, в которых могли изготавливаться эти бусы, что позволяет судить о направлении связей.

Из обзора источников и исследований о торгово-экономических и культурных связях Кавказской Албании с античным миром можно сделать следующие выводы:

1. Взаимоотношения Албании с внешним миром в IV веке до н.э. - III веке н.э. еще не были объектом исследования.
2. В эллинистическо-римское время Албания имела широкие торговые, экономические и культурные связи с внешним миром.
3. Зарождение многоплановых связей Кавказской Албании с эллинистическо-римским миром ныне не оспаривается, подтверждением чего является наше исследование.

¹ Это верное сообщение игнорировалось до II века н.э. античными географами: они полагали, что Каспий сообщается либо с Азовским и Черным морями, либо с Северным Ледовитым океаном.

² Вероятнее всего в Фасисе. См.: Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота. // Сборник статей «Северное Причерноморье». Москва-Ленинград, 1953, с.319.

³ Пахомов Е.А. Обзор источников по истории Азербайджана. // Источники клинописные, греческие, римские, византийские, вып. I. Баку, 1940, с.17.

⁴ Отрывки из произведений античных авторов, касающиеся Скифии и Кавказа, собраны и переведены в конце XIX - начале XX веков. См.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasica*). Т. [-II. С.-Петербург, 1893-1906; Второе изд.: ВДИ. 1947, № 1-4; 1948, № 1-4; 1949, № 1-4; 1952, № 2. См. также: Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. // СМОМПК, вып. 4. Тифлис, 1884.

⁵ Пахомов Е.А. Указ. раб.

⁶ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании

(IV век до н.э. - VII век н.э.). Москва-Ленинград, 1959, с.7-11.

⁷ Алиев К.Г. К вопросу об источниках литературы по истории древней Кавказской Албании. // Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962. с.6-15.

⁸ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I-III. Пер. Ф.Г.Мищенко. Москва, 1890-1899.

⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Т. V-VI. Пер. И.Алексеева. С.-Петербург, 1774-1775.

¹⁰ Страбон, География. Пер. Г.А.Страпановского. Ленинград, 1964.

¹¹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925, с.9.

¹² Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 4, 99-100.

¹³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Издание подготовили М.Е.Грабарь-Пассек и С.П.Маркиш. Т. МП. Москва, 1963-1964.

¹⁴ Машикин Н.А. История древнего Рима. Москва, 1947, с.21.

¹⁵ Дионисий Перизетт Египетский. Описание населенной земли. Пер. И.П.Цветкова.//ВДИ, 1948, №1.

¹⁶ Томсон Дж.О. История древней географии. Москва, 1953,с.327.

¹⁷ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. Москва, 1961, с.193.

¹⁸ Арриан. Поход Александра. Пер. М.Е.Сергеенко, Москва-Ленинград, 1962.

¹⁹ Аппиан Александрийский. Гражданские войны. Пер. под ред. С.А.Жебелева и О.О.Крюгера. Москва, 1935.

²⁰ Хан Иштван. Аппиан и Александрия. // ВДИ, 1968, № 1, с.84-85.

²¹ Клавдий Элиан. О природе животных. // Сборник «Поздняя греческая проза». Пер. В.В.Латышева. Москва, 1961.

²² Ельницкий Л.А. Указ.раб., с. 174.

²³ Дион Кассий. Римская история. // Поздняя греческая проза. Москва, 1961. ²⁴ Плутарх, том II, с.359. ²⁵ Пахомов Е.А. Указ.раб., с.27.

²⁶ Там же.

²⁷ Тит Ливий. История Рима. Пер. Г.Г.Зоргенфрея. // ВДИ, 1949, № 1.

²⁸ Утченко С. Вступительная статья. // В кн. «Историки Рима». Москва, 1970, с.20.

²⁹ Юстин. Эпитома. Пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского. // ВДИ, 1954, № 2-4; ВДИ, 1955, № 1.

³⁰ Помпоний Мела. Хорография. // Латышев В.В. Известия писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 2. С.-Петербург, 1904.

³¹ Ельницкий Л.А. Знания древних..., с. 169. ³² Ельницкий Л.А. Указ.раб.,с.169-170. ³³ Квинт Курций Руф. История Александра. Под ред. В.С.Соколова. Москва, 1963.

³⁴ Плиний Старший. // В кн. «Катон. Варрон. Колумелла. Плиний. О сельском хозяйстве». Москва, 1957

³⁵ Секст Юлий Фронтин. Стратегемы (военные хитрости). Пер.А.Рановича. // ВДИ, 1946, № 1.

- ³⁶ Тацит Корнелий. *Анналы, малые произведения. История.* Ленинград, 1969.
- ³⁷ Бокичанин А.Г. Указ раб. Т. I, с.53.
- ³⁸ Светоний Транквилл Гай. *Жизнь двенадцати цезарей.* Москва, 1966.
- ³⁹ Писатели истории Августов. // ВДИ, 1949, № 3
- ⁴⁰ Аммиан Марцеллин. *История.* Пер. Ю.Кулаковского и А.Сонни. Киев, 1906-1908.
- ⁴¹ Латышев В.В. Заметки о кавказских надписях. // *Известия ИАК*, вып. 10, 1904, с. 103-105; Тревер К.В. Указ. раб., с.339-342; З.И.Ямпольский. *Древняя Албания в III-II веков до н.э.* Баку, 1962, с. 117.
- ⁴² Джафар-Заде И.М. Древнедатынская надпись у подошвы горы Беюк-Даи. // *ДАН Азерб. ССР*, 1948, №7, с.304-311; Тумбиль П.Х. Римская надпись I века н.э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан). // *ДАН Азерб. ССР*, 1948, № 7, с.312-313; Пахомов Е.А. Римская надпись I века н.э. и легион XII Фульминат. // *Известия АН Азерб. СССР*, 1949, № 1.
- ⁴³ Mommsen Th. *Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyranis et Apolloniensi.* Berlin, 1883; О новых изданиях надписи см.: ВДИ, 1949, № 1, с.214.
- ⁴⁴ Болтунова А.И. Греческие надписи Армавира. // *Известия Арм. ФАН СССР*, т. 1-2, 1942, с.35 ел.; Она же. Греческие надписи музея Грузии. Тифлис, 1928; Она же. О греческой надписи из окрестностей Мухета. // *Известия ГАИМК*, т. V, 1927; Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. // ВДИ, № 2, 1964, с.134-138.
- ⁴⁵ Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966; Он же. О производстве стекла в древней Шемахе. // *МКА*, т.VI, Баку, 1965, с. 113-122.
- ⁴⁶ Каишай М.А., Селимханов И.Р. О химической характеристике браслетов из Мингечаурских погребений с сильно скорченным костяком. // *ДАН Азерб. ССР*, т. II, 1955, № 3, с.201-213; Они же. О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура. // *Известия АН Азерб. ССР*, 1954, № 11.
- ⁴⁷ Мещанинов И.И. Краткие сведения о работах археологических экспедиций в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. // *Сообщения ГАИМК*, вып. I, 1926.
- ⁴⁸ Шарифов Д.М. Раскопки в Ялойлу-тепе. // *Материалы Азгосмузея*, I, Баку, 1927.
- ⁴⁹ Исми-Заде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.
- ⁵⁰ Алекперов А.К. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. / *Известия ООИА*, т. IV, 1927; Он же. *Исследования по археологии и этнографии Азербайджана.* Баку, 1960.

- ⁵¹ Гуммель Я.И. *Археологические очерки*. Баку, 1940, с. 145-160.
- ⁵² Розендорф Г.О. *Дело ИАК*, 1903/44, с.54, 135, 97, 199.
- ⁵³ Пассек Т.С. *Джафарханский могильник*. // ВДИ, 1996, № 2.
- ⁵⁴ Асланов Г.М. *Материальная культура Мингечаура I-III веков. (На основе археологии катакомбных погребений)*. Автореф. канд. дисс. Баку, 1963, с.25.
- ⁵⁵ Казиев СМ. *Раскопки Мингечаура*. // КСИИМК, вып. 24, 1949; Он же. *Археологические раскопки в Мингечауре*. МКА, т. 1, 1949; Он же. *Альбом кувшинных погребений Мингечаура*. Баку, 1960.
- ⁵⁶ Ионе Г.И. *О гончарных обжигательных печах из Мингечаура*. // МКА, вып. 2, 1951, с.37-79; Казиев СМ. *Археологические памятники Азербайджана*. // Известия АН Азерб. ССР, 1950, № 7.
- ⁵⁷ Крупнов Е.И. *Археологические работы на Северном Кавказе*. // КСИИМК, 1949, вып. 27, с.20-25.
- ⁵⁸ Крупнов Е.И. *Археологические работы...*, с.20.
- ⁵⁹ Смирнов К.Ф. *О некоторых итогах исследования могильников местной и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана*. // КСИИМК, вып.37, 1951, с.160.
- ⁶⁰ Смирнов К.Ф. *О некоторых итогах исследования*, с. 160.
- ⁶¹ Смирнов К.Ф. *Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 годы*. // КСИИМК, 1952, вып.45, с.89.
- ⁶² Пиккуль М.И. *Эпоха раннего железа в Дагестане*. Махачкала, 1967; с. 165- 167; Крупнов Е.И. *Новый памятник древних культур Дагестана*. // МИА, СССР, 1951, №23, с.217 и др.
- ⁶³ Иессен А.А. *Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи*. // МИА СССР, № 125. Москва-Ленинград, 1965. Ваидов Р.М., Нариманов И.Г. *Развитие археологической науки в Советском Азербайджане*. // СА, 1967, № 4. Ваидов Р.М. *Первые итоги археологических работ в Торпак-кале*. // МКА, VI, Баку, 1965; Нуриев А.Б. *Указ.раб.*, с.6; Нуриев А.Б., Кулиев Н.М. *Стеклянный кувшин из Торпаггала*. // Дан Азерб. ССР, т. XXI, 1969, № 6, с.96 и сл.
- ⁶⁶ Халилов Дж.А. *Раскопки на городище Хыныслы - памятнике древней Кавказской Албании*. // СА, № 1, 1962; *Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы* // МКА, VI, Баку, 1965.
- ⁶⁷ Ваидов Р.М. Нариманов И.Г. *Развитие археологической науки*, с.60.
- ⁶⁸ Казиев СМ. *Первые итоги археологических разведок и раскопок в городище Кабала*. // МКА, VI; Казиев СМ., Бабаев И.А. *Раскопки древней Каба-лы*. // *Археологические открытия 1967 года*. Москва, 1968; Бабаев И.А. *Города гл. V*; Раджабли А.М. *Нумизматика Азербайджана*. Баку, 1997, гл. 1.
- ⁶⁹ Пахомов Е.А. *Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербай-*

- джана. // Изв. Аз ФАН, № 3, 1939; Османов Ф.Л. Об археологических памятниках Исмаиллинского района. // МКА, 6; Он же. Материальная культура Кавказской Албании III в, до н.э. - III в. н.э. Баку, 1983,
- ⁷⁰Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. С.-Петербург, 1810, с.83-92.
- ⁷¹Крузе Ф. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолеме, главном писателе в рассуждении Географии сей страны.//ЖМНП, 1835, 4.V. с.423-438.
- ⁷²После 1829 года, с окончанием войны с Ираном и присоединением Южного Кавказа Россией, стал проявляться интерес к истории местных народов, в том числе Азербайджана в античности.
- ⁷³Крузе Ф. Указ.раб., с.430.
- ⁷⁴Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. С.-Петербург, 1866, с.366-391.
- ⁷⁵Бакиханов А.А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с.23.
- ⁷⁶Там же, с.23-24.
- ⁷⁷Яновский А. О древней Кавказской Албании. //ЖМНП, 1846, ч. 52, с.97-103.
- ⁷⁸Дорн Б. Каспий. (О походах древних русских в Табаристан). С.-Петербург, 1875.
- ⁷⁹Крымский А.Е. Страница из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). // Сб. в честь С.Ф.Ольденбурга. Ленинград, 1934.
- ⁸⁰Сысоев В.М. Краткий очерк истории Азербайджана (Северного). Баку, 1925, с.25.
- ⁸¹История армянского народа. Ереван, 1980, с.90-36.
- ⁸²Абемян М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с.9, 13-14.
- ⁸³Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI веков. Москва, 1988, с.4-5, 7, 105; Саркисян Г.Х., Худавердян К.С., Юзбашян К.Н. Потомки Хайка. Ереван, 1998, с.69-71, 78-79, 90-93. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
- ⁸⁵Там же, с. 19.
- ⁸⁶Там же.
- ⁸⁷О наличии городов в начале нашей эры в Албании. См.: Всемирная история, том II, Москва, 1956, с.691.
- ⁸⁸Крупное Е.И. О походе скифов через Кавказ. // Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». Москва, 1952, с.186-194; О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока; Древняя история Северного

Кавказа. Москва, 1960), с.341-356.

⁸⁹ Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Ленинград, 1949.

⁹⁰ Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до н.э. //КСИА, 93, Москва, 1963; Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.

⁹¹ Левиатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в.н.э. // Изв. АН Азерб. ССР, № I, 1950, с.65-90.

⁹² Там же, с.77.

⁹³ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. - VIII в. н.э.). Москва-Ленинград, 1959.

⁹⁴ Там же, с.3

⁹⁵ Там же, с.83

⁹⁶ Ямпольский З.И. Древняя Албания VI-I вв. до н.э. Баку, 1962.

⁹⁷ Ямпольский З.И. К изучению древне азербайджанского города Юнана. //МИА СССР, № 67, 1959, с.366-369; Он же. О статусе, найденной на территории кавказской Албании. // КСИИМК, вып.60, 1955.

⁹⁸ Ерицов А. Исторический очерк торговых путей сообщения в древнем Закавказье. // Сборник сведений о Кавказе, т.1, 1871.

⁹⁹ Гозалишвили Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье. // Труды института истории АН Груз. ССР, т.П, 1956.

¹⁰⁰ Ямпольский З.И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре, через Грузию к Черному морю. // Труды Ин-та истории АН Груз.ССР, т.П, 1956.

¹⁰¹ Лордкипанидзе О.Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. // Сообщения АН Груз. ССР, т. 19, № 3, 1957, с.377-384.

¹⁰² Еремян СТ. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов по *Tabula Peut-ingeriana*. // ВДИ, I, 1939.

¹⁰³ Кудрявцев О.В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. // ВДИ, № 2, 1948; Саникидзе Л.Д. Экспансия Рима в Понте и Закавказье в первой половине I в. до н.э. Кутаиси, 1953; Лазаренко П.В. Восточная политика Юлия Цезаря. Автореф. канд. дисс, 1950.

¹⁰⁴ Головки ИД. Римско-парфянские взаимоотношения. Автореф. канд. дисс, Одесса, 1952; Бокицанин А.Г. Парфия и Рим, части I и II. Москва, 1960-1966.

¹⁰⁵ Болтунова А.И. Иберия и римская экспансия в Азии. // ВДИ, № 4, 1938, с.167.

¹⁰⁶ Слонимский М.М. Экономические предпосылки политики Рима в Северном и Восточном Причерноморье в первые века нашей эры. // УЗ Пятигорского Государственного Педагогического института (общественные науки), т. XIII, 1956,с.357.

¹⁰⁷ Тревер К.В. Очерки, с.88.

¹⁰⁸ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа.

¹⁰⁹ Пахомов Е.А. Античные монеты Ег Албании (в пределах Азербайджанской ССР). //Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании», Баку, 1962.

¹¹⁰ Пахомов Е.А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в 1 в. до н.э. Материалы по истории Азербайджана. // Труды музея истории Азербайджана, т. V, Баку, 1962.

¹¹¹ Пахомов Е.А. Монеты Мингечаура. // МКА, т. 11, Баку, 1951, с. 142.

¹¹² Раджабли А. М. Указ. раб, гл.1.

¹¹³ Там же, с.13. ¹¹⁴ Там же, с. 15-16.

¹¹⁵ Там же, с. 17.

¹¹⁶ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. // Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. I, Ленинград, 1945.

¹¹⁷ Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Ленинград, 1964.

¹¹⁸ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. // Свод археологических источников, вып. Г4-4, Москва, 1961; Новые находки римских монет в СССР. // НЭ, т. VI, Москва, 1966.

¹¹⁹ Шеллов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. Москва, 1956; Кизик-ские статеры на Боспоре. // ВДИ. № 2, 1949.

¹²⁰ Казиев С.М. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. // Известия АН Азерб. ССР, № 7, 1950; Раскопки Мингечаура. // КСИИМК, вып. 24, 1949; Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960; Он же. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. // МКА, III, 1953, с.6-36.

¹²¹ Асланов Г.М. Мингечаурское погребение с костяком, закованном в кандалы. // ДАН Азерб. ССР, № 4, 1953; Он же. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. // КСИИМК, вып. 60, 1955; Он же. Из истории материальной культуры Кавказской Албании I-IV вв. // Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании», с.114-148.

¹²² Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании IV век до н.э.- III век н.э. Баку, 1985.

¹²³ Исми-Заде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.

¹²⁴ После 1956 года Ялойлутепинская культура выявлена в ряде других районов. См. Бабаев И.А. Новые археологические находки близ гор. Кировабада. // МКА, VI, с.74-76; Махмудов Ф.Р. Памятник Ялойлутепинской культуры в Агязинской равнине. // МКА, том VI, с.131-140.

¹²⁵ Голубкина Т.И. Материалы к истории албанских племен Кавказа по

данным кувшинных погребений Азербайджана (II в. до н.э. - III в. н.э.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962; Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура I-VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений). Автореф. канд. дисс. Баку, 1963; Османов Ф.Л.

Материальная культура Кавказской Албании III в. до н.э. - III в. н.э. (По археологическим памятникам междуречья Гео-кчай-Ахсучай).

¹²⁶ Голубкина Т.Н. Культура кувшинных погребений в Азербайджане. //МКА, т. IV, Баку, 1961, с.32-34.

¹²⁷ Османов Ф.Л. Указ.соч., с. 17.

¹²⁸ Бабаев И.А. Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья (очерки по истории глиптики в древнем Азербайджане). Авто

реф. канд. дисс. Баку, 1956; Он же. О трех многогранных печатях из Мингечаура. // Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1956; Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании.

Автореф. канд. дисс. Баку, 1966; Он же О производстве стекла в древней Шемахе. // МКА, VI, с.Л 113-122.

¹²⁹ Леммлейн Г.Г. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя.// ДАН Азерб. ССР, 1949, № 2; Опыт классификации форм каменных бус. //

КСИИМК, XXXII, 1950; Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. // СА, 1958, № I; Он же. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. // Известия, ГАИМК, 1931, № 6;

Тревер К.В. Блюдо серебряное с изображением Нереиды, римская работа II-III вв.н.э. //Сб. «Эрмитаж 1764-1964», 1964; Она же. Бронзовая ножка канделябра из Нахичевана. // Известия РАИМК, т. I, 1921, с.261-264; Кинжалов

Р.В. Бронзовый светильник из Зерты. // Известия ДАН Азерб. ССР, т. X, № 9, 1954.

¹³⁰ Нуриев А.Б. Указ.раб., с. 7.

Глава II. Связи кавказской Албании с античным миром

2.1. Взаимоотношения Кавказской Албании с греко-римским миром до Александра Македонского

Необходимо отметить, также то, что взаимоотношения в эпоху эллинизма между Кавказской Албанией и Передней Азией не могли возникнуть сразу. Они не были следствием походов, завоеваний Александра Македонского. Почва для контактов с античным миром была подготовлена задолго до его времени давними и глубокими взаимоотношениями населения Азербайджана с окружающим его древневосточным миром. Безусловно, взаимоотношения эти были бесконечно сложными и многообразными. Давность связей Южного Кавказа, в том числе Азербайджана с другими странами и древневосточными государствами хорошо известна. На это важное с общеисторической точки зрения обстоятельство много раз указывается в специальной литературе, в том числе в археологических исследованиях.¹ Поэтому можно однозначно констатировать как высокий уровень культуры народов Южного Кавказа в древности, так и об их широких международных связях, имеющих многовековую историю еще до эпохи Александра Македонского.

Известны серьезные предпосылки, определившие эти связи. Они были обусловлены в значительной мере географическим положением. Хорошо известно, что Южный Кавказ с древнейших времен служил мостом, соединявшим Черное море с Каспийским, Западную Европу с Центральной Азией, Восточную Европу с Передней Азией. Пути, связывавшие через Южный Кавказ эти обширные мега регионы имели огромное значе-

ние. Установлению связей способствовали также известные переселения народов и миграции племен с севера на юг. Начало этих процессов относится к древнейшим временам. Постоянные связи Южного Кавказа с Передней Азией объяснялись также его природными богатствами. В частности Азербайджан был известен своим достаточно высоким уровнем металлопроизводства уже в начале III тысячелетия до н.э. Эта страна являлась очагом распространения как металлургического сырья (слитков металла) и готовой продукции, так и определенных металлургических традиций. Нет сомнения в том, что соседство древнейших цивилизаций Востока не могло не оказать влияния на Кавказ. Однако имело место и обратное воздействие. Так, Кура-Аразская археологическая культура IV-III тысячелетий до н.э. имела широчайшее распространение, охватывала Кавказ и Малую Азию.³ Включение части Южного Кавказа в состав ряда древневосточных государств также способствовало установлению широких и постоянных связей Кавказских стран с Передней и Центральной Азией.

Одним из путей древних традиционных связей Азербайджана с внешним миром был Дербендский маршрут, прослеживаемый как по археологическим данным, так и по свидетельствам письменных источников. Кроме вышеуказанных данных, косвенным свидетельством важности этого пути по Западному побережью Каспия является густота заселения приморской части Дагестана, особенно в эпоху бронзы.⁵

В установлении контактов жителей древнего Азербайджана с южными странами важное значение имели и горные перевалы через Малый Кавказ. Сведения греческих и римских авторов, в том числе Страбона, Плиния Старшего, Помпония Мелы, Юлия Солина,⁷ о Каспийском море, посещении мореплавателями Каспия, о торговом пути из Индии, через Центральную Азию

к Каспийскому морю и далее через Южный Кавказ к портам Черного моря свидетельствуют о большом и важном значении этого пути международных связей в эллинистическо-римское время.

Вопрос о торгово-транзитном пути из Индии в Понт через Южный Кавказ не получил еще общепризнанного мнения. В научной литературе господствуют противоположные высказывания на этот счет. Целесообразно поэтому дать краткую историю изучения данного вопроса.

Западноевропейские, русские и советские ученые в своих исследованиях уделили определенное внимание этой международной торгово-транзитной трассе. Среди западноевропейских исследователей еще в XVIII столетии Герен проявил интерес к транскавказской магистрали, связывавшей побережье Черного моря с далекой Индией. Наметить маршрут этой торговой трассы на основе анализа данных античной литературной традиции пытался Т.Рейнах. По его мнению, по указанному пути индийские товары могли дешево и быстро транспортироваться к

устью Риона.⁸ Функционирование этого древнего пути международных связей не отрицали и авторы отдельных разделов энциклопедии Pauly Wissowa. С ними согласен также И.Г.Дройзен. Еще Александр Македонский, отмечает он, понимал необыкновенную важность Каспийского моря, его обильных гаванями побережий для установления связей с Востоком Азии.¹ По мнению Е.Шпека, этот путь, игравший важную роль в торговле Запада с Востоком, в установлении между ними контактов, ко времени экспедиции Пагрокла уже функционировал.¹¹ Важное значение торговой трассы Индия - Понт подчеркнул М.П.Чарлзуорс, полагая, что она была менее опасна для купцов, чем другие пути, ведущие в Индию.¹² Однако, Дж.О.Томсон считает, что мнение относительно транспортировки товаров из Индии по

Оксу к Каспийскому морю, явно ошибочное.¹³ Он полагает, что этот путь только намеревались проложить в эллинистическое время экспедицией Патрокла. Р.Хенниг не отрицает функционирование этой магистрали, однако отмечает, что античные авторы заблуждались в своих сообщениях о судоходном пути из Каспийского моря до верховьев Окса и полагает, что такое заблуждение «могло быть вызвано наличием подобного важного волока между Узбоем и Аму-Дарьей».¹⁵ Значительное внимание проблеме древнего пути из Индии в Понт через Южный Кавказ уделили русские ученые и путешественники. В «Историографических записках», вышедших в 1810 году, по поводу торгового пути Индия - Понт отмечено, что греки и римляне, пытались для целей своей торговли уменьшить по возможности число устьев Куры. Но их «труды не были ни продолжаемы, ни поддерживаемы побережными народами, и все подпало жребию больших или меньших перемен, по мере приращения или умаления вод»¹⁶ Многие города, расположенные вдоль этого торгового пути, указывается в «Записках», без сомнения, обязаны своим процветанием индийской торговле. При этом отмечено, что даже в VI веке н.э. она не приходила в упадок, как то доказывает Юстинианово уложение, запрещающее Персидским купцам провозить товары далее Аракса, под опасением наказания конфискацией». Там же отмечено, что «Эта торговля гораздо древнее, чем об этом полагают; можно с достоверностью утверждать, что славное золотое руно, -предмет страсти фессалийских пиратов разбойников, прославившихся под именем Аргонавтов, - было нечто иное, как богатства, приобретенные жителями Колхиды посредством торговли с восточными нациями».¹⁷ Хотя приведенное выше сообщение ничем не аргументировано и не совсем ясно, какие народы имелись в виду под «вое-

точными нациями», тем не менее эти сведения заслуживают внимания.

В 1835 году вышла статья профессора Дерптского университета Ф.Крузе, в которой речь идет о Кавказской Албании. В ней говорится о перевозке в древности товаров из Центральной Азии по Аму-Дарье, через Каспий в Албанию и по Куре к Понту. Автор статьи, отражавший, по-видимому, интересы определенных кругов русского общества, заинтересованных в освоении присоединенного Россией Южного Кавказа, пишет: «Любопытно было бы сделать исследование: есть ли возможность еще теперь или именно теперь при усовершенствовании искусства проведения каналов, учредить такое водное сообщение между Киром и Фазисом? Место, где товары выгружались, должно быть в окрестностях Гори, на реке Куре». И.Шопен, ссылаясь на сведения античных авторов, полагает, что для торговли между Понтом и Каспийским морем были основаны греческие колонии и на территории Кавказской Албании.¹

Любопытно исследование П.Сабурова о торговых путях древних греков, опубликованное в 1855 году. Основываясь на данных античной литературной традиции, автор полагает, что протяженность Индо-Понтской торговой магистрали по времени могла занять два с половиной месяца.²⁰

В 1871 году появилась публикация А.Ерицова, посвященная торговым путям античного Южного Кавказа. По его мнению, через этот регион в Индию пролегали два маршрута: один - по Куре - Риону, второй - по Чороху и Араксу к Каспию. Как полагает этот автор, «Индоевропейская торговля не могла быть ведена водным путем, и она, по всей вероятности, была не судоходная, в этом случае реки упоминаются лишь для очернения по ним караванного пути». Караваны, указывает А.Ерицов, всегда имели возможность найти на этих путях для вьючных животных

корм и воду. Вместе с тем одним из подтверждений того, что Кавказская Албания была вовлечена в эту торговлю по маршруту Чорох-Аракс-Каспий служат находки античных монет.²²

Ряд работ о Каспийском море, реках Аму-Дарья и Сыр-Дарья появилось в XIX веке, в изданиях Русского географического общества.²³ В связи с этим весьма интересны наблюдения А.Чайковского по Аму-Дарьинской проблеме.²⁴ Так, он пишет, что некогда из долин Иссык-Куля выходила, изливаясь руслами Чу, Яны-Дарья, Узбой, полноводная река, составлявшая главную реку Центральной Азии и принимавшая реки Сыр-Дарью и Аму-Дарью как притоки, и впадала она в Каспий. Впоследствии, утверждает автор, в результате каких-то природных явлений, возвышенная и многоводная Иссык-Кульская долина осела и замкнулась в огромное горное озеро, потерявшее связь с верховьями главной реки. Поэтому последняя иссякла, а могучие притоки прорезали пустое русло главной реки и стали впадать в Аральское море. Свое предположение А.Чайковский основывает на том, что уровень Аральского моря выше Каспийского, на общем уклоне Туркестанской равнины в сторону Каспия, на известных следах русла вышеназванной реки от озера Иссык-Куль до Каспийского моря, на несомненном провале возвышенной долины этого озера.²⁵ В другой статье А.Чайковский отмечает, что это его мнение опирается на сообщения Геродота, китайских историков и Библии о торговле и городах Центральной Азии, расположенных вдоль этой иссякшей реки.

В.В.Бартольд считает, что мнение греков о впадении Аму-Дарьи в Каспий основано не на действительных фактах. Так, он приводит сообщение Феофана Митиленского о том, что река Кура все больше засоряет свое устье, а албаны не предпринимают никаких мер против этого. Такая ситуация связана с тем, что море их не интересует. Далее В.В.Бартольд пишет, что со-

общение античного автора опровергает мнение Аристобула, одного из спутников Александра Македонского, о сплошном водном пути из Индии к Черному морю через Центральную Азию. Каспий и Южный Кавказ, которым увлекались западноевропейские ученые.²⁷

Изложенный выше обзор западно-европейских и русских исследований, касающихся проблемы функционирования одной из важных торговых трасс античного периода, связывавших Понт через Южный Кавказ и Каспий с Центральной Азией и Индией приводит нас к следующему выводу: данные античной литературной традиции и наблюдения путешественников не могли дать неоспоримых доказательств для окончательного суждения о функционировании этого пути. Точно так же нельзя утверждать о времени начала оживленных торговых сношений по этому маршруту, водным или сухопутным путем между Западом и Востоком, опираясь только на сообщения античных авторов. Вот почему каждое новое исследование по данной проблеме дополняет наши представления о том, где и как проходила эта торговая магистраль, если она действительно существовала. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что затронутая проблема, начиная с XVIII столетия вызывает значительный интерес исследователей, большинство которых высказалось в пользу функционирования торговой трассы Индия-Понт.

Еще больший интерес к проблеме транскавказской магистрали, связывавшей в античное время Индию с Понтом, проявили советские ученые. Так, Я.А.Манандян не отрицал ее функционирования. Однако он полагал, что значение этого торгового маршрута в исторических трудах преувеличено. Против предположений западноевропейских ученых, переоценивших, по его мнению, роль и значение этой дороги Я.А.Манандян привел возражения русских ученых, главным образом, В.В.Бартольда:

«Некоторые факты источников, - отмечает он, - хотя и указывают на существование через низменные области Северного Закавказья торговых сношений с Востоком, но из них отнюдь нельзя делать вывода о преобладающем транзитном значении этой дороги, а тем более о серьезной конкуренции, которая будто бы была создана здесь южным магистральям».²⁹

Однако К.Г.Гозалишвили, возражая Я.А.Манандяну и утверждениям других авторов, пришел к иному выводу. Рассмотрев все обстоятельства, касающиеся проблемы впадения Аму-Дарьи в Каспийское море в классическую эпоху и в связи с этим существования торгово-транзитного пути, он считает, что «сколько - нибудь серьезных возражений против наличия такого пути на территории северных областей Закавказья не имеется и его существование надо считать несомненным фактом».³⁰ Тех же позиций придерживается З.И.Ямпольский. По его мнению, путь из Каспийского моря в Куру, и через сухопутье в Риони и Черное море, «вероятно, не только существовал, но еще и был связан с внезакавказскими большими водными путями». З.И.Ямпольский большее внимание уделил рассмотрению того отрезка указанной торговой магистрали, который непосредственно пролегал через Кавказскую Албанию. При этом он ссылается не только на сведения письменных источников, но и на данные археологии.

Исследованию торгово-транзитного пути из Индии к Черному морю посвящена статья О.Д.Лордкипанидзе. Автор широко привлекает как свидетельства античных источников, так и археологические, нумизматические данные. Основываясь на том, что самое раннее сообщение об этом пути восходит к Пат-Роклу, О.Д.Лордкипанидзе приходит к выводу, что данный торговый маршрут существовал с раннеэллинистического периода, Причем отдельные его участки, имевшие сначала локальное

значение, функционировали уже в доэллинистический период, когда торговля еще не приняла таких широких размеров, как со времен походов Александра Македонского.³² К.В.Тревер, приводя сообщения Страбона и Плиния об этом же торговом пути, отметила, что «в трудах вышеприведенных древних авторов мы имеем дело с отголосками обсуждения в свое время возможности такой перевозки товаров из Индии в порты Черного моря, а не с фактом осуществления такой транспортировки индийских грузов на запад».³³

С.П.Толстов отрицает возможность функционирования торговой трассы Индия - Понт. Археологические наблюдения, по мнению автора, свидетельствуют о том, что уже к началу I тысячелетия до н.э. Узбой (древнее русло Аму-Дарьи, впадавшей в Каспий. - М.Р.) перестает быть живой рекой, судоходство по нему было невозможным и в более ранний период из-за порогов и водопадов, о чем сообщает Полибий.

Тем не менее, важную роль транскавказских магистралей в римской торговле с Востоком отмечают авторы «Древнего Рима». По их мнению, «много индийских и китайских товаров шло также через далекое Бактрийское царство в Средней Азии. Оттуда они переправлялись по реке Оксу к Каспийскому морю и по кавказским дорогам к Черному морю и гаваням Понтийского царства».³⁵

В заключение следует заметить, что археологические и нумизматические артефакты, выявленные как на Южном Кавказе, так и в Центральной Азии, весьма четко подтверждают не только само существование и функционирование, но и значение этой транскавказской международной торгово-транзитной магистрали в античное время.

В подтверждение сказанному подчеркнем исключительное значение ряда исследований. Так, сопоставляя нумизматические

находки в Восточном Причерноморье с аналогичными данными из Центральной Азии, И.Б.Брашинский отметил, что «связи малоазийских греков с Парфией осуществлялись, вероятно, и через Черное море - речные пути Закавказья (Рионо-Квирильскую магистраль, Куру) - Каспийское море - судоходные реки Средней Азии и что путь этот, как можно полагать, был освоен еще в доэллинистическое время, во всяком случае в IV веке до н.э.»³⁶

А.Б.Нуриев, исследовавший стеклянные изделия, обнаруженные на территории Кавказской Албании, среди которых немало предметов сирийского и финикийского производства, приходит к заключению, что именно этим путем они поступали из Сирии и Финикии, а также из Европы и Северной Африки. Он пишет: «Во время раскопок античных и раннесредневековых памятников Албании были найдены многочисленные древние стеклянные бусы, которые были очень распространены не только в Закавказье, но и в Европе, Азии, вплоть до Индии и Китая. При раскопках в Куня-Уаз и Торпак-Кале на территории Средней Азии были найдены пиалы, характерные для Закавказья и Албании. Это дает возможность подтвердить исследуемым археологическим материалом сведения античных первоисточников о водном пути по трассе Кура-Каспий-Аму-Дарья, существовавшем с очень древнего времени».³⁷

Оживленные торговые связи Албании с внешним миром по описываемой магистрали подтверждаются также материалами кувшинных и катакомбных погребений. Анализ этих археологических данных подчеркивает важное значение Минге-чаура, находившегося на скрещении водных и сухопутных международных торговых маршрутов Южного Кавказа античного периода.

С ран неэллинистического времени по этому транскавказскому пути, в Албанию, скорее всего, попадали также античные

изделия глиптики, ибо подобные находки в значительном количестве обнаружены на территории древней Иберии.³⁹ По мнению М.И.Максимовой, античные изделия, в том числе геммы, попадали в Центральную Азию, Китай, также по торгово-транзитной магистрали Фазис-Индия.

Таким образом, находки археологических артефактов на территории Кавказской Албании подтверждают сведения греко-римских авторов о функционировании в античное время Индо-Понтийской магистрали. Подводя итоги исследованиям, посвященным проблеме функционирования торгового пути, описанного античными авторами, можно сделать следующие выводы:

1. Этот путь мог существовать и действовать задолго до походов Александра Македонского, в VI-V веках до н.э.
2. Торговый путь из Индии к побережью Каспия следует рассматривать не как водную магистраль, а как караванную дорогу.
3. Торгово-меновые операции могли проводиться через перевалочные базы, причем товары по несколько раз перегружались с вьючных животных на суда, проходили через многие руки, прежде чем достигнуть конечного пункта.
4. Посредники в этой торговле для контроля магистрали могли преувеличивать опасности и трудности, встречаемые на данном маршруте, что, по-видимому, и приводило к противоречивым сведениям об этой транзитной дороге.

Исходя из всего вышеизложенного, в целом мы можем сказать следующее.

1. Интерес исследователей к торговой магистрали Индия-Каспий-Понт, археологические и нумизматические артефакты подтверждают важное значение описанного пути для торгово-экономических, культурных, даже политических, контактов различных народов в античное время. Эта торговая трасса являлась

как бы главной артерией, от которой ответвлялись древние дороги, направлявшиеся на север и юг: через Дербендский проход - в Поволжье, Донские степи; через Кавказскую Албанию - в Южный Азербайджан, в Грузию и Малую Азию; далее на Восток - через Каспий, Запад - через Черное море. Так, осуществлялись взаимные контакты стран Восточной, Южной и Передней Азии с Кавказом, Придоньем, Поволжьем; Причерноморья с Центральной Азией и далее.

2. Имеющиеся данные позволяют подтвердить функционирование торговой магистрали из Индии в Понт через Южный Кавказ с раннеэллинистического времени, о чем свидетельствуют также письменные источники и археологические находки.

3. Археологические и нумизматические артефакты позволяют отнести функционирование этой трассы еще к доэллинистическому периоду.

2.2. Завоевания Александра Македонского и изменения в греко-римском мире

Походы и эпохальные завоевания Александра Македонского кардинально изменили общую ситуацию не только в восточном Средиземноморье и древневосточных государствах, но и решительно повлияли на страны и народы, которые находились далеко от греко-римского мира. Огромные пространства, от Дуная до Индии оказались тесно связанными в экономическом, культурном и отчасти политическом отношении, как с западным миром, так и между собой. Все это достаточно обстоятельно изложено в бесчисленных научных публикациях, увидевших свет во многих странах мира и в течение не одного столетия. Не менее многочисленны сочинения авторов греко-римского круга, описавших историю великого завоевателя и его многогранную

деятельность.

В результате широкой завоевательной политики Александра Великого, расширения масштабов государственной деятельности прежние идеи и методы управления изжили себя. Возникла необходимость найти формы взаимоотношений с государствами, как входившими в его державу, так и расположенными на окраине, которые удовлетворили бы обе стороны и существовавшие политические структуры.

Одним из первых шагов великого завоевателя на этом пути явились финансовые меры. Золото персидских владык, веками лежавшее мертвым грузом, было перечеканено в миллионы монет и живительной струей влилось во все торговые артерии монархии Александра Македонского. «Царь не только взял в свои руки чеканку монеты, но и произвел существенную денежную реформу, перейдя целиком на серебрянную основу, объединив притом аттическую денежную систему с ахеменидской».⁴¹

Установление единой денежной системы в античном мире должно было способствовать облегчению торговых связей и сделок на обширных пространствах, так или иначе контактировавших с владениями Александра Македонского. Суть в том, что финансовые меры, как нельзя лучше способствовали не только объединению огромной державы, но и расширению и упрочнению торгово-экономических, политических и культурных связей даже между отдаленными странами и народами, так или иначе связанными с именем Александра.

В его монархии шла гигантская созидательная работа, ибо вслед за армией македонского завоевателя в страны Востока устремилось большое число греческих купцов и ремесленников. «Большинство их осело в новых городах, основанных Александром, создавая там новые, разнообразные виды деятельности, передавая свой богатый опыт, а их старые связи с греческими

торговыми центрами только способствовали расширению торгового обмена между Востоком и Грецией». Греческая культура, греческие навыки в ремесле и искусстве переносились во все концы обширной державы, благородный и чистый аттический язык, язык Демосфена и Перикла становился государственным. Из органичного и гармоничного слияния греческой культуры с древнейшей цивилизацией Востока образовался новый сплав, родилась новая, всемирная эллинистическая культура.

Это объединение в рамках единой державы Александра Македонского, хотя и на непродолжительное время, многих стран и народов Передней и Центральной Азии, указанные выше финансовые меры, проникновение и расселение греческих купцов и ремесленников создали оптимально благоприятные условия для товарообмена не только между отдельными странами, но и внутри их. Появилась возможность усиленного экономического и культурного взаимоотношений стран Востока с античным миром. Завоевания Александра Македонского знаменовали собою новую эпоху во всех сферах жизни и деятельности Передней и Центральной Азии. Это был период оживленной торгово-экономической и культурной деятельности. Тогда были основаны новые греческие колонии и города, имели место крупные сдвиги, оказавшие могучее воздействие на дальнейшее развитие всего известного мира.

Расширению торгово-экономических и культурных связей содействовали также новые географические открытия, ставшие следствием походов Александра. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, насколько расширился кругозор греков в результате военных экспедиций их великого предводителя. «Среди военных походов древности, благодаря которым были открыты неизвестные до той поры страны и накоплены географические сведения, на первом месте стоит беспримерный в ис-

тории поход Александра Македонского». Действительно, ведь он первый познакомил западную цивилизацию с неизвестными цивилизациями Востока почти в самом сердце Азии.

Заботой македонского завоевателя было и улучшение торговых путей. Торговля уже во времена Александра приобретает мировой характер и, что особенно важно, в круг оживленного международного товарообмена вовлекались не только страны с развитой экономикой и денежным хозяйством (Малая Азия, Месопотамия, Египет), но и многочисленные народы отдаленных областей Центральной Азии, Индии, Кавказа и других, в большинстве которых все еще пока преобладало натуральное хозяйство.

2.3. Античный мир и Кавказская Албания

Таким образом, новые государственные образования - эллинистические монархии - стали играть ведущую роль в международной торговле, политике и культурном обмене. Закономерным поэтому является вопрос, повлияли ли общие перемены на древний Азербайджан, а также на ту его часть, известную с этого времени античным авторам как Кавказская Албания. Какой характер приняли ее взаимоотношения с внешним миром в эллинистический период. Какую роль играла эта страна, отдаленная от основных центров эллинизма в античное время.

По мнению В.В.Бартольда, македонское владычество, очень краткое, осталось без пользы для прикаспийских областей.⁴⁴

Однако, как считал Е.А.Пахомов, походы Александра Македонского, образование его греко-азиатской монархии, хотя непосредственно не коснулись Кавказской Албании, тем не менее как в политической, так и в экономической жизни Албании наблюдается резкий перелом.⁴⁵ К.В.Тревер отметила, что в IV-II

веках до н.э. страна албанов продолжала оставаться малоизвестной, «находилась в стороне от основных международных торговых путей, тогда как Армению пересекала магистраль из Передней Азии на Запад».

В «Истории Азербайджана» отмечено, что, хотя Албания была мало связана с эллинистическим миром, тем не менее наличие таких связей несомненно⁴⁷ В.Н.Левиатов, С.М.Казиев, Т.И.Голубкина, И.А.Бабаев, А.Б.Нуриев на конкретном археологическом материале констатируют торговые и культурные связи Кавказской Албании с эллинистическим миром.

Мы считаем, опираясь на логику и закономерность объективной картины эволюции античного мира, что правы те исследователи, которые отмечают многоплановые связи и взаимоотношения Кавказской Албании со странами ближнего и дальнего зарубежья именно в античное время, в том числе в эпоху Александра Македонского. Это подтверждается многими объективными факторами. Во-первых, тем обстоятельством, что уже в древности страны и народы были связаны между собой многими торгово-экономическими и культурными нитями. Во-вторых, по мере расширения этих нитей появлялись все новые зоны синтезного развития, что обеспечивало столь характерный для эволюции античного мира континуитет. В-третьих, деятельность Александра Македонского, как и последствия его эпохи, изменили многие отношения в Передней и Центральной Азии. В-четвертых, именно благодаря этому Е.еликому завоевателю, появилась эпоха эллинизма, ставшая в IV-I веках до н.э. синтезом греческой и местных восточных культур, сочетанием традиций западных и восточных политических структур, положивших начало активным многовекторным контактам по линии Восток-Запад, появлению Великого шелкового пути и Дороги пряностей и благовоний от Японии-Китая-Индии до Европы.

Для деятельности Александра, вызванной велением и требованиями своего времени, характерна широта замыслов. У него рождались все новые планы, и свои усилия он направил на создание как можно более обширной «мировой» империи. Никто не сомневался в том, пишет Г.Штоль, что те, кто покорили Грецию и Азию, теперь будут стремиться к захвату Скифии, Африки, Аравии и Европы, вплоть до Геракловых столбов. Г.Шахер-майр также отмечает, что Александр «пытался стабилизирован, центры империи и хотел пробудить у жителей чувство принадлежности к ней... Мысль об уравнивании Запада и Востока возникла у Александра еще после смерти Дария. Теперь он ставил вопрос об их полном слиянии... хотел основать новые торговые центры, чтобы они достигли такого же процветания, как и прибрежные города Средиземного моря».⁴⁹ Ведь сообщает же Диодор о планах походов Александра в Сицилию, Италию, Карфаген.⁵⁰ Пока, конечно, трудно говорить о достоверности этих сведений, однако вряд ли можно усомниться вообще в грандиозности замыслов македонского завоевателя. Было бы странно, если бы территория Албании выпала из сферы его деятельности. Александру, вероятно, было известно, что в центре построения, в ближайшем окружении персидского царя и его гвардии, находились жители Албании (албаны и сакасы). Оснащенные вооружением и отличавшиеся высокими военными качествами, они, по-видимому, уже хорошо были известны грекам и македонянам, «поскольку они их (по вооружению и одежде) сразу смогли отметить, и этими качествами следует объяснить и расположение их в самом опасном месте - против Александра и царского отряда».⁵¹ Сведения об этом сохранились у Арриана (II век н.э.), описавшего походы Александра Македонского, как известно, на основании официальных дневников, которые велись сопровождавшими царя специальными лицами из его военного окруже-

ния, военными историками, его биографами.

Об интересе Александра к этой части Южного Кавказа свидетельствует, на наш взгляд, и задуманная им экспедиция с целью изучения Каспийского бассейна. Из повествования Арриана следует, что Александр Македонский понимал, какую важную роль в установлении связей с Востоком может сыграть Каспийское море. В связи с этим он поручил исследовать его, изучить побережье и торговые пути по Каспию. Вот почему он приказал снарядить Каспийскую экспедицию, руководство которой возложил на Гераклида, сына Аргея. «Ему очень хотелось узнать, с каким морем соединяется море Каспийское, называемое и Гирканским: с Эвксинским, или же Великое море (под которым, вероятно, имел ввиду Индийский океан, - М.Р.), обойдя индов с Востока, вливается в Гирканский залив».⁵²

Приступая к выполнению намеченного плана, Александр направил Гераклида с опытными корабельными мастерами на берег Каспийского моря, чтобы рубить там лес и строить боевые суда.⁵³

Связав свои походы в некоторой мере с географическими задачами, Александр Македонский тщательно собрал сведения о странах, через которые проходил и которые намеревался покорить, собрав около себя для этой цели штат ученых.⁵⁴ Так, во время его пребывания в Мараканде (Самарканд), к нему прибыл некий Берда, направленный им в свое время к европейским скифам «под предлогом заключения дружбы». Настоящая же цель этого посольства, отмечает Арриан, «была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну».⁵⁶ Страбон, ссылаясь на Патрокла, сообщает о том, что Александр не ограничился сведениями участников похода и получал дополнительные сведения от людей хорошо

знавших страну.⁵⁷ В связи с упомянутым Патроком отметим, что преждевременная смерть великого завоевателя не позволила ему обследовать Каспийское море. Это намерение исполнил один из его диадохов - Селевк I Никатор (311-281 годы до н.э.), поручив его военачальнику Патроку, который на специально построенном военном судне обследовал Каспий.⁵⁸

Арриан рассказывает также, что Александра в Мараканде посетил царь хоразмиев Фарасман,⁹ когда узнал его интересе к путям, ведущим к Черноморскому побережью. С целью покорения Александром народов, живущих у Понта Эвксинского, он предложил свои услуги проводника и обязался доставлять греко-македонской армии провиант. Возможно, что Фарасман, если это не вымышленное лицо, предложил провести армию Александра к Понту через Каспий и Южный Кавказ. Вероятно, такой путь был ему известен, и, видимо, играл важную роль в торговле причерноморских городов, в равной мере и центральноазиатских стран с далекой Индией. Поэтому нет ничего невероятного в том, что Хорезм с помощью Александра надеялся установить гегемонию над этим торговым путем.

Александр, готовясь к походу в Индию, не мог дробить силы и участвовать в этой экспедиции, поэтому предложение Фарасмана не принял. Однако он не отказывался от намерений вторгнуться в Понт. Поэтому, как сообщает Арриан, заверил Фарасмана в том, что после овладения Азией, «со всеми силами ворвется в Понт». По всей видимости, армия и флот Александра должны были нанести удар с побережья Каспийского моря на севере, откуда могли пройти к Понту Эвксинскому. В таком случае им следовало подчинить скифов и страны Южного Кавказа с тем, чтобы обезопасить северные границы империи. Таким образом, и экспедиция Гераклида, и переговоры с Фарасманом свидетельствуют как об интересе Александра к указанным

областям, так и о наличии у него планов покорения Понта и Закавказья. Поэтому не случайно, Плиний, четыре века спустя, писал об этих планах уже как о свершившихся фактах: «Македония однажды овладела всем миром; войска ее прошли через Азию, Армению, Иберию, Албанию, Каппадокию, Сирию, Египет, перешли через Тавр и Кавказ».⁶¹

Юлий Солин в первой половине III века н.э. повторил ту же версию, сообщая о том, что Александр «покорил Азию, Армению, Иберию, Албанию и переправился через Тавр и Кавказ».⁶²

Следует отметить также, что сведения Плиния Старшего и Юлия Солина не составляют исключения. Поздняя традиция об Александре Македонском высказывается на этот счет более определенно. Общеизвестно, что величие его дел и личности поразили воображение многих народов Азии и Европы. В их преданиях, легендах, повествованиях и песнях жива память о нем. Многие из них пережили античный мир, шагнули в средние века и новое время. Достаточно назвать серию романов об Александре на различных языках мира. Ряд таких легенд бытовали и в Азербайджане. Неслучайно, в XII веке, они послужили основой для создания великим азербайджанским поэтом и мыслителем Низами Гянджеви поэмы об Александре Македонском «Искен-дернамэ». В ней рассказано о легендарных подвигах Александра в Азербайджане, о его посещении Баку, где один из героев того времени Соодан встретил его во главе знатных жителей и оказал ему услуги; о пламенной любви Александра к Нушабе, царице города Берда (ныне Барда). Весьма любопытно и то, что легенды об Александре Македонском бытовали в ряде районов Азербайджана.

Легендарная традиция, связанная с Александром Македонским и Азербайджаном, безусловно, не может считаться досто-

верной. Однако в нее могли попасть вполне надежные сведения, которые впоследствии были переработаны в соответствии с общей тенденцией романа об Александре. Е.Э.Бертельс указал, что в истории романа об Александре следует различать два главных течения: одно из них - реальная биография македонского царя, составленная вскоре после его смерти и получившая в дальнейшем завершение у Плутарха; другое - легенда, мало считавшаяся с исторической действительностью и стремившаяся к нагромождению фантастического элемента, первыми создателями которой были, вероятно, воины Александра.

К Плутарху, Квинту Курцию Руфу, несколько позднее и Арриану попали некоторые легендарные сведения, почерпнутые, вероятно, из описаний жизни и деятельности македонского царя, составленные его полководцами Птолемеем, Аристобулом, а также придворными историографами Клитархом и Каллисфеном, которые во многих случаях они пытались рационалистически осмыслить. Точно также в фантастическую канву романа об Александре вплетены факты его действительной жизни, вполне достоверные события. Нам неизвестно из надежных источников о походе Александра в Азербайджан, но сообщения о таких планах могли приобрести в поздней традиции характер достоверности.

Тем не менее, не вызывает сомнения, что общее направление действий Александра Македонского и его походы на Восток способствовали как развитию торгово-экономических, так и политических и культурных связей между Востоком и Западом в невиданных прежде масштабах. Составной частью этих связей являлись взаимоотношения эллинистического мира с Кавказской Албанией.

2.4. Каспийское море в системе античной торговли

Мнение о том, что контакты по описываемому пути, так или иначе связанному с Каспием, осуществлялись и до походов Александра Македонского, было высказано рядом русских, западно-европейских исследователей без аргументации и данных письменных источников. Так, в 1957 году французский ученый Ж.Филлиоза в одной из своих работ указал, что во времена иранского владычества индийские товары через Бактрию, Окс, Каспийское море, Кир и Фасис отправлялись вплоть до северных пределов эллинского мира, т.е. до Понта Эвксинского. Называя этот маршрут регулярным, автор полагает, что древние научные связи Индии с Западом также могли осуществляться по указанному пути.⁶⁴

Некоторые косвенные данные античной литературной традиции как бы дополняют археологический материал относительно начала и времени функционирования описываемой торговой трассы. Самое раннее упоминание о Каспии встречается в Аргонавтике, где сказано, что Ясон с одним из фессалийцев «проник до Каспиды».⁶⁵ Из позднейших версий мифа об Аргонавтах известно, что во владениях легендарного царя Колхиды побывал жених его дочери - Сир, прибывший с Албанского побережья.⁶⁶

Около VI века до н.э., возможно торговое плавание на Каспии, совершил Аристей из Проконнеса.

Однако поразительной точностью и обстоятельностью отличаются сведения о Каспийском море, его побережье и обитателях, восходящие к Геродоту: «Отец истории» твердо придерживается мнения, что это отдельное, не сливающееся ни с

каким другим море. Он правильно характеризует как западные гористые, так и восточные, равнинные, берега: «К западу это море называемое Каспийским, ограничивает Кавказ, а с востока к нему примыкает равнина, занимающая необозримое пространство».

Геродот впервые сообщает о морских Каспийских маршрутах. По его словам, пользуясь веслами, Каспий в длину можно переплыть в 15 дней, а в ширину - за 8 дней, даже там, где оно самое широкое. Анализируя эти маршруты, В.В.Бартольд пришел к выводу, что «это известие Геродота совпадает с известием арабского географа Истахри».⁶⁹ Таким образом, Геродот первый среди античных авторов обнаруживает довольно точные познания в отношении Каспийского бассейна. Тем не менее, его современники и, особенно, последующие поколения историков с трудом принимали на веру рассказы предшественников, в том числе сведения, Геродота о Каспии.

Вполне достоверные сведения Геродота о продолжительности плавания по Каспию вдоль и поперек свидетельствуют о том, что по морю, вероятно, уже совершали рейсы, в результате которых и были уточнены эти сроки. Реальность этих рейсов по Каспийскому морю в античности представляется вполне вероятной, если принять во внимание наскальные рисунки лодок с гребцами у самого побережья Каспия, в зоне Кобыстана.⁷

«Отец истории» базировал свое изложение на устных рассказах и сообщениях людей, с которыми ему приходилось встречаться во время путешествия. Поэтому можно полагать, что сведения о Каспии, сроках плавания по нему, о впадении одной из центральноазиатских рек в это море он получил либо от местных жителей, либо, вероятнее всего, осведомителями его были купцы, совершавшие торговые рейсы по маршруту Фасис-Каспий-Индия. С этими купцами Геродот встречался на торго-

вых площадях одного из причерноморских городов, быть может в самом Фасисе, где он также побывал. Чрезвычайную добросовестность Геродота неоднократно подчеркивает выдающийся русский историк И.М.Дьяконов.⁷¹ Ему вторит выдающийся азербайджанский историк И.Г.Алиев: «В данных же Геродота, основанных на устных сообщениях и рассказах, в честности и правдивости их в передаче «отца истории» сомневаться не приходится».⁷² Правда торговля по указанному Геродотом маршруту, по-видимому, тогда еще не имела того удельного веса, которое она приобрела в эллинистическо-римское время.

Весьма важные сведения о Каспии и его побережьях содержатся в «Метеорологии» автора IV века до н.э. Аристотеля. В его время было известно, что берега Каспийского моря густо заселены и, что «озеро это, которое туземцы называют морем, принимает в себя много больших рек».

Сообщения же купцов-мореплавателей, проникавших с Черноморского побережья вглубь Южного Кавказа по Фасису, затем по Киру, и достигавших Каспия, по которому они совершали рейсы и вызвали, по-видимому, впоследствии невероятные представления о соединении этих двух морей по подземному потоку. Сам же Аристотель по этому поводу пишет, «не имея стока оно (Каспийское море. - М.Р.) изливается под землю у страны кораксов, около так называемых пучин Понта - это пункт неизмеримой глубины моря».

По всей вероятности, Александр Македонский был в курсе этих сведений о Каспии и его побережьях. Весьма возможно и то, что он располагал и другими сведениями о странах, лежащих Между Черным и Каспийским морями, ибо, известно, что полученные сведения Александр непременно уточнял через людей, хорошо знавших страну и составлявших для него более точное ее описание.⁷⁵ Этим, пожалуй, в некоторой мере, можно объяс-

нить его интерес к Каспию и задуманную им экспедицию. Квинт Курций Руф полагал, что подобный интерес был связан с планами дальнейших завоеваний и что, якобы, «царь уже выбрал на берегу Тааиса место для основания города, как бы крепости для удержания покоренной территории и той, куда он решил еще проникнуть».⁷⁶ Нет ничего невероятного и в том, что, возможно, Александр располагал также сведениями о торговом пути из Индии к берегам Понта. Поэтому по возвращении из индийского похода он стремился уточнить транскавказский маршрут. Вот почему Александр направил Гераклида к Каспийскому побережью. Однако смелым планам великого завоевателя не суждено было осуществиться ввиду его скоропостижной смерти. Идея же исследования Каспия и его побережий была претворена в действительность диадохами четыре десятилетия спустя. Господствуя на караванных и водных путях, соединявших Средиземноморье со странами Среднего Востока, Селевкидская держава имела серьезных конкурентов в мировой торговле в лице Птолемеев, удерживавших в своих руках дороги в Южной Сирии и на Красном море. Крайне заинтересованные в расширении сфер торгового влияния, Селевкиды испытывали потребность в торговых путях к Черному и Каспийскому морям. Видимо, поэтому плавание по Каспию, задуманное Александром Великим, осуществил при Селевке I Никаторе Патрокл.

Это была первая из известных научных экспедиций по обследованию Каспийского моря. Выбор не случайно пал на Патрокла. Известно, что он в качестве посла Селевка I Никатора побывал в Индии,⁷⁷ а будучи правителем южноприкаспийских областей Патрокл зарекомендовал себя не только как энергичный организатор, но и как вдумчивый исследователь. Плутарх характеризует его не только как «человека проницательного», но и как «мужа, умудренного в науках».⁷⁸

Путешествие Патрокла имело не только научные, но и сугубо практические цели: «приведение в повиновение прибрежных южно-каспийских племен и наведение порядка и спокойствия на одном из важнейших торговых путей из Индии в Малую Азию, который шел по впадавшим в Каспийское море среднеазиатским рекам, затем вдоль его южного побережья до устья рек Аракса и Куры, вдоль которых он продолжался через Кавказский хребет в Колхиду».⁷⁹ В итоге, древняя география располагала точными сведениями об указанном торговом пути именно благодаря экспедиции Патрокла.

По мнению В.Тарна, Патрокл должен был установить возможность использования изученной им магистрали. Он аргументирует свое предположение тем, что, если бы этот путь уже функционировал, то не было бы особой нужды в экспедиции Патрокла.⁸⁰

По словам самого Патрокла, им были использованы все документы, составленные в связи с походом Александра Македонского, «полученные им от Ксенокла, хранителя царской казны».⁸¹

Следует отметить также то, что Патрокл заведовал государственным архивом. Это дало ему возможность изучить документы, связанные с торговлей, осуществлявшейся по транзитному маршруту из Индии через Южный Кавказ к Черному морю. По-видимому, учитывая все эти обстоятельства, античные авторы дают высокую оценку достоверности сведений Патрокла. Так, перечисляя имена нескольких античных авторов, у которых неточные сведения (Деимаха, Мегасфена, Онесикрита, Неарха), Эратосфен отмечает: «Патрокл менее всего заслуживает такого упрека».⁸²

Значительные географические исследования, сделанные Патроком во время его знаменитого плавания, широко были

использованы многими позднейшими авторами. Они представляют собой наиболее точные сведения не только об указанном торговом пути, но и о народах, живших у Каспия, их нравах, обычаях. Так, Марином Тирским, составившим географические карты в I веке н.э. были использованы сведения, полученные им как благодаря римской торговле, так и заимствованные из путевого отчета Патрокла, хотя относительно Каспийского моря он не согласился с Патроклом, разделяя точку зрения Геродота.

Страбон использовал не только более точные сведения Патрокла. Приводя свидетельства других авторов, в том числе Ариостоула, участника походов Александра, он отметил, что Окс - одна из больших рек в Азии, отличается судоходностью, и «много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию, а через реку Кир, в следующие затем местности доставляют в Понт Евксинский». Ссылаясь на Эратосфена, Страбон пишет: «морской путь от Амиса до Колхиды идет по направлению к равноденственному востоку»; в том же направлении идет перевал к Каспийскому морю и следующий затем путь до Бактрии. Страбон ссылается и на Поликлета, приводящего доводы относительно того, что Каспийское море - это озеро и «в нем де водятся змеи и вода в нем пресноватая». Юлий Солин также полагает, что Каспий отличается пресною водою и что это «испытано Александром Великим, а затем Помпеем... Полагают, что это происходит от большого числа рек, которые изливаются туда в таком количестве, что изменяют природные свойства моря».⁸⁷

Римляне, активно продвигавшиеся на Восток, в I веке до н.э. также заинтересовались торговой магистралью из Индии к Понту. Имея значительные торговые связи с Индией, они были заинтересованы в удобных и безопасных дорогах и успешно их искали. Поэтому не случайно, что в трудах римских авторов по-

сле походов Помпея на Южный Кавказ появляются определенные сведения о транскавказском торговом пути.

Сведения участника похода Помпея - Терренция Варрона — использовал Плиний Старший. В своей «Естественной истории» он приводит его данные о том, что «из Индии можно в 7 дней прийти в Бактрию, к реке Бактру, впадающей в Окс, и с этой реки по Каспийскому морю проехать до реки Кирн, и что индийские товары не более как в 5 дней могут быть доставлены сухим путем в Понт, к Фасиду».⁸⁸ Автор первой половины III века н.э. Юлий Солин пишет, что своими походами Помпеи доказал: «к Понту можно проехать из Индии по воде».

Сведения о Каспии и интересующим нас торгово-транзитном пути имеются и в китайских источниках, в частности в «Исторических записках» Сыма Цяня, именуемого «китайским Геродотом». Каспийское море, называемое этим автором «северным», по его описанию не имеет высоких берегов и представляет собою большое озеро.⁸⁹ Сыма Цянь использовал сообщения китайского путешественника Чжан Цяня, посланного императором У-ди (140-86 годы до н.э.), в Центральную Азию в поисках союзников против гуннов. Этот путешественник обратил внимание на полноводную реку Аму-Дарью, которую называет Гуй-Шуй. Согласно сведениям Чжан Цяня, по этой реке «живут торговцы и купцы, которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям, даже за несколько тысяч ли».⁹⁰

Приведенный выше обзор письменных свидетельств показывает, что, начиная с V века до н.э. и по III век н.э. уже имелись вполне определенные данные относительно функционирования международной торгово-транзитной магистрали из Индии через Центральную Азию, Южный Кавказ к Черному морю.

¹ Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987; Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку, 1984; очерки истории СССР (первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР). Москва, 1956; Крупное Е.И. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. // Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1; Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетии до н.э. // КСИА, 93, 1963.

² Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. /У ИГАИМК, вып. 120, 1935; Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Ленинград, 1949; Селимханов И.Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; Абибуллаев О.А. Археологические раскопки холма Кюль-тепе (поселение конца неолита - начало железа). Автореф. канд. дисс. Баку, 1959, с.15; К вопросу о древней металлургии Азербайджана. // МИА СССР, № 125, 1965, с.65-73.

³ Narimanov i.H. Səzəncə rayonunun arxeoloji abicblori. Bakı, 1958; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Москва, 1961; Он же. Кавказ на заре бронзового века. Москва, 1975; Исмаилов Г.С. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш. Баку, 1977.

⁴ Крупное Е.И. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. // УЗ КЕНИИ, вып. 2. Нальчик, 1947, с.113-132; Он же. О походах скифов через Кавказ. // Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». Москва, 1952.

⁵ Мунчаев Р.М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дисс. Москва, 1953.

⁶ Подробное описание этого пути см.: Никольский М.В. Указ.раб., с.523-524.

⁷ Страбон, XI, VII, 3; Плиний, VI, 17; Помпоний Мела. Землеописание, кн. 1, (38); Юлий Солин, XIX, 4.

⁸ Reinach Th. Mithridate Eupator, с.223-224; Kaspisches Meer, 3.2289 (Herrman); Kyras, s.186 (Weissback) Pauly-Wissowa. Real-Encyclopadie der klassischen Altertums wissenschaft.

⁹ Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. III, Москва, 1893, с.41-42.

¹⁰ Дройзен И.Г. Указ.раб., т. 1, с.210.

¹¹ Speck E. Handelsgeschichte des Altertums. Bd. 1. Leipzig, 1900, s.172

¹² Charlesworth M.P. Trade routes and commerce of the Roman Empire. Cambridge., 1926.

¹³ Томсон Дж.О. История древней географин. Москва, 1953, с.248.

¹⁴ Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Oxford, 1955, p.488-490; Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. Москва, 1949, с.219.

¹⁵Хенниг Р. Указ.раб., с.248.

¹⁶Историографические записки, с.83.

¹⁷Там же.

¹⁸Крузе Ф. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемее, главном писателе в рассуждении географии сей страны. //ЖМНП, 1835, ч. V, с.426; прим. I, 0.427.

¹⁹Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. С.-Петербург, 1866, с.376.

²⁰Сабуров П. Торговые пути древних греков. С.-Петербург, 1855.

²¹Ерицов А. Исторический очерк торговых путей сообщения в древнем Закавказье. // Сборник сведений о Кавказе, т. I. 1871, с.38.

²²Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. I, № 23; вып. III, № 772; вып. V, № 1369.

²³Ленц Р.Э. Наши познания о прежнем течении реки Аму-Дарьи и впадении ее в Каспийское море. // Известия Императорского РГО, т. VI, 1870; Глуховский А.И. Пропуск вод реки Аму-Дарьи по старому руслу в Каспийское море. С.-Петербург, 1893; Толстое СП. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения). // Материалы Хорезмской экспедиции.

Под ред. СП.Толстова, вып. 3. Москва, 1960, с. 12.

²⁴Чайковский А. Опыт решения вопроса з причине, изменившей течение Аму-Дарьи. // Туркестанские ведомости 1873-75 годов, № 30, 39, 40; Он же. Туркестан и его река по Библии и Геродоту (по поводу Аму Даринского вопроса). Владимир, 1884.

²⁵Чайковский А. Туркестан, с.3.

²⁶Там же, с.3-4.

²⁷Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.-Петербург, 1911, с.45. Он же. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, с.11-12.

²⁸Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей Древних времен. Ереван, 1954, с.53-57.

²⁹Там же, с.57.

³⁰Гозалишвили Т.К. О древнем торговом пуги в Закавказье, с.153-160.

³¹Ямпольский З.И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю, с.161-180.

³²Лордкипанидзе О.Д. О торгово-транзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху, с.377-384. ³³Тревер К.В. Указ.раб., с.44. ³⁴Материалы Хорезмской экспедиции, с.5-34.

³⁵Древний Рим. Под ред. С.Л.Утченко, Москва, 1950, с.239.

- ³⁶ Брашинский И.Б. К истории экономических связей Восточного Причерноморья в античную эпоху (по нумизматическим материалам). // Сообщения АН Груз. ССР, том XVII, 1967, № 3, с.760-761.
- ³⁷ Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производство, с. 15.
- ³⁸ Голубкина Т.И., Расулова М.М.. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира (по материалам кувшинных погребений Азербайджана). // УЗ Азгосуниверситета им. С.М.Кирова. СИФ. Баку, 1966, № 6, с.72-81; Голубкина Т.И. Культура кувшинных погребений в Азербайджане. // МИА, т. IV, Баку, 1961, с.33-34; Асланов Г.М. Материальная культура Ми-гечаура I-VIII вв. (на основе археологии катакомбных погребений), с.25.
- ³⁹ Максимова М.И. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро (раскопки 1938-1939 гг.). // Вестник Гос. Музея Грузии им. акад.С.Джанашиа, т. XVI-B, 1950; Лордкипанидзе М.Н. Каталог гемм, найденных в Самтавро, вып. I. Тбилиси, 1954.
- ⁴⁰ Максимова М.И. Указ.раб., с.228.
- ⁴¹ Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. Москва, 1961, с.158.
- ⁴² Дьяконов М.М. Указ.раб., с. 159.
- ⁴³ Хенниг Р. Неизвестные земли, т. 1, Москва, с.211.
- ⁴⁴ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, с.12.
- ⁴⁵ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. 1, Баку, 1926, с.15.
- ⁴⁶ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Москва-Ленинград, 1959, с.55,61.
- ⁴⁷ История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, с.59.
- ⁴⁸ Штоль Г. Боги и гиганты. Москва, 1971, с.12.
- ⁴⁹ Шахермайр Г. Александр Македонский. Москва, 1984, с.285.
- ⁵⁰ Диодор, XVIII, 4, 3-6.
- ⁵¹ Тревер К.В. Указ.раб., с.53.
- ⁵² Арриан, VII, 16,1.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Хенниг Р. Указ.раб., с.211-212. Арриан, IV, 1 и 15.
- ⁵⁵ Квинт Курций Руф, VIII, I, 7.
- ⁵⁶ Арриан, IV, I.
- ⁵⁷ Страбон, II, I, 6.
- ⁵⁸ Aliyev S. Xeser denizi tarixi xaritelerde. Baki, 1973, s.44.
- ⁵⁹ Арриан, IV, 15,4.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Плиний, кн. IV, гл. 10 (§39).
- ⁶² Юлий Солин. кн. IX, гл. 19.

- ⁶³Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его зерени на Востоке. Москва, 1947, с. 9.
- ⁶⁴Филлоза Ж. Индия и научные связи в древности. // ВИМК, № 6, 1957, с.81.
- ⁶⁵Шопен И. Указ.раб., с.376.
- ⁶⁶Валерий Флакк. Аргонавтика. V. См. В.В.Латышев. Указ.раб., с.206.
- ⁶⁷Ковалевский С.А. К истории Южного Прикаспия в первом тысячелетии до нашей эры. // Труды Азербайджанского нефтяного геолого-разведочного треста, 1934, вып.14, с.15.
- ⁶⁸Геродот, I,202, 203,204.
- ⁶⁹Бартольд В.В. Место прикаспийских, с.9.
- ⁷⁰Джафарзаде И.М. Гобустан; Он же. Наскатынные изображения Кобыстана. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965, с.20, рис.6.
- ⁷¹Дьяконов И.М. История Мидии. Москва-Ленинград, 1956, с. 17.
- ⁷²Алиев И.Г. История Мидии. Баку, 1960, с.26.
- ⁷³Аристотель. Метеорология, кн. II, § 10. Пер. В.В.Латышева, с.374.
- ⁷⁴Аристотель, кн. I, § 29.
- ⁷⁵Страбон, II, I, 6. Пер. Г.А.Страпановского, с.76.
- ⁷⁶Квинт Курций Руф, кн. VII, 6, 11.
- ⁷⁷Хенниг Р. Указ.раб., с.241.
- ⁷⁸Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Деметрий, XLVII.
- ⁷⁹Ельницкий Л.А. Указ. раб., с. 128.
- ⁸⁰Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация, :219-221. ⁸¹ Страбон, II, 1, 6. Страбон, II, 1, 9. Тревер К.В. Указ.раб., с.57-58. ⁸⁴ Страбон, XI, VII. Страбон, II, I, 11. ⁸⁶ Страбон, XI, VII, 4. ⁸⁷ Юлий Солин, XIX, 3,4.
- ⁸⁸Плиний. VI, 50.
- ⁸⁹Сыма Цянь. Исторические записки, раздел «Ши цзы», гл. 123. Цит. по: Би-чурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, Москва-Ленинград, 1950, г. 149.
- ⁹⁰Там же, с. 150.

Глава III. Связи Кавказской Албании с эллинистическим миром

3.1. Формы взаимоотношений Кавказской Албании в эпоху эллинизма

3.2.

Выгодное, географическое расположение Северного Азербайджана, где имелись торговые трассы и вышеизложенная обстановка на Востоке в IV веке до н.э. способствовали установлению со времен походов Александра Македонского связей Кавказской Албании с античным миром.

Этому помогло также то обстоятельство, что степень политического и хозяйственного развития Албанского царства во второй половине I тысячелетия до н.э. достигла примерно уровня, когда происходило «дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества».¹

Связи Кавказской Албании с античным миром иллюстрируют преимущественно нумизматические артефакты, предметы импортного происхождения, а также изделия, изготовленные по привозным образцам. Нумизматические данные составляют один из важнейших источников информации о денежном хозяйстве античной Албании. Изучение этого хозяйства занимает важное место в исследовании уровня и развитости товарного обращения и товарного производства в древних обществах. В свою очередь, это может служить ценным и объективным показателем для определения степени экономического развития страны и государства. Особенно важны такие данные для Азер-

байджана, источники изучения древней истории которого, как уже отмечалось, очень скудны.

Подавляющая часть монетных находок, относящихся к античному периоду Кавказской Албании, опубликована Е.А.Пахомовым, а также его учеником-продолжателем А.М.Раджабли и рядом других азербайджанских ученых-нумизматов.

Многочисленные монетные находки на территории Азербайджана позволяют ясно представить картину связей этой страны Кавказа с античным миром. Вместе с тем, в известной мере, они также способствуют составлению общей картины денежного обращения в Кавказской Албании в IV веке до н.э. - III веке н.э. Так, Е.А.Пахомов отметил, что со времен походов Александра Македонского на Восток «денежное обращение устанавливается на территории Азербайджана; а изменения денежных систем можно проследить не только по векам, но нередко и по десятилетиям». В последствии А.М.Раджабли специально отметил, что, судя по находкам, «впервые монеты попадают на территорию Азербайджана после образования мировой империи Александра Македонского. Это были монеты самого великого завоевателя - серебряные драхмы и тетрадрахмы».⁴

Таким образом, среди монет, найденных в Азербайджане, самыми ранними пока что остаются серебряные монеты Александра Македонского, а также селевкидские монеты до II века До н.э.⁵

Можно полагать что часть монет Александра Македонского и Селевкидов попала в Албанию в конце IV века до н.э., и в III-II веках до н.э. продолжали выполнять здесь роль основной платежной единицы. Об этом свидетельствует, с одной стороны, тот общеизвестный факт, что монеты Александра Македонского чеканили как на Востоке, так и в Греции еще долгое время после его смерти. Они по-прежнему продолжали выполнять функции

международной валюты. С другой стороны, это подтверждает обнаружение указанных монет в кладах совместно с другими селевкидскими, парфянскими и римскими.

Вместе с тем чеканка в Албании подражаний монетам Александра (о которых будет сказано ниже) говорит о том, что они были излюбленными и широко распространенными в античном мире. Более того, исследование албанских подражаний из Хыныслинского клада позволило Е.А.Пахомову прийти к выводу, что некоторые из них перечеканены из римских денариев.⁶ Этот весьма любопытный факт показывает, что даже в период распространения римского влияния на Южном Кавказе в I веке до н.э. популярными и широко распространенными монетами в Северном Азербайджане продолжали оставаться монеты Александра Македонского.

Создание Александром Македонским обширной империи в Евразии обусловило проникновение эллинов далеко на Восток. Тысячи греческих купцов и ремесленников последовали за его воинами в надежде на выгодные предприятия. Некоторые из них проникали и в античную Кавказскую Албанию, о чем свидетельствуют монеты, относительно большое количество булл с античными отпечатками печатей. С расселением греков связано также появление в Северном Азербайджане античной глиптики. Геммы или резные камни, среди изделий античного художественного ремесла занимают видное место и представляют интерес не только своей разнообразной тематикой. Они важны также тем, что в жизни народов древности зачастую служили печатями, и «именно это практическое их применение и сыграло главную роль в широком распространении гемм в античном мире»; они также «охраняли право личной собственности владельца на имущество и давали гарантию его неприкосновенности. Такие же функции они выполняли и в экспортной торговле».

Среди античных изделий глиптики, обнаруженных в Азербайджане, к самым ранним выдающийся азербайджанский ученый И.А.Бабаев относит металлические литые перстни-печати,

датируемые I-V-II веками до н.э.⁸ Они обнаружены в могилах, куда их, по распространенному в древности обычаю, клали вместе с прочим личным имуществом умершего. На одном из перстней-печатей, обнаруженном в Мингечауре, запечатлен сюжет довольно распространенный в греческом искусстве - сатир с чашей, из которой он пьет, и с тирсом на плече. На другом перстне, найденном в селении Хыныслы Шамахинского района, изображены дельфины, якорь, рак и водоросли, что также является одним из широко распространенных сюжетов греческого искусства. По мнению И.А.Бабаева, эти перстни могли быть привезены в Албанию оставшимися в живых албанскими воинами, участвовавшими в битве при Гавгамеле в 331 году до н.э. Но в то же время он допускает, что эти артефакты попали в Албанию в результате международных торговых сношений.

Греки, проникшие в Албанию, по всей вероятности, образовали здесь небольшое поселение. И.Шопен в своих заметках на древнюю историю Кавказа и его обитателей отмечал: «ряд их (греческих. - М.Р.) колоний не оставляют сомнения; не могли же они не иметь какого-либо порта для загрузки и выгрузки кораблей» на территории Албании. В связи с сообщением этого автора и приводятся впервые сведения Страбона о западнокаспийском городе Эниане, расположенном в албанской области Уйтиа. З.И.Ямпольский связал это сообщение Страбона о городе Эниане с данными арабских географов IX-X веков о местоположении города Юнана (что в азербайджанском, арабском языках обозначает греческий) и пришел к заключению, что на Карабахской равнине должны сохраняться остатки населенного пункта, существовавшего в IX веке под именем Юнан и, возможно, тож-

дественного с поселением, возникшим еще до I века, в котором в окружении местного населения жили древние греки. Согласно Страбону, посещавшие Эниан видели там греческое оружие, греческие медные вещи и даже греческие склепы; он же указывает, что греки не искони жили в Уйтии, а поселились там.¹² Страбон, как справедливо полагает З.И.Ямпольский, «ссылается на Патрокла, который, как известно, жил в IV веке до н.э., управлял прикаспийскими областями, изучал побережья Каспия, а не на Феофана Митиленского, побывавшего в I веке до н.э. в Албании и которому эти сведения приписывались».

Необходимо отметить также, что, хотя сведения Страбона ограничиваются лишь упоминанием города Эниана и его обитателей и не содержат данных о его политическом, социально-экономическом строе, взаимоотношениях с местным населением, они, тем не менее, представляют значительный интерес как свидетельство поселения древних греков в античной Кавказской Албании.

О греко-римской колонии на албанской земле, в районе современной Гянджи, писал также Я.И.Гуммель.¹⁴ Весьма любопытно, что основоположник современной азербайджанской исторической науки А.АБакиханов, ссылаясь на поэтическую ткань «Искендер-наме» великого Низами, приводит предание о существовании на берегу Каспийского моря «города, принадлежащего грекам».¹⁵

О греках в античной кавказской Албании свидетельствует и греческая надпись обнаруженная в начале XX века Э.Реслером в селении Беюк-Дегне Нухинского уезда, Елизаветпольской губернии (ныне Шекинский район).¹⁶ В этой надписи сказано: «Айлий Ясон Евнону благодетелю памяти ради». Камень, на котром высечена надпись, весит 160 кг, и, как указывает В.В.Латышев, издавший ее в 1904 году, «едва ли можно думать, что он

привезен откуда-нибудь издалека. Скорее, его следует считать памятником местного происхождения».¹⁷ По характеру букв и отсутствию лигатур надпись им отнесена ко II веку н.э. Д.И.Болтунова также издавшая эту надпись, обратила внимание на несколько загадочных значков, нацарапанных на боковой стороне камня. Такие значки, по ее мнению, встречаются на лапидарных памятниках северо-восточного побережья Черного моря. Допуская мотивной характер надписи, автор также относит ее ко II веку н.э.¹⁸

Однако, по мнению К.В.Тревер, такие надписи обычно являются эпитафиями, хотя пишет, возражая сама себе, «общий вид камня и надписи мало похожи на эпитафию».

З.И.Ямпольский, полагая, что городище у Беюк-Дегне могло быть опорным пунктом древней сухопутной дороги, соединявшей предгорья Большого Кавказа через Мингечаур и Куру с Грузией и Причерноморьем, а через Эниан - с Каспийским морем, по поводу этой надписи пишет: «Надпись выбита от имени Элия Ясона какому-то Эвнону. Первое имеет широко распространенную в Грузии часть (Ясон). Второе имя носил глава тех самых аорсов, которые перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от мидян». В другой статье З.И.Ямпольский отмечает: «почти невероятно, чтобы на территории, на которой не было людей, читающих по-гречески, была бы высечена стационарная надпись на греческом языке».²⁰

На наш взгляд, исходя из единственной известной надписи, притом крайне фрагментарной, трудно делать какие-либо определенные выводы. Однако можно полагать ее связь с греческими поселенцами, вероятно, обосновавшимися в каком-то районе севернее Куры. Но более определенные выводы и удовлетворительное истолкование этой надписи пока еще не могут быть сделаны.

Вместе с тем следует обратить внимание на другой любопытный факт, в некоторой мере являющийся подтверждением предположения З.И.Ямпольского относительно распространения в районах севернее реки Куры греческого языка. В протоколах заседания Азербайджанского археологического комитета указано, что в 1906 году, при прокладке дороги около селения Нидж (Габалинский район), найдены кирпичи с греческими надписями. Хотя неизвестно, сохранились ли эти кирпичи, сам по себе этот факт является свидетельством некоторого распространения греческого языка, а, возможно, и пребывания в этом районе греков. Косвенно об этом может свидетельствовать место, где найдены эти кирпичи: село Нидж в албанской области Ути было известно греческим писателям. У них оно упоминается в форме Нига, а сама область - Отена. Не исключено, что в этой зоне также могли быть греческие поселенцы.

Общеизвестно, что греки, создавая колонии за пределами Эллады, сохраняли на новых местах не только свой уклад, навыки и ремесло, но также свои культы и обычаи. В итоге, один из греческих обрядов получил, пожалуй, самое широкое распространение не только в античных городах Северного Причерноморья, но и по всей территории Южного Кавказа. Это - обряд класть в рот погребаемому монеты, предназначенные для Харона-перевозчика. Последний как считалось, переправлял через реки ада, доставляемые Гермесом Психопомпом в подземное царство души умерших. Харон довозил их до врат Аида и взимал за перевоз плату, для чего умершему клали в рот мелкую монету: у древних греков обычно один обол. Впервые Харон и связанный с представлениями о нем обычай «вручения» платы упомянуты у Эсхила (VI-V века до н.э.), а затем у Аристофана (V век до н.э.). Известен Харон и по терракоте VI века до н.э.

По-видимому, раньше всех этот греческий обряд класть

монеты в могилу появился на Боспоре. Его бытование здесь начиная с третьей четверти IV века до н.э., установлено Д.Б.Шеловым.²³

В итоге изучения археологических условий находок античных монет в погребениях в Северном Азербайджане нами установлено проникновение этого греческого обряда в античную Кавказскую Албанию на рубеже II-I веков до н.э.²⁴ Впервые гипотеза о возможном бытовании этого обряда на территории древнего Азербайджана была высказана З.И.Ямпольским.

Тот же обряд «вручения» монеты выступал в видоизмененной форме, когда она вкладывалась не в рот погребаемому, а в ладонь, что документируется азербайджанскими археологическими находками. Необходимо отметить также, что традиция класть монеты в рот или в ладонь погребенному и связанные с ней представления, вероятно, были довольно широко распространены в период с середины IV века до н.э. до IV века н.э. Стоит отметить, что даже после распространения и доминирования христианства у некоторых народов с «языческими» греческими монетами были связаны, по-видимому, несколько иные представления. Об этом свидетельствует любопытный факт, отмеченный Р.В.Кинжаловым: «Еще в IV веке н.э. Иоанн Хрисостом упрекал христиан за привязывание в суеверных целях медных монет Александра Македонского к голове и к ногам».²⁵

Ряд археологических артефактов свидетельствуют о связях Кавказской Албании в IV-III веках до н.э. с Малой Азией. В этом отношении очень любопытна одна находка - скарабеоид из голубого халцедона - сапфирина. На нем изображена сцена сражения всадника с пешим воином. И.А.Бабаев датирует этот скарадеоид IV-III веками до н.э. и относит к малоазийским памятникам глиптики.²⁶

В Мингечауре, в кувшинном погребении, обнаружены стеклянные отливки, оригиналами для которых могли послужить изделия, завезенные из Малой Азии, в том числе, вероятно, подобные выше описанному. Среди Мингечаурских находок известна бусина из синего стекла в виде пирамидального многогранника с изображением животного - грифона, с продольным отверстием для шнура, которая служила также печатью; на другой бусине изображены два борющихся всадника; на третьей - светло-синего цвета - имеется схематичное изображение всадника, преследующего двух ланей.²⁷ И.А.Бабаев относит эти стеклянные многогранные бусины - печати к изделиям иберийского производства. Между тем не исключено их местное происхождение, ибо об этом свидетельствуют качество стекла, цвет печатки, а также обнаруженные в Мингечауре, Шамахинском, Казахском и других районах печи с изделиями из стекла. Вместе с тем не исключена вероятность их завоза из Иберии, с которой Албания была тесно связана торговыми путями по Рионо-Куринской торгово-транзитной магистрали.

О связях Кавказской Албании с другими странами Южного Кавказа и с Малой Азией свидетельствует и широкое распространение на ее территории Ялойлу-Тепинской культуры (V-I века до н.э.). Характерными особенностями этой археологической культуры являются грунтовые погребения с сильно скорченными костяками в окружении своеобразной высокохудожественной керамики. Выросшая на древних местных корнях, отличающаяся большим разнообразием форм эта керамика имеет много общего с керамикой Малой Азии, Восточного Средиземноморья и других регионов.

Во время раскопок в Алазанской долине К.Г.Ниорадзе обнаружил грунтовые могилы со скорченными костяками, окруженные большим количеством керамики. Установив ее родство

с малоазиатской и сирийской, с одной стороны, с Ялойлу-тепе, Ниджем, Гянджой, с другой, он высказал предположение, что «главные типы керамики проникли в Закавказье из Передней Азии через Муганскую и Мильские степи».³⁰ Сходство ряда форм керамики Ялойлу-тепе с малоазийской отметил и А.А.Иессен.³¹ Связи носителей Ялойлу-Тепинской культуры с Передней Азией и странами Южного Кавказа, переплетение характерных черт этой археологической культуры с широко распространенной культурой кувшинных погребений, отметил в своей монографии О.Ш.Исми-Заде.³² Так, в Ялойлу-тепе во множестве найдены небольшие кувшинчики с горловиной, снабженной трехмастным или четырехчастным венчиком. У основания горловины, внутри, иногда имелась дырчатая перегородка. Орнаментация тулова этих кувшинчиков состоит из наlepных шишечек, иногда нарезных прямых или волнистых линий. Они бывают порой на подставке с поддоном. Такие кувшинчики, характерные для Ялойлу-Тепинской культуры, неоднократно встречаются в кувшинных погребениях Мильской и Муганской степей. Они известны также из раскопок в долине реки Алазани, которым С.М.Казиев присвоил название кувшинчиков алазанского типа. Однако такое название не может быть оправданным, так как они часто встречаются в кувшинных погребениях, в Ялойлу-тепе и в ряде других районов Азербайджана. К тому же, подобной формы кувшинчики известны в Финикии, Малой и Передней Азии, на острове Крит. Точно так же, ряд других по форме сосудов, характерных для Ялойлу-Тепинской культуры и широко распространенных в Азербайджане, имеют параллели среди керамических изделий, найденных в Малой Азии и других соседних регионах. Отметим, например, вазы на ножках с круглым поддоном. Некоторые из них снабжены небольшими вертикальными,

иногда горизонтальными, несколько приподнятыми ручками и верхней части. Есть также чашки, на трех коротких ножках, имеющие сбоку вертикальные петлеобразные ручки, которые обнаруживают сходства с малоазийскими. Красноглиняные, глубокие тарелкообразные, снабженные тремя длинными, несколько расходящимися ножками, явно копирующие точно такие же вазы, но выделанные из серой или черной глины, характерные для Ялойлутепинской, Алазанской культуры, найдены в Тепе-Сиялке.

Таким образом, мастера-гончары античной Кавказской Албании многое могли заимствовать у других народов, и в данном случае «... можно говорить о заносе типа, вызывающего подражание, чем о завозе предметов».³⁵ Но в то же время албанские мастера вносили свои изменения, что было связано с местными традициями и условиями жизни, с потребностями албанов. Нередки и случаи взаимного обмена предметами, особенно - широкого бытового потребления, порой отличающимися друг от друга не по основным своим свойствам и качествам, а по деталям отделки.

Изучение вопроса использования олова в древнем Азербайджане также позволяет установить связи албан со странами античного мира. В погребениях и на поселениях Кавказской Албании часто находят бронзовые изделия. Геологические данные убедительно говорят о том, что в Азербайджане в древние времена месторождения олова не разрабатывались.³⁶ Отсутствие своего олова вынуждало местное производство использовать в сплавах сравнительно небольшое количество этого металла, заменяя его другими компонентами, в частности свинцом и, в меньшей мере цинком, сурьмой. Это подтверждает высокий уровень технических знаний древних албанских мастеров-ремесленников. То же заключение следует из публикации М.А.Каш

кая и И.Р.Селимханова, которые произвели химическое исследование 18-ти бронзовых браслетов из кувшинных погребений Мингечаура. Они считают, что «Ассоциация и соотношение макро- и микроэлементов в браслетах позволяют говорить об использовании двух типов руд для получения сплавов меди, а именно колчеданных и полиметаллических руд (сульфиды меди, свинца и цинка) из месторождений Азербайджана. Олово завозилось в Азербайджан из далеких стран. Торговлей оловом в древние времена занимались и финикийцы».

Таким образом, химическое исследование бронзовых предметов из кувшинных погребений Мингечаура позволило получить определенное представление об уровне металлического ремесленного производства, а также о торговых связях античной Кавказской Албании. Ее жители могли получать «из далеких стран» как сам металл олово, так и изготовленные с его «участием» изделия, в том числе браслеты.

О связях Кавказской Албании с античным миром, начиная с IV века до н.э., свидетельствует и то, что с этого времени в письменных источниках, главным образом, греческих, об этой стране и ее жителях говорится всегда, когда речь идет о народах Кавказа.

Подводя итоги вышеизложенному, можно, сделать следующие выводы:

1. Со времен походов Александра Македонского начинается новая глава в истории античной Кавказской Албании. С этого времени устанавливаются ее связи с эллинистическим миром, о чем свидетельствуют археологические, нумизматические и письменные источники, главным образом греческие.

2. Находясь на международных торгово-транзитных путях Кавказская Албания была активным участником мировой торговли.

3. Деяния Александра Македонского и его преемников, связанные с сооружением и ростом городов, прокладкой торговых трасс Запад-Восток, упорядочением и расширением финансового хозяйства, получили дальнейшее развитие и в последующее время. В этом - одна из исторических заслуг эллинизма для ойкумены.

4. С образованием после распада мировой державы Александра Македонского эллинистических монархий центры международной торговли и ремесла переместились. Их крупнейшими базами стали многие значительные города, в том числе Александрия Египетская, Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре, Эфес, Кизик. Тем самым подтверждается доминирующая роль в международной торговле восточных товаров и изделий.

5. В эту обширную мировую торговлю эллинистического времени были вовлечены города Северного Причерноморья, Кавказа, Центральной Азии, Северной Африки.

6. Кавказская Албания, находясь в зоне эллинистического мира, тесно связанная с соседними и дальними странами, в III-I веках до н.э. тоже была вовлечена в экономическую, политическую и культурную жизнь далеко за пределами Кавказа. Поэтому поступательное развитие этой страны протекало под знаком расширения внешних многоканальных связей. Важное значение в этих связях играли как местные города и их ремесло, так и Каспийское море, по которому шли маршруты из Передней Азии в Центральную Азию и в обратном направлении. По этим причинам как во времена Александра Македонского, так впоследствии многие внешние политические структуры стремились установить свой контроль над торговыми путями, ведущими из Индии, через Каспий, Южный Кавказ в Понт. Суть в том, что деятельность Селевкидов и других диадохов, находилась в тесной связи с индийской или, в целом, с восточной торговлей, игравшей большую роль в эллинистический период.

6.2. Нумизматические артефакты связей Каказской Албании с эллинистическим миром

Красноречивой иллюстрацией вхождения Кавказской Албании в эллинистический мир являются данные нумизматики. Начиная с III века до н.э., в денежном обращении этой страны, наряду с монетами Александра Македонского, были и селевкидские. Обращает на себя внимание любопытный факт, отмеченный В.М.Массоном: «Есть все основания, считать, что в Бак-трии чеканились селевкидские монеты в первой половине III века до н.э.». Вероятно, этот чекан был вызван оживлением во времена селевкидов торговли по маршруту Индия-Понт. Если учесть не только значение этой торговс-транзитной магистрали в указанное время, вообще, но и вовлеченность в нее Каспийского моря и Южного Кавказа, то можно полагать, что с III века до н.э. часть селевкидских монет проникало в Кавказскую Албанию из Бактрии по Оксусу и Каспию. Об этом свидетельствуют, в частности, находки в кладах Кавказской Албании монет греко-бактрийских правителей второй половины III - первой половины II веков до н.э. При этом, Селевкидские монеты проникали в Албанию вначале, вероятно, в небольшом числе, а со II века до н.э. эти монеты обнаружены в этой стране целыми группами, образующими клады от нескольких экземпляров до сотен; это - монеты Антиоха IV Эпифана (175-164 годы до н.э.), Антиоха V Эвпатора (164-162 годы до н.э.), Деметрия I Сотера (162-150 годы до н.э.), Антиоха VII Эвергета (138-129 годы до н.э.); тетрадрахмы Антиоха IV, Деметрия I, Александра I Бала (150-145 годы до н.э.), Антиоха VII, Александра II Зебина (128-123 годы до н.э.), Антиоха X Эвсевия (94-83 годы до н.э.), Филиппа I Филадельфа (92-83 годы до н.э.), а также тетрадрахмы селевкид-

ских царей, правивших с 187 по 129 годы до н.э., то есть от Селевка IV до Антиоха VII.

Особый интерес представляет клад эллинистических монет в Южном Дагестане, который являлся частью Кавказской Албании.⁴² Этот клад свидетельствует о том, что в торгово-денежные отношения с этого времени вовлекаются более отдаленные, северные регионы Кавказской Албании, в том числе область Чола с городом Дербенд.

Об оживленной внутренней торговле в эллинистической Кавказской Албании свидетельствует выпуск местных монет. Первоначально это были подражания монетам Александра Македонского. Они впервые обнаружены у селения Хыныслы, Ша-махинского района, в январе 1958 года, а позднее и в Кабалинском кладе.⁴³ В Хыныслыном кладе были римские республиканские денарии, афинские, лисимаховские, вифинские, понтийские, селевкидские тетрадрахмы, аршакидские драхмы и свыше 70 подражательных драхм. Этим последним тождественна и монета грунтового погребения I века до н.э. из раскопок в Ялойлу-тепе.⁴⁴ Вес монет колеблется от 1,49 до 3,22 грамм, один экземпляр весит даже 1,25 грамм. Е.А.Пахомов отметил очень важное обстоятельство, а именно, что, несмотря на близость их между собою по деталям рисунка, чеканены они не одной, а несколькими различными парами штампов, что указывает на их значительные эмиссии.⁴⁵ Этот вывод подтверждается новыми находками монет-подражаний. Например, в августе 1965 года в Хыныслы, при археологических раскопках под руководством Дж.А.Халилова, обнаружено еще несколько экземпляров таких монет. Они найдены также в составе Кабалинского клада, в 1966 году экспедицией, во главе с С.М.Казиевым. Вместе с монетами Александра Македонского и Селевкидов, находилось около 500 монет-подражаний.

Обилие подобных монет, отсутствие этого вида подражаний за пределами Азербайджана, указывает на их местное происхождение и позволяет считать такие нумизматические артефакты самыми ранними известными монетами, чеканенными в эллинистической Кавказской Албании.

Вместе с тем на примере Кабалинского клада хорошо прослеживается эволюция подражаний. Сначала они близки к оригиналам: это, в основном, те монеты, на которых различается несколько искаженная надпись имени Александра. Их можно, по всей вероятности, отнести к самым ранним подражаниям, чеканенным в конце III века до н.э. Затем подражания постепенно изменяются, копируя уже не подлинники, а предыдущие подражания. В итоге со временем, подлинный тип забывается, и, например, подражания I века до н.э. из Хыныслинского клада, уже не вполне похожи на своих предшественников.

Кабалинский клад позволяет также пересмотреть вопрос о начале чеканки местных подражаний. Можно полагать, что в Кавказской Албании такой монетный чекан начался не в I веке до н.э., как это полагал Е.А.Пахомов, а, вероятнее всего, на рубеже III-II веков до н.э. Такой вывод связан с тем, что в указанном кладе, где самыми ранними монетами являются драхмы Александра Македонского и тетрадрахмы Лисиша, наиболее поздними были тетрадрахмы селевкидского царя Антиоха VII и драхмы Аршакидского царя Фраата II.⁴⁷

Обилие же местных подражаний, разнообразие вариантов штемпелей, наличие монет нескольких номиналов - все это свидетельствуют об их весьма развитом и длительном чекане и обращении. Вместе с тем албанские подражания встречаются вкупе с другими монетами, в частности с селевкидскими, парфянскими и римскими. Это обстоятельство служит серьезным аргументом в пользу признания монет-подражаний александров-

ского типа, характерными также для денежного обращения Кавказской Албании римского времени.

Нам представляется очень важным и то, что албанские монеты-подражания имели в Кавказской Албании определенный ареал обращения. Возможно, что какое-то время они составляли основу денежного обращения в зоне, современных Шамахинского, Огузского и Кабалинского районов, где они обнаружены. Поэтому и их чекан, скорее всего, производился в столице Албанского царства - Кабале, городище которой - Чухур-Кабала - находится в нынешнем Кабалинском районе.

Продолжительный и значительный выпуск албанских монет-подражаний, на наш взгляд, указывает и на накопление в стране драгоценных металлов, в частности серебра. Попадали ли они на внешний рынок, пока неизвестно.

Следует остановиться также на причинах появления албанских монет-подражаний. Е. А. Пахомов полагал, что «поводом к их выпуску приходится считать не какие-либо династические соображения, а лишь недостаточную насыщенность рынка привозной монетой в связи с возросшей денежной торговлей товарами».⁴⁸ В настоящее время количество находок албанских монет-подражаний значительно возросло. Тем самым можно утверждать, что, действительно, Кавказская Албания оказалась составной частью мировой торговой структуры. Во-первых, она попала в круг эллинистических государств. Во-вторых, она оказалась связанной со странами, вошедшими в мировую империю Александра Македонского. В-третьих, она была одним из звеньев торгово-транзитной магистрали Восток-Запад. В-четвертых, этому в немалой степени способствовало Каспийское море, также оказавшееся в системе этой международной разветвленной магистрали. В-пятых, как известно, для изготовления подражаний обычно выбирают тип наиболее распространенной и излюб-

ленной монеты. Включение Кавказской Албании в орбиту мировой торговли и державы великого завоевателя сопровождалось притоком в страну иноземных монет, имевших значение международного эталона на мировом рынке. В силу вышеуказанных причин наибольший приток в эллинистическую Кавказскую Албанию монет пришелся на чекан Александра Македонского, а также на местные подражания именно им.

По мнению А.Н.Зографа, монеты Александра Македонского чеканили еще столетия спустя после него, даже в городах, вышедших из-под македонского владычества. Он специально подчеркнул: «Единственной целью этих упорно сохранявших царские типы выпусков, было снабдить рынок ставшей привычной для него монетой и тем самым удержать на нем захваченные монетами Александровских типов позиции». При этом с конца III до начала I веков до н.э. ту же роль, что и монеты Александра, «но уже специально для Черноморья, стали играть статеры и тетрадрахмы типов Лисимаха».⁵⁰ Принимая же во внимание значение водно-сухопутной торгово-транзитной магистрали от Черноморского побережья вглубь Южного Кавказа, можно полагать, что из городов Синоп, Одесса и других, где продолжался чекан монет Александра Македонского, они доходили до Кавказской Албании.

Вместе с тем отметим, что в связи с широким распространением в восточных странах, особенно с III века до н.э., монет Селевкидов, а в Причерноморье и на Балканском полуострове с конца того же столетия чекана Лисимаха, изготовление и приток Монет Александра Македонского сократились. Однако авторитет последних все еще оставался большим и соперничать с ними, было трудно, по крайней мере, на Южном Кавказе. Поэтому при недостатке притока монет извне, появилась потребность в широком выпуске на месте подражаний александровскому типу

монет. В Кавказской Албании на рубеже III-II веков до н.э. это были драхмы и тетрадрахмы.

Потребность же в широком выпуске в этой стране местных монет, была связана как с общим ее хозяйственным развитием, так и с расширением торговли с эллинистическими государствами.

Итак, мы можем характеризовать денежное обращение Кавказской Албании в III-II веках до н.э. следующими чертами:

1. На внутреннем рынке обращались местные серебряные монеты, которые не имели хождения на внешнем рынке.
2. Для внешних торговых связей использовались тетрадрахмы и драхмы Александра Македонского и тетрадрахмы Селевкидов.

Обращает на себя внимание также обнаружение на территории Кавказской Албании монет Лисимаха. Они известны из большого Кабалинского клада II века до н.э. и из Хыныслинского клада I века до н.э. Монеты Лисимаха, как уже отмечалось, имели хождение в причерноморских городах, откуда они попадали на рубеже III-II веков до н.э. по Рионо-Квирильской торговой магистрали, вниз по Куре, в Албанию. О связях Кавказской Албании с припонтийскими странами свидетельствуют и другие монетные находки. В селении Хыныслы, в составе клада, наряду с селевкидскими, парфянскими и другими монетами, были тетрадрахмы царей Вифинии - Никомеда II (149-91 годы до н.э.) и Никомеда III (91-74 годы до н.э.), афинские тетрадрахмы так называемого «нового стиля». Выпуск этих последних продолжался, как минимум, до 85 года до н.э.; в Хыныслинском клада вместе с ними была и тетрадрахма Митридата VI Эвпатора (121-63 годы до н.э.). Что касается серебряных драхм парфянских царейTM то они могли проникать на территорию Южного Кавказа с юга" через Кавказскую Албанию.⁵¹ Вышеизложенное свидетельству

ет о торгово-экономических связях между Албанией, Иберией и Колхидой, а через них - с припонтийскими владениями Митридата VI Эвпатора. Это тем более вероятно, если, иметь ввиду союз Митридата VI с правителями Иберии и Албании, а также большую заинтересованность понтийского правителя в нормальном функционировании важной торгово-транзитной магистрали Индия-Понт, проходящей через его владения, значительный рост торгового оборота, достигшего высшей точки именно в его царствование.⁵²

Весьма интересно и обнаружение в составе Кабалинского клада тетрадрахм греко-бактрийских царей Диодота I (256-248 годы до н.э.) и Эвкратиды I (171-155 годы до н.э.). Чекан первого, как известно, не был особенно обильным, как полагает Е.М.Массон. Следовательно, большую ценность и значимость приобретает обнаруженная в Албании тетрадрахма Диодота I. Для Эвкратиды I же, выдающегося военного и политического деятеля Бактрии, согласно Е.М.Массону, характерна обильная и разнообразная монетная эмиссия.⁵³ Обнаружение в Кабалинском кладе тетрадрахм греко-бактрийских царей вместе с единичной Тбилисской находкой,⁵⁴ свидетельствует о возможности обращения этих монет на Южном Кавказе и о связях этого региона с греко-бактрийским государством.

Необходимо отметить также, что пестрота в денежном обращении Кавказской Албании севернее реки Куры не случайное явление. Это - свидетельство оживленного функционирования торговых маршрутов, которые связывали города этой части Албании с эллинистическим миром.

Такое заключение тем более справедливо, что об оживленных торгово-экономических связях Кавказской Албании с внешним миром в эллинистическую эпоху свидетельствуют также парфянские монеты. Не случайно, что именно они получили са-

мое широкое распространение на территории этой Кавказской страны. Так, А.Н. Зограф отмечал, что Азербайджан является областью преимущественного распространения парфянских монет⁵⁵ нет.

Но прежде чем говорить что-либо об этих монетах, обратимся к истории. После смерти Антиоха III Великого (223-187 годы до н.э.), с именем которого связано первое роковое столкновение Селевкидов с Римом., процесс распада Селевкидской державы ускорился. На Востоке появилась новая сила - парфяне, которые в царствование Митридата I, перейдя в наступление, подчинили Иран и Месопотамию. Появление Аршакидов и их борьба с Селевкидами, долго не отражались на кладах Азербайджана; только с исхода II века до н.э., при Митридате II (123-88 годы до н.э.) впервые распространяются в этой стране аршакидские драхмы.⁵⁷ Так считал известный и признанный историк-нумизмат Е.А. Пахомов в 1920-е годы. Однако, сегодня трудно согласиться с его мнением. Кабалинский клад, в составе которого были также монеты ранчих Аршакидов - Аршака I (248-215 годы до н.э.), Митридата I (170-139 годы до н.э.), Фраата II (139-129 годы до н.э.); Хыныелинский клад, в составе которого имелись драхмы Фраата II, отдельные находки драхм Митридата I на берегу Араза и в Ордубадском районе Нахчыванской АР, позволяют говорить о проникновении парфянских драхм в Кавказскую Албанию уже в начале II века до н.э. К концу же этого столетия и в начале I века до н.э. они получают здесь широкое распространение, постепенно становясь господствующей в ряде районов, особенно в зоне реки Куры, и в более южных районах. Отсюда парфянские драхмы, распространившись по всему Южному Кавказу, на рубеже I века до н.э. - I века н.э., вместе с денариями Августа (27 год до н.э. - 14 год н.э.) с Гаем и Луцием на реверсе, имели широкое обращение в регионе.

В 94 году до н.э. парфянский царь Митридата II обеспечил свое влияние в восточной Малой Азии и на Южном Кавказе.⁵⁸ Это обстоятельство в некоторой степени могло обусловить со времен Митридата II массовый приток в Кавказскую Албанию парфянских серебряных драхм и их повсеместное распространение.

Драхмы самого Митридата I на территории Азербайджана известны по находкам в Харабагиляне, Астаре, на Мугани - в составе небольшого клада парфянских монет; в Хыныслинском кладе, где было 26 драхм без дат, несколько вариантов в портрете Митридата (все только в диадеме без тиары) с монограммами и 73 драхмы с портретом царя в тиаре; здесь же были найдены две драхмы Митридата II «варварской» работы, с искаженными изображениями и надписями.⁵ Такая картина относительно широкого распространения митридатовских драхм, как в Кавказской Албании, так и вообще на Южном Кавказе становится более ясной, если вспомнить, что время правления Митридата II «царя царей» - 124-88 годы до н.э. - период максимального усиления Парфянского государства. Тогда Парфия контролировала значительную часть Великого шелкового пути, пересекавшего Евразию и связавшего Китай с Средиземноморским миром.

Вместе с тем тогда, в I веке до н.э., создались условия для более тесного общения Южного Кавказа, в том числе Кавказской Албании, с эллинистическими центрами Передней Азии.

После Митридата II на территории Албании находились в обращении монеты Орода I (58-39); они найдены в Прикуринской зоне, в Мингечауре и недалеко от Гянджи; Синатрука (77-70)- в Хыныслинском кладе; Фраата III (70-58) - в Мингечауре, Районе Гянджи, около десяти таких монет обнаружены в Хыныслы, в составе клада; монеты Митридата III (57-55), встречаемы также в Прикуринской зоне.⁶¹

- ¹Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Москва, 1970, с. 185.
- ²Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. I-IX; Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997.
- ³Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. I, с. 153.
- ⁴Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. II, № 313, 314; вып. III, № 649, 650; вып. (V, № 1003; Раджабли А.М. Указ.раб., с.13-14.
- ³Раджабли А.М. Указ.раб., с. 13.
- ⁶Пахомов Е.А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э., с.75; Раджабли А.М. Указ.раб., с. 14.
- ⁷Максимова М.И. Античные резные камни Эрмитажа. Ленинград, 1926, с.8 и сл.; Она же. Античные печати Северного Причерноморья. // ВДИ, 1937, № I, с.251 и сл.
- ⁸Бабаев И.А. Античные памятники глиптики Азербайджана, с.7. Он же. Памятники глиптики Азербайджана, с.8.
- ⁹Бабаев И.А. Античные памятники, с.7.
- ¹⁰Шопен И.И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа, с.366-391.
- ¹¹Ямпольский З.И. К изучению древнеазербайджанского города Юнана, с.366-369.
- ¹²Страбон, XI, 7, 1; 14,14.
- ¹³Ямпольский З.И. Указ.раб., с.367.
- ¹⁴Гуммель Я.И. Археологические очерки, с.159.
- ¹⁵Бакиханов А. Гюлистан-Ирам, с.24.
- ¹⁶Реслер Э. Отчет о поездке в дер. Бейюк-Дегне Нухинского уезда Елисаветпольской губернии, и раскопки, произведенные там. // ДАК, 1902, № 66.
- ¹⁷Латышев В.В. Заметки о кавказских надписях. // Известия ИАК, вып. 10, 1904, с. 103-104.
- ¹⁸Болтунова А.И. Греческие надписи Музея Грузии, с. 190-191.
- ¹⁹Тревер К.В. Указ.раб., с.341.
- ²⁰Ямпольский З.И. К изучению древнего пути, с.180; Он же. Вновь открыта» латинская надпись, с. 180.
- ²¹Протоколы заседания Азербайджанского археологического комитета. // Известия Азербайджанского археологического комитета, вып. II, 1926, с.87
- ²²Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, с 15-16. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, с.259-260.
- ²³Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. Москва, 1956, с. 130. Он же. Кизикские статеры на Боспоре. // ВДИ, 1949, № 2.
- ²⁴Расулова М.М. К изучению археологических условий находок аршакидских и римских монет в Азербайджане. // Материалы сессии, посвященной

итогах археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, Баку, 1965, с. 167-168; Она же. Греко-римские и аршакидские монеты из погребений и их значение для изучения связей Азербайджана с античным миром. // Научные труды аспирантов АГУ. Баку, 1966, с. 114-121.

²⁵ Кинжалов Р.В. Ашнакский могильник. // Труды Государственного Эрмитажа, т. V, 1961, с.57.

²⁶ Бабаев И.А. Памятники глиптики, с. 13.

²⁷ Голубкина Т.И. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура (раскопки 1950 г.). // Известия АН Азерб. ССР, 1956, № 3, табл. II, рис. 9 и 11;

Казиев С.М. Альбом кувшинных погребений Мингечаура, табл. IV, рис. 4.

²⁸ Бабаев И.А. О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре, с.133.

²⁹ Исми-Заде О.Ш. Ялойлу-тепинская культура.

³⁰ Ниорадзе К.Г. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, с. 107.

³¹ Иессен А.А. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье (предварительная характеристика). //Сборник аспирантов ГАИМК, вып. I, 1929.

³² Исми-Заде О.Ш. Указ.раб., с.57-60.

³³ Казиев С.М. Альбом кувшинных погребений, с.21, табл. VII, рис. 2, 3.

³⁴ Girshman R. Village perse-achenienide. // Memoires de la mission archeologique en Iran. Paris, 1954, pi. XIII, 2; XX, 1.

³⁵ Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Ленинград, 1934, с.14.

³⁶ Каишай М.А., Селимханов И.Р. О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура, с.38.

³⁷ Aliyev M.M., Qasqay M.Э. Qadim ve Orta esr Azarbaycanda geoloji biliklar ve medeniyetin tarixindan. //Azarbaycan EA Xabarlari, 1955, №7, s.33.

³⁸ Каишай М.А. Селимханов И.Р. Указ.раб., с.30-31, рис.Г2; с.32-33; с.35, рис.3.

³⁹ Массой Е. М. Денежное хозяйство в древней Средней Азии. // ВДИ, 1955, № 2, с.39

⁴⁰ Казиев С.М., Бабаев И.А. Раскопки древней Кабалы, с.319.

⁴¹ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. II, № 314; вып. IX, № 2084; Казиев С.М. Бабаев И.А. Указ.раб., с.319; Раджабли А.М. Указ.раб., с. 15.

⁴² Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996, с.137; Истооия народов Северного Кавказа, том I. Москва, 1988, с.83.

⁴³ Пахомов Е.А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или севкидским I века до н.э. // Труды МИА, том I. Баку, 1962; Он же. Античные монеты в Албании. // Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании»; Он же. Монетные клады, вып. IX, № 2084; Казиев С.М. Бабаев И.А. Указ.раб.,

с-318-319; Раджабли А.М. Указ.раб., с. 16-27.

- ⁴⁴Шарифов Д.М. Раскопки в Ялойлу-тепе; Исми-Заде О.Ш. Указ.раб., с.61-62.
- ⁴⁵Пахомов Е.А. Чеканка в Албании, с.75-76; Раджаблм А.М. Указ.раб., с.16-27.
- ⁴⁶Пахомов Е.А. Античные монеты, с.110.
- ⁴⁷Казиев СМ., Бабаев И.А. Указ.раб., с.319.
- ⁴⁸Пахомов Е.А. Античные монеты в Албании, с.110.
- ⁴⁹Зограф А.Н. Античные монеты. // МИА СССР, 1951. № 16, с.99.
- ⁵⁰Там же, с. 100.
- ⁵¹Зограф А.Н. Распространение находок, с.42 и ел.
- ⁵²Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Москва-Ленинград, 1956, с.211.
- ⁵¹Массой Е.М. Указ.соч., с.39, 40. ⁵⁴Зограф А.Н. Распространение находок, с.41. Там же.
- ⁵⁶Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана, с.181-182, 184.
- ⁵⁷Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. 1, с. 17.
- ⁵⁸Дьяконов М.М. Указ.раб., с.192.
- ⁵⁹Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. II, № 329, 330; Он же. Античные монеты, с. 109.
- ⁶⁰Бокищанин А.Г. Указ.раб., с. 13.
- ⁶¹Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. III, № 762; вып. VI, № 1544; вып. IX, № 2080.

Глава IV. Кавказская Албания и Рим

Выше отмечено, что перечисленным находкам парфянских монет после Митридата II сопутствуют римские республиканские денарии. Для выяснения причин такого сосуществования различных по происхождению монет в Кавказской Албании в I веке до н.э. обратимся к истории.

4.1. Археологические артефакты связей Кавказской Албании с эллинистическим миром

В связи с начавшимися с конца 60-70-х годов раскопками на территории Азербайджана выявлен значительный материал свидетельствующий о связях Кавказской Албании с эллинистическим миром. Обращает на себя внимание одна из любопытнейших находок: в одном из кувшинных погребений Мингечаура, на правом берегу реки Куры, находились четыре римских республиканских денария. Один из них чеканен Л.Скрибонием Либом, около 55 года до н.э.; второй - денарий Гнея Помпея Магнуса Младшего и Марка Публия, битый около 46-45 годов До н.э.; два экземпляра идентичных денариев Л.Плавтия Планка, бывшего монету около 47 года до н.э. Все перечисленные монеты связаны с лицами, игравшими какую-то роль в истории Помпея Старшего и его рода. Так, Л.Скрибоний Либон приходился тестем Сексту Помпею, сыну Помпея Старшего и в гражданских войнах I века до н.э. был видным сторонником группировки Помпея, изменив ей около 34 года до н.э. Гней Помпей, сын Помпея Старшего, прибыв в Испанию, погиб в войне против Юлия Цезаря в 45 году до н.э. Только Плавтий Планк, казненный в 43 году до н.э., во время проскрипций второго триумвира-

та, не входит в число видных деятелей помпеянской группировки, хотя, видимо, примыкал к ней, что вероятно, и явилось поводом к внесению его в проскрипционные списки.

Отмеченные выше монеты, в одном и том же погребении, как бы намекают на связь семьи похороненного, а возможно и его самого, с Римом, с помпеянской группировкой. Заметим в связи с этим, что сторонники Помпея после своего поражения могли уцелеть на эллинистическом Востоке. У них, видимо, продолжали обращаться по преимуществу монеты, накопленные ранее, точнее, в период господства их группировки.

Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с внешним миром в эллинистическое время иллюстрируются также археологическими артефактами. В III-II веках до н.э. кроме Ялойлутепинской культуры в Албании бытовал и другой обряд захоронения, так называемая культура кувшинных погребений, который сохранялся долго, вплоть до VII века н.э. Находки в таких погребениях говорят об их родственной связи с ялойлутепинскими памятниками, что свидетельствует не только об этнической близости этих двух культур, но и о тесных взаимосвязях между собой племен Албании. Кувшинные погребения, широко распространенные на территории Азербайджана, известны на Южном Кавказе и за его пределами. Т.И.Голубкина, сравнивая их, отметила, что этот обряд во всем регионе в основном одинаков, чему способствовали схожие системы хозяйства, быта, религиозных верований, а также торговые и культурные связи между странами Южного Кавказа.⁴

Большой интерес представляют встречающиеся в кувшинных погребениях Мильской степи своеобразные черноглиняные лощеные чашки. Они очень похожи на фиалы из Греции, поверхность которых большей частью украшалась чернолаковой росписью или тесным орнаментом. На наших чашках сделаны

оттиски штампов, имеющих форму щитков подтреугольных углублений, внутри которых расположено по несколько выпуклых круглых точек. Такие чашечки служили для питья жидкости, а возможно, как и греческие фиалы, также для совершения культовых обрядов.

В одном из кувшинных погребений Мингечаура обнаружен сосуд типа канфара⁵ (древнегреческий кубок для вина с двумя вертикальными ручками). Подобные артефакты обнаружены в Самтавро (Грузия) и в меото-сарматских погребениях III-I веков до н.э. Канфары были широко распространены в древней Греции. Мингечаурский же, являясь редкой находкой, одновременно отличается от греческих ручками, цветом, отсутствием высокой ножки и украшений. Цвет, качество глины Мингечаурского канфара характерны для сосудов культуры кувшинных погребений и Ялойлутепе. Поэтому, безусловно, изготовлен на месте, в подражание греческим оригиналам, которые, не исключено, имелись в этой стране.

Некоторые глиняные сосуды Албании по форме также напоминают греческую керамику - прохосы, эпохой. Но это не прямое подражание. Местные мастера внесли немало изменений в формы сосудов, в детали и украшения, хотя греческая основа остается. Албанские мастера использовали много вариантов изготовления горловины энохой, ее орнаментации, способов прикрепления ручки, ее форм и украшения. Часто таким сосудам Добавляли пару ручек по бокам тулова. Днище обычно широкое, плоское и, реже, как у греческих эпохой, с легким намеком на каблучную ножку. Подобных типов сосуды обнаружены в Мингечауре, Ялойлу-тепе, Хыныслы и других местах Азербайджана.⁷ Есть они и в Восточной Грузии.⁸

Встречаются также подражания формам более древних греческих сосудов, так называемым Минойским. В кувшинных

погребениях Азербайджана обнаружены красноглиняные бочкообразные широкогорлые кувшины, на плечиках которых по две или четыре горизонтальных ручки. В Агджабеде же встречается вариант, снабженный вертикальными ручками на плечиках сосуда, а большего размера две ручки - на тулове, друг против друга, в противоположной от верхних ручек стороне. Они имеют роспись часто подражающая меандру.

Следует отметить, что в кувшинных погребениях эллинистической Кавказской Албании - в Мингечауре, Агджабеде, Кедабеке, Ханларе, Мильской степи - в большом количестве представлена расписная керамика.¹⁰

Среди иноземных изделий, обнаруженных в Албании, большое место занимают разных размеров и форм разноцветные бусы, украшения из стекла, пасты и других материалов. Массовое распространение различных стеклянных и пастовых украшений, особенно многоцветных бус начинается на Кавказе, в том числе в Албании, примерно с VI века до н.э. Это подтверждается многочисленными артефактами. Среди стеклянных украшений, довольно часто встречаемых в погребениях на территории Азербайджана - бусы в виде зерен ячменя, ромбической, шарообразной, бочкообразной формы, иногда в форме сердечка, «бородавчатые», с «глазками», а также пирамидальные стеклянные привески. Подобные украшения в Албании особенно обильно представлены в некрополях Мингечаура, некоторые типы этих украшений известны и на холме Узерликтепе около Агдама¹¹

Они не являются изделиями местного происхождения, ибо их выделка сложна даже в настоящее время. Изготовление подобных украшений требовало давней выработки высоких технических навыков. Поэтому родиной их являлись такие прославленные в древности ремесленные центры Восточного Средизем-

номоря, как финикийские города Тир и Сидон, египетские Мемфис, Фивы, а позднее Навкратис и Александрия.

Необычайно миниатюрные бусы из золотисто-оранжевого сердолика, расписанные геометрическим орнаментом, нанесенным раствором соды с последующим обжигом, что оставляет на сердолике белые пятна, в большом количестве найдены в Мин-гечаурских погребениях и в ряде могильников в Дагестане. Их изготавливали в Индии.¹² Весьма любопытный факт свидетельствует о том, что женщины древнего Азербайджана следовали тогдашней моде, широко распространенной на Востоке: среди женских костяков в погребениях Мингечаурского некрополя обнаружены в поясной области крупные сардовые бусы. На них, отмечает Г.Г.Леммлейн, «наблюдается широкая экваториальная полоса многочисленных фигур удара, образование которой может быть объяснено их постоянным соударением вследствие общей точки подвеса на конце косы и ее движениями при ходьбе. Прекрасной иллюстрацией такого способа подвеса бус к косе служат многочисленные женские изображения на так называемых греко-персидских скарабеоидах».¹⁴

Крупные шаровидные бусы из халцедона, бусы или привески пирамидальной, желудевидной форм из янтаря, стекла, сердолика появляются во второй половине I тысячелетия до н.э. и в первые века н.э. на территории Дагестана. Они - средиземноморского происхождения и своим появлением и распространением обязаны эллинистической и римской культуре в Малой Азии, Причерноморье, Центральной Азии и на Южном Кавказе.¹⁵ Крупные сердоликовые и реже хрустальные бусы, сверленные алмазным или двуалмазным сверлом, довольно широко распространенные по всему Кавказу, Причерноморью и Центральной Азии, - ирано-индийского производства датируются II веком до н.э.¹⁶

Наряду с различными бусами, широкое распространение на Кавказе получили ракозины *каури* (сургеа moneta), родиной которых являются юго-восточные берега Азии, побережья Индийского океана, в особенности же Мальдивские острова. Раковины эти водятся также в Персидском заливе и на восточном побережье Средиземного моря.

С древнейших времен каури в ряде стран, например в Китае и в Японии служили средством оплаты и размена. О значении каури, как одной из домонетных форм денег, свидетельствует иероглиф «бэй», принятый для их обозначения, «Древнее же его начертание представляет собой схематическое изображение раковины каури с обитающим в ней моллюском». Из Китая и Японии эти раковины попали в Индостан и Индокитай, где выполняли функции единственной валюты с начала нашей эры и даже в настоящее время не совсем еще вышли из употребления. Отсюда каури распространились вплоть до Северной Европы.

Довольно часты находки этих раковин на территории Азербайджана и Дагестана. Они встречаются здесь, начиная с эпохи бронзы и до раннег средневековья и являются свидетелями связей жителей древнего Азербайджана со странами Востока,¹⁷ в первую очередь, с Центральной Азией и Индией.

Иногда эти раковины встречаются тщательно отшлифованными, просверленные, с отломанной спинкой. В таком виде они служили украшениями или амулетами. Интересным, как отмечает Н.В.Пигулевская, является тот факт, что и в раннем средневековье различные раковины - вывозимые из Индии, представляли большую ценность и употреблялись главным образом как украшения.¹⁹ Поэтому нельзя не согласиться с мнением В.И.Равдоникаса, отметившим, что, представляя ценность, раковины-каури, наподобие позднейших серебряных монет, употреблялись очень широко и как украшения. Об этом прежде

всего свидетельствуют раковины с просверленными отверстиями для нашивки, либо для нанизывания их в виде ожерелья.

Привозными являются также подвески из перламутра, бусы из коралла цилиндрической формы и из янтаря. Ни кораллы, ни морские раковины, как известно, не водятся в водоемах Азербайджана и даже остального Южного Кавказа. Поэтому они могли быть привезены сюда с Индийского и Тихого океанов, Персидского залива, Красного и Средиземного морей. Некоторые бусы, но в особенности подвески, играли роль не только украшения. Они часто имели магическое назначение предохраняющих амулетов. Бусы-амулеты, бытовавшие с древнейших времен в восточных и южных странах, по сей день наиболее распространены в них, в том числе в Азербайджане. До сих пор нередко бусы с глазками надевают на руку, шею, ножку ребенка, зимой привешивают к верхней одежде, полагая, что они отводят дурной глаз и связанные с ним беды. Подобные бусы особенно часто встречаются в кувшинных погребениях Минге-чаура. Что касается янтарных бус, то издавна хорошо известны их целебные свойства. Раковины «каури» считались амулетами, предохраняющими от рвоты. Среди жителей античной Кавказской Албании известны были такие различные поделки и украшения египетского производства (подробнее смотрите в следующей главе).

Таким образом, указанные бусы, поделки из стекла, сердолика и других материалов, их обилие, распространенность свидетельствуют не только о развитом, налаженном их производстве, но и о прочных торговых и культурных связях Албании со странами Ближнего Востока, в частности с Сирией, Финикией, Египтом, Индией. Вместе с тем А.Б.Нуриев отметил, что с IV века до н.э. в самой Албании начали изготавливать стеклянные Украшения.²³

Эллинистическая эпоха, как отмечено исследователями, «ознаменовалась в истории развития стеклоделия крупным шагом вперед, выразившимся в освоении методики варки стекла при достаточно высоких температурах с получением хорошо проваренного расплава, прозрачного, свободного от пузырей и свилей. Вторым важным шагом примерно в это же время явилось открытие метода выдувания полых стеклянных изделий».²⁴

Крупными центрами массового стеклянного производства являлись города Восточного Средиземноморья, изделия которых получили в римское время особенно широкое распространение во многих странах. В исследуемый нами период стеклянные изделия этих городов проникали на Южный Кавказ, в том числе в Албанию, где они особенно богато представлены в Мингечаурских и Хыныслинских погребениях (подробнее смотрите в следующей главе).

4.2. Взаимоотношения Кавказской Албании с Римом: военный аспект

В истории народов Южного Кавказа, в том числе Албании I век до н.э. ознаменован первыми столкновениями с римлянами, что явилось началом их многовековой борьбы за свою независимость. Захватив ко II веку до н.э. восточную часть Средиземноморского бассейна, став не только политическим повелителем тогдашнего Переднеазиатского мира, но и его экономическим владыкой, Рим обратил свое победоносное оружие против Востока. Наступления римлян на Восточном направлении усиливалось после того, как юс продвижению в Азию стало угрожать Понтийское царство. В войне с ним Рим проникает вглубь Южного Кавказа, то есть в Албанию и Иберию.

События, связанные с походом римлян на Южный Кавказ,

достаточно полно отражены у античных авторов. Можно сказать, что события, развернувшиеся на Южном Кавказе в 1 веке до н.э., не остались без их внимания. Одни описывали происходящее будучи современниками; другие заимствовали сообщения у своих предшественников; третьи ограничивались получением сведений из вторых и третьих рук, не обращаясь к первоисточникам. Однако, дополняя и корректируя друг друга, эти различные по своему характеру данные античных авторов, содержат тем не менее интересный и значительный материал, позволяющий судить не только о происходивших событиях, но и о племенах Албании, их нравах и обычаях, о хозяйстве и связях с внешним миром.

Военно-политические сюжеты, связанные с Кавказской Албанией выходят за рамки нашего исследования. Тем не менее сообщения греческих и римских авторов, повествующих о военных столкновениях, а также другие их свидетельства, даже противоречивые, рассматриваются нами. Суть в том, что такие сведения являются результатом интенсивных взаимоотношений Албании с эллинистическим миром.

О первых столкновениях албан с римлянами, в частности с легионами Лукулла, в 69 году до н.э. вторгшегося на Южный Кавказ, сообщает Плутарх. Он пишет, что «От Каспийского моря прибыло множество албан и их соседей иберов, а также немалое количество живущих по Араксу».²⁵ К.В.Тревер по этому поводу справедливо замечает, что Плутарх сохранил нам «первые в истории народов Закавказья упоминания о совместных военных действиях албанов и иберов против общего врага, о сплоченности этих народов, политически друг от друга независимых».²⁶

Успехи римского полководца были временными. Вскоре союзники, перейдя в наступление, оттеснили Лукулла и у переправы через Евфрат произошла битва, в которой римскому пол-

ководцу пришлось почувствовать силу местных правителей. Римский сенат, недовольный Лукуллом, отозвал его и назначил Помпея, предоставив ему большие полномочия. Удача сопутствовала Помпею в Малой Азии, в войне с Митридатом VI. Преследуя последнего, бежавшего через Иберию в Колхиду, Помпеи двинулся вглубь Южного Кавказа, где ему противостояла мощная коалиция албан и иберов. Из античных авторов раньше всех об этих событиях повествует Тит Ливий: «Гней Помпеи преследуя Митридата, проник к самым отдаленным и неизвестным народам. Он победил в сражении иберов и албан, не пропускавших его».²⁸ Следующим по времени автором, отразившим в своем труде описываемые события, был Страбон. Отмечая, что Помпеи «отправился в поход против иберов и албан», он описывает вооружение албан, сообщает о многочисленности албанского войска, насчитывавшего 60 000 пехоты и 22 000 всадников.²⁹

Более подробное описание столкновений албан с Помпеем сохранил Дион Кассий, ряд эпизодов имеется у Плутарха. Причем обращает на себя внимание сообщение последнего о том, что «Помпеи шел против Митридата по необходимости через земли народов, живущих вдоль Кавказа. Наиболее мощными из них были албаны и иберы». Очень интересные эпизоды сражения римлян с албанами сообщает Аппиан, отметивший участие албанских женщин наравне с мужчинами,³¹ о чем сообщает также и Плутарх. Некоторые события в связи с походом Помпея на Южный Кавказ, в частности в Албанию, имеются и в сочинении Веллея Патеркула.³²

Перечень сведений античных авторов о событиях на Южном Кавказе можно бы продолжить, но вышеизложенного, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы отметить интерес греков и римлян к народам и событиям в этом регионе, в том числе в Албании.

Бурная эпоха римских войн и походов римлян на Южный Кавказ, римско-парфянские взаимоотношения неоднократно были объектом исследований. Вместе с тем, римская экспансия на Южном Кавказе, должна рассматриваться в тесной взаимосвязи с восточной политикой Рима в целом. Это получило отражение в трудах западно-европейских исследователей. В частности, Т. Моммзен и Г.Ферреро отстаивали прогрессивность римского завоевания для тех стран и народов, которые испытали на себе политику Рима.³³ Относительно войн с Митридатом Эвпатором и с народами Южного Кавказа Т.Мэмзен безусловно неправ. Так, он ошибочно полагал, что римляне вынуждены были воевать с Митридатом, а сломив его, распространить свое влияние далее, на бассейн Куры, на земли иберов и албан. Это его заключение вытекает из мнения Т.Моммзена о том, что «в то же время нельзя было допускать распространения парфянского владычества к северу от Лракса, и далее Атропатены». Т.Рейнах, не идеализируя римского завоевания, подчеркивает, что Азия играла для Рима роль дойной коровы. Ж.Ацфельд же, квалифицируя римскую экспансию лишь как мирное торговое проникновение на Восток, полностью игнорирует политическую составляющую событий и трактует взаимоотношения римлян с местным населением как взаимоотношения равных.³⁶ Авторы «Кембриджской древней истории;» не исключают того, что причиной Кавказского¹ похода, кроме желания Помпея освоить «закаспийскую торговую магистраль на Дальний Восток», могло быть и его тщеславие. Они считают, что будто римлянин хотел, чтобы в его триумфе приняли участие пленные из числа тех на-Родов, о которых а Риме ничего раньше не слышали.

Агрессия Рима на Восток, в том числе на Южный Кавказ, римско-парфянские взаимоотношения получили всестороннее освещение в трудах многих советских исследователей. Так, основной причиной римских столкновений в I веке до н.э., по мне-

нию К.В.Тревер, было «стремление Рима захватить и удержать мировые торговые пути и рынки в восточном Средиземноморье и Малой Азии, на которые посягал Понт в лице Митридата Эвпатора». Действительно, идея мирового господства, не могла быть осуществлена Римом, пока на Востоке существовали такие могущественные государства как Понт, Парфия, сокрушив которые римляне вправе были бы называть себя владыками Запада и Востока, преемниками Александра Македонского. По поводу походов Помпея в Понт и на Южный Кавказ Л.Д.Саникидзе пишет, что они в основном были вызваны экономическими причинами; дороги и рынки Малой и Передней Азии после победы над Митридатом находились в руках римлян; и «Теперь надо было подчинить римскому влиянию те рынки, торговые пути, которые лежали на территории Грузии, Албании». Вместе с тем государства Южного Кавказа настораживали Помпея как союзники Митридата, от которых римлянам грозила реальная опасность. Поэтому следовало обеспечить безопасность северо-восточных границ Римской республики.

На наш взгляд, более отчетливо определены цели римских походов на Южный Кавказ А.И.Болтуновой, отметившей, что поход Помпея в этот регион является «одним из звеньев в цепи римских военных мероприятий в Азии, имевших целью постепенное и планомерное продвижение римлян на Восток и обеспечение путей проникновения на Восток римского торгового капитала».⁴⁰

Не останавливаясь на других исследованиях, отметим, что советские историки добились значительных успехов в разрешении ряда проблем, связанных как с римско-парфянскими взаимоотношениями, так и с политикой Рима на Востоке в целом.⁴¹

4.3. Албано-сарматские связи

Этот аспект взаимоотношений эллинистической Кавказской Албании с ближними и дальними соседями, давно попал в круг интересов исследователей.⁴² Одним из *его* последствий стало появление специальной монографии М.С.Гаджиева, рассмотревшего торговые связи албано-сарматского времени. Так, он отмечает, что в III веке до н.э.-VI веке н.э., который именуется в исторической периодизации применительно к Дагестану *албано-сарматским*, «получил свое название по имени двух народов, сыгравших важную роль в истории не только Дагестана, но и в целом Кавказа и Восточной Европы, и распространивших свое имя на целый ряд родственных им племен. Первые - это албаны, далекие предки народов Дагестана и Азербайджана, ставшие известными античному миру с V века до н.э. и образовавшие в последних веках до н.э. древнейшее государство [на Восточном Кавказе, которое получило в исторической литературе наименование Кавказская Албания].⁴⁴ Сказанное свидетельствует не просто о широких и многоплановых связях Кавказской Албании, в том числе Дагестана, с различными народами, странами и племенами, но и об обратной связи, то есть об интерактивных связях. Дело в том, что интерес к Кавказу, в том числе к Албании и Дагестану, сумма знаний о них в античном и эллинистическом мире была довольно заметной. Внимание к ним было следствием не только походов Александра Македонского и диадохов, не только их политики, но, в немалой мере, - тем местом, которое Кавказ занимал в геополитической структуре того времени. В политическом аспекте - это экспансия Рима на восточном векторе его завоеваний. Он был напрямую связан со стремлением взять под римский контроль

основные торговые маршруты, пролежавшие в меридиональном направлении по линии Запад-Восток.

Ко второй группе племен, сыгравших в этот период важную роль в истории Кавказа и Восточной Европы, Гаджиев М.С. относит кочевников, занимавших степи от Дона до Приуралья.⁴⁵ Они получили известность под собирательным этнонимом сарматы. Продвинувшись на юг, в том числе на Северный Кавказ, они оказали влияние на судьбу ряда автохтонов этого обширного региона, в том числе в Дагестане и Албании. Тогда же, в III веке до н.э. - IV веке н.э., сложилась новая сарматская культура, которая получила определенное распространение в Кавказском регионе. Вместе с этой культурой шел процесс расширения торговых связей и контактов автохтонов как на самом Кавказе, так и за его пределами. Иными словами этот регион являлся той самой зоной контактов и синтезного развития, которая играла важную роль во взаимоотношениях кочевой степи и оседлого оазиса в эпоху эллинизма, когда историко-культурные связи сблизили между собой центры и периферии эллинистического периода. В связи с этим напомним мнение Н.В. Пигулевской, которая отметила: «как и в другие периоды истории Ближнего Востока, общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них».⁴⁷

Отталкиваясь от этой концептуальной позиции, заметим, что существовали многоканальные связи Кавказской Албании с общим политическим, экономическим, социальным и культурным развитием в эллинистический период. С одной стороны, это являлось следствием эволюции самого албанского общества; с другой - результатом контактов с кочевой степью. В рассматриваемом нами аспекте - это албано-сарматские реалии. Они ха-

рактельны многими событиями. В частности, в свете нашего исследования укажем на активное участие Кавказской Албании в международные торгово-экономические и культурные контакты эллинистического периода. Они подтверждаются для многовекторных взаимоотношений с высокоразвитыми зонами этого времени, а также - с кочевыми сообществами. В целом, такие контакты оказались плодотворными для всех их участников, стали движущей силой развития в политической, военной, торгово-экономической, социальной, культурно-идеологической сферах. В этом аспекте и рассмотрены нами албано-сарматские контакты, которые являют собой заметную часть интенсивных разносторонних и разнохарактерных связей Востока и Запада, Севера и Юга. В нашем конкретном случае можно констатировать, что Южный Кавказ, в первую очередь Албания и Дагестан, находящиеся на важном Прикаспийском пути, были составными элементами «перекрестка цивилизаций» на Кавказском пространстве.

Если окинуть ситуацию на Южном Кавказе и вокруг него общим взглядом, то следует признать, что имели место дальнейшая активизация международных торгово-транзитных маршрутов, в первую очередь и преимущественно на их Прикаспийском отрезке; активного вовлечения городов в международный товарообмен, расширение местного рынка - главного показателя экономического развития; интенсификация денежного обращения; развитие сельского хозяйства и ремесла; усиление культурного обмена.

В III-I веках до н.э. прослеживаются также и тесные взаимоотношения Кавказской Албании, особенно той ее части, которая включала Южный Дагестан, с сарматским миром. Это было следствием массового проникновения сарматов на Северо-восточный Кавказ.⁴⁸ Сарматские племена в своем движении на

юг столкнулись с автохтонами, в том числе в Дагестане. Поэтому их расселение, безусловно, проходило в ожесточенной борьбе, что засвидетельствовано Апполонием Родосским и в «Карт-лис Цховреба».⁴⁹ В середине I века н.э. Плиний, перечисляя племена северной части Албании, помещает между ними и сарматами утидорсов.⁵⁰ К.Ф.Смирнов объяснил этот этноним как отражение слияния двух живущих в непосредственном соседстве племенных групп - удин и аорсов.⁵¹ Такие процессы в последние века стали обычными на Северном Кавказе. В связи с этим отметим, что характеру влияния сарматской культуры на местные племена плоскостного Дагестана уделили внимание Е.И.Крупное и К.Ф.Смирнов.⁵³ По мнению М.С.Гаджиева «В античной традиции этноним «сарматы» начал употребляться с III века до н.э., и выход их на арену истории сопровождался возникновением новой, сарматской, культуры (III век до н.э. - IV век н.э.) и началом интенсивного продвижения сарматских племен на Северный Кавказ (сираки, аорсы, аланы) и в Северное Причерноморье (языги, роксоланы). Это событие обусловило сложный и многогранный процесс этнокультурных связей населения Северного Кавказа и Северного Причерноморья, получившего название «сарматизации», в котором не последняя роль отводилась установившимся тесным торговым контактам».⁵⁴ «Основные черты сарматской культуры проявляются в ритуальных обрядах, в усвоении сарматского типа вооружения и военной техники, в ношении однотипных поясных наборов и фибул, в изготовлении посуды сарматского облика и прочее. Теперь ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в результате смешения пришлых сарматских племен с некоторыми аборигенами плоскостного и предгорного Дагестана произошло внедрение в культуру и быт некоторых сарматских элементов».

Памятники из археологических раскопок 1948-1949 годов на территории Дагестана свидетельствуют о значительной «сарматизации» населения его приморской части.⁵⁶ В то же время сарматской культуре успешно противостояла местная албанская культура, влияние которой особенно заметно проявляется в Карабудахкентских могильниках.⁵⁷ По этому поводу К.Ф.Смирнов отмечает, что Карабудахкентский могильник надо считать «памятником, оставленным одним из удинских племен, менее подвергшимся сарматизации и поэтому сохранившим значительные пережитки местной традиции погребального обряда, а в материальной культуре - большую общность с местной культурой эпохи бронзы и с албанской культурой Закавказья».⁵⁸ Эту общность местной культуры с албанской прослеживает и М.И.Пикуль; по его мнению, «Черты албанской культуры, известные по грунтовым и кувшинным погребениям Мингечаура и Ялойлу-тепе, в свете новых материалов стали прослеживаться по всей территории Дагестана».

Захват аорсами, стоявшими во главе сарматской конфедерации племен, Прикаспийского торгового пути на южном направлении способствовал вовлечению жителей Дагестана в торговлю эллинистическо-римского мира. Этот караванный путь по Дербендскому проходу, скорее всего, подразумевал Страбон: «...аорсы даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от мидян и перевозя их на верблюдах». Вместе с тем сарматы пользовались также Дарьяльским и другими проходами через Главный Кавказский хребет. Об этом можно судить по сообщениям других античных авторов.

Анализ археологического материала II века до н.э. - II века н.э. также показывает, что Дагестан не избежал влияния эллинов и римлян. По мнению М.И.Пикуля, «произведения античного искусства проникали главным образом через торговый путь аор-

сов, соединявший эту часть Кавказа с Боспорским царством на севере, о чем свидетельствуют черные лигнитовые бусы, всегда сопутствующие стеклянным бусам с прослойкой из фольги, бусы из сапфирита, повсеместно встреченные в Дагестане и на Боспоре; различные египетские поделки, проволочные браслеты, концы которых обвязаны спиралью вокруг стержня, боспорского происхождения, характерные для первых веков до н.э. и нашей эры». ⁶² Браслеты боспорского происхождения известны также на Южном Кавказе. ⁶³

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что в международную торговлю эллинистическо-римского времени были вовлечены также северные области Албании, в том числе Южный Дагестан. Этому в значительной мере способствовала активизация сарматских племен и их посредничество в торговле античного мира. Такое обоснованное мнение подтверждает специальное исследование М.С.Гаджиева о торговых связях Дагестана в албано-сарматский период. ⁶⁴ Причем в торговых связях Кавказской Албании с народами Северного Кавказа и более отдаленными странами большое значение имели перевальные дороги через Большой Кавказский хребет.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что удобное географическое положение Кавказской Албании, через территорию которой пролегали важные международные торговотранзитные магистрали, а также сложившаяся на Востоке обстановка со времен походов Александра Македонского способствовали установлению в IV-III веках до н.э. связей Азербайджана с античным миром. Одновременно это способствовало его вовлечению в международную торговлю эллинистического времени, контактам с различными племенами. Почва для таких контактов была подготовлена давними и глубокими взаимоотношениями населения страны с древневосточным миром. В дальнейшем

взаимосвязи Кавказской Албании с эллинистическим миром становились все оживленнее и сложнее. Одновременно ее роль в международной торговле II-I веков до н.э., по сравнению с предшествующим временем, заметно возросла. Об этом свидетельствуют нумизматические находки, археологические артефакты и сообщения греческих и латинских источников. Вместе с тем это - подтверждение повышенного интереса двух Великих держав эллинистического мира - Рима и Парфии - к Южному Кавказу, их стремления распространить свое влияние в этом важном регионе. Столкновения между ними на Кавказе имели целью овладеть Албанией, через территорию которой проходила одна из важных торгово-транзитных магистралей, связывавшая Понт с Центральной Азией и Индией.

В связи с общим хозяйственным развитием Кавказской Албании, расширением ее торговли с эллинистическими государствами и возросшей денежной торговлей, возникает потребность в широком выпуске местных монет. Для этого в ее внешних торговых связях использовались монеты Александра Македонского, Селевкидов, Парфии; а на местном рынке обращалась своя серебряная монета, чеканенная по образцам монет великого завоевателя.

Таким образом, южные области Албании, через которые пролежала торгово-транзитная магистраль из Индии в Понт, были вовлечены в IV-III веках до н.э. в международные товарно-денежные отношения античного мира. Племена же северных областей, жившие на территории Дагестана, вовлечены были в международную торговлю позднее - со II-I веков до н.э. Тогда этому процессу в значительной мере способствовала активизация сарматских племен, установление их контроля над торговыми путями от античных городов Северного Причерноморья через Северный Кавказ до Каспийского побережья, а отсюда, по

Дербендскому пути, до торговых центров Мидии. Следует отметить также то, что в северных областях Албании торговля носила преимущественно меновый характер, хотя античные монеты были известны и здесь, о чем свидетельствует клад монет из Касумкентского района Дагестана. Вместе с тем сведения об албано-сарматской эпохе свидетельствуют о широких и многовекторных связях эллинистической Кавказской Албании; о ее сношениях с племенами и народами на Северном Кавказе; о том, что Южный Дагестан, действительно, являлся составной частью не просто Албании, а - Албанского царства.

¹ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VI, № 1548. ² Там же.

³ Нуриев А.Б. Новые данные о датировке кувшинных погребений Азербайджана. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, Баку, 1965, с. 114-115.

⁴ Голубкина Т.И. Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана (II век до н.э. - II век н.э.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962. с. 13.

⁵ Казиев СМ. Альбом кувшинных погребений, табл. XXI, рис. 2.

⁶ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. // МИАСССР, 1952, № 23, с. 170, рис. 10.

⁷ Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре; Исми-Заде О.Ш. Указ. раб., табл. 1, рис. 3, 4, 6, 7, 9, 15; табл. II, 15; табл. VIII, 1, 2; Халилов Дж.А. Раскопки на городище Хыныслы - памятнике древней Кавказской Албании.

⁸ Ниорадзе Г.К. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940.

⁹ Пахомов Е.А. Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. // Известия Аз. ФАН, 1939, № 3, рис. 3, с. 71-73.

¹⁰ Казиев СМ. Альбом кувшинных погребений, табл. VIII, Баку, 1964, рис. 78, 80, 86; Пассек Т.С. Джафарханский могильник, с. 181, рис. 26, 27; Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, табл. II, рис. 4-10.

¹¹ Леммлейн Г.Г. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя; Ионе Г.И. Археологические раскопки в Мингечауре. // ДАН Азерб. ССР, том II, 1946, №9.

¹² Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус, с. 166.

¹³ Ионе Г.И. Археологические раскопки в Мингечауре, с. 399-406.

¹⁴ Леммлейн Г.Г. Фрагменты каменных изделий из раскопок в старой Нисе. // Труды ЮТА КЗ, том VIII. Ашхабад, 1958, с.387.

¹⁵ Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с.160.

¹⁶ Леммлейн Г.Г. Опыт классификации, с. 158.

¹⁷ Ашурбейли СБ. Ремесло и торговля раннесредневековых городов Азербайджана.//Труды МИА, т. 2, 1957, с.131.

¹⁸ Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Москва, 1951, с. 180.

¹⁹ Равдоникас В.И. Рецензия на работу Богагвского Б.Л. «Раковина в расписной керамике Китая, Крита и Трнполя». //Сообщения ГАИМК, № 6, с.31-34.

²⁰ Там же.

²¹ Казиев СМ., Голубкина Т.И. Об одном кувшинном погребении. // Известия АН Азерб. ССР, 1949, № 3, с.77, табл. III, рис. 9; Исми-Заде О.Ш. Указ.раб., с.48; Казиев СМ., Бабаев И.А. Раскопки древней Кабалы, с.318; Шейн Р.В. О погребении с монетой III века н.э. в селении Чухур-Юрд Шамахинского рай она. //ДАН Азерб. ССР, 1965, т. XXI, № 5, с. 100; Голубкина Т.Н. Археологическое обследование и раскопки, с.37, табл. II, рис. 146; Пикуль М.И. Указ.раб., с. 151; Гуммель Я.И. Археологические очерки, с. 158.

²² Рагимов А.В. Соколовская О.М. Амулеты - пережитки первобытных верований.//Труды МИА, том IV, 1961, с. 153-169.

²³ Нуриев А.Б. Указ.раб., с.7.

²⁴ Качалов Н. Стекло. Москва, 1959, с.60.

²⁵ Плутарх. Лукулл, 26. // ВДИ, 1947, № 4. с.281.

²⁶ Тревер К.В. Указ.раб., с.89.

²⁷ Плутарх. Лукулл, 31; Дион Кассий, XXXVI, 4-5.

²⁸ Тит Ливий. История от основания города, кн. CI. // Латышев В.В. Указ.раб., т. II, 1904, с.50. ²⁹ Страбон, XI, 1,6; XI, IV, 5.

³⁰ Кассий Дион. Римская история, XXXVI, 54; XXXVII, 3, 4. // ВДИ, 1948, № 2; Плутарх, Помпей. XXXIV, XXXV. // ВДИ, 1947, № 4, с.280-283.

³¹ Аппиан. О Митридатовых войнах, гл. 103, 114// ВДИ, 1946, № 4, с.280 и сл.

³² Веллей Патеркул. Римская история, II, 40, 1. // Латышев ВВ. Указ.раб., с.111; Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе.

³³ Моммзен Т. История Рима, т. III, Москва, 1941; Ферреро Г. Елеличие и падение Рима, т. II, Москва, 1920.

³⁴ Моммзен Т. Указ.раб., т. V. Москва, 1949, гл. IX, с.336. ³⁵ Reinach Th. Mithridate Eupator, p.83-85.

³⁶ Hatzfeld J. Zes trafiquants italiens dans l'Ooient heilinique. Paris, 1919, p.255-317.

³⁷ The Cambridge Ancient History. Vol. IX, 1950, э.380.

³⁸ Тревер К.В. Указ.раб., с.88.

³⁹ Саникидзе Л.Д. Экспансия Рима в Понте и Закавказье в первой половине I века до н.э. Кутаиси, 1953, с.25.

⁴⁰ Болтунова А.И. Иберия и римская экспансия в Азии, с.167.

⁴¹ Бокищанин А.Г. Парфия и Рим; Он же. История международных отношений и дипломатии в древнем мире.

⁴² См., напр.: Крупное Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. // МИА СССР, 1951, № 23; Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкеит. // МАД, том II. Махачкала, 1961; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990; Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского Ефемени. // СА, 1972, № 2; Она же. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху. // СА, 1987, №4; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов I века н.э. // ВДИ, 1994, № 2; История и культура сарматов. // Сб. статей. Саратов, 1983.

⁴³ Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.

⁴⁴ Там же, с. 14.

⁴⁵ Там же, с.4.

⁴⁶ Крупное Е.И. Указ.раб.; Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана; История и культура сарматов. //Сб. статей. Саратов, 1983.

⁴⁷ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI веках. Москва-Ленинград, 1964, с.4.

⁴⁸ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. // Труды ЧИНИИ, том VI. Грозный, 1963, с. 144, 151.

⁴⁴ Плиний, VI, 3.

⁵⁰ Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе с. Тарки. // МИА СССР, 1951; с.208-272.

⁵¹ Виноградов В.Б. Указ.раб., с. 153.

⁵² История народов Северного Кавказа, с.117; Гаджиев М.Г. и др. Указ.раб., с.155, 126-127.

⁵³ Смирнов К.Ф. Указ.раб., с.257-272; Крупное Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. // МИА СССР, 1951, № 23, с.222-225.

⁵⁴ Гаджиев М.С. Указ.раб., с.4-5.

⁵⁵ Пикуль М.И. Указ.раб., с.164.

⁵⁶ Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане. // КСИИМК- вып. 45, 1952, с.89-91; Он же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, с.259-263; Он же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. // КСИИМК, вып. XXXII, с.113-118.

⁵⁷Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане, с.91; Он же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкент. // МАД, том II. Махачкала, 1961.

⁵⁸Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане, с.91.

⁵⁹Пикуль М.И. Указ.раб., с. 167.

⁶⁰Страбон. XI, 3,4, 5,8.

⁶¹Тацит. Аналлы, VI, 33; Плиний, VI, 15.

⁶²Пикуль М.И. Указ.раб., с.165-167.

⁶³Пассек Т.С. Джафарханский могильник, рис.17.

⁶⁴Гаджиев М.С. Указ.раб., с.6-120.

Глава V. Связи Кавказской Албании с римским миром

5.1. Последствия активности Рима

Международное положение Римского государства в I веке до н.э., несмотря на ряд военных неудач его полководцев, было довольно устойчивым. В борьбе за мировое господство у Рима оставалось все меньше и меньше соперников. В многолетних войнах римлянам удалось сломить и победить сильного и опасного противника на Востоке - Понтийское царство, - присоединить большие территории на Западе: включением Египта в число римских провинций завершился процесс поглощения Римом эллинистического мира. С этого времени «римское правительство стало в сущности единственным распорядителем судеб государств и народов всего Средиземноморского мира». Только народности области Двуречья, вошедшие в состав Парфянской державы, сохранили свою независимость от Рима, хотя римляне приложили максимум усилий для ослабления и ликвидации этой восточной империи.

Рим в осуществлении своей внешней международной политики проявлял значительную гибкость, применяя разнообразные методы укрепления своих позиций. От торговых отношений осуществлялся переход к установлению сначала формальных, а затем официальных дипломатических связей. Провозглашение правителей «друзьями и союзниками римского народа», дарование различных привилегий, тактика непризнания, военное вмешательство - таковы были приемы Рима для установления и упрочения своего влияния на Востоке, то есть в реализации римской геополитики там, где имела такая возможность и целесо-

образность.

Поэтому, говоря о римской политике на Южном Кавказе, можно заметить, что ведущая роль в распространении и укреплении влияния Рима и осуществления его внешнеполитического курса на восточном направлении со времен Августа (27 год до н.э. - 14 год н.э.) принадлежало в основном дипломатии. Здесь хорошо видно умение римских дипломатов по возможности избегать конфликтов, могущих привести к ослаблению римских позиций в этом направлении. Изменения политики в отношении стран Южного Кавказа начались со времени установления Принципата, ибо Риму пришлось вести более гибкую и уступчивую политику вместо прежней наступательной тенденции. Ссылаясь на Анкирскую надпись, представляющую как бы итоговый отчет о времени Августа, К.В.Тревер отметила, что Южный Кавказ в последние годы его правления пользовался известной за независимостью.

Со времен принципата Августа в Римском государстве наблюдалось значительное оживление экономики. Города Италии переживали расцвет, который был связан с подъемом ремесла и сельского хозяйства. Поддержка городов, строительство дорог по всему государству, прекращение гражданских войн — все это способствовало дальнейшему экономическому росту, оживлению торговли как внутренней, так и внешней. Торговля принимает необычные до этого размеры. Впервые в истории человечества были установлены контакты между самыми различными странами от Британских островов до берегов Тихого океана. «Никогда после, вплоть до эпохи империализма, древнейшие культурные центры Старого Света, не были так тесно связаны друг с другом, как в «имперский период». Изделия римских ремесленных мастерских стали известны жителям Скандинавских стран и побережья Балтики." Новый расцвет торговой деятель-

ности переживали греческие города Северного Причерноморья⁶. В итоге, чем больше расширялись границы Римского государства, тем более безопасными становились торговые сношения, все больше новых стран втягивались в международную торговлю. Вместе с этим все большее значение приобретали торговые связи с Востоком. Вот почему/ это время стало наивысшей ступенью в развитии обмена на Красном море и в Индийском океане. Тогда римские восточные провинции поддерживали самые интенсивные торговые связи с центром государства, снабжая Рим всевозможными ремесленными изделиями, предметами роскоши, различными пряностями.'

Римская торговля по своим масштабам далеко превзошла греческую, о чем красноречиво свидетельствуют изделия римских мастерских и многочисленные находки кладов римской серебряной монеты в Центральной, Северной и Восточной Европе, Индии, Китае, на территории СССР, в том числе на Южном Кавказе - в Албании.

В итоге, растущие и расширяющиеся экономические связи и создали общую заинтересованность в существовании империи, как единого государственного целого среди только что создавшейся рабовладельческой знати западных провинций, эллинистических землевладельцев, восточных жрецов и купцов.'

Таким образом, характерной особенностью экономической роли Рима в конце I века до н.э. и в первые века нашей эры является то, что он становится центром крупнейших торговых операций всего эллинистического мира. Однако, в расширении сфер своего влияния на Востоке, в том числе и на Южном Кавказе, Рим всегда встречал противодействие со стороны Парфии.

На таком фоне происходило участие Кавказской Албании в международной торговле, охватившей всю Переднюю Азию, средиземноморские страны и многие другие народы и государ-

ства. Иными словами, эта страна не осталась в стороне от процесса и активно включилась в мировую торговлю эллинистического времени. Подтверждение этого дает изучение монетного обращения этого периода, ибо римско-парфянское соперничество на Востоке, в том числе на Южном Кавказе нашло особенно яркое отражение в нумизматическом материале.

5.2. Римская и парфянская монета в Кавказской Албании

Вовлечение Кавказской Албании в I-III века н.э. в мировую торговлю и постоянные связи с внешним рынком подтверждаются находками монет двух великих держав тогдашнего мира - Рима и Парфии.

Среди многочисленных находок парфянских драхм в этой стране чаще других представлен чекан Фраата IV (40-30 годы до н.э.). Они известны в Мингечауре, Барде, недалеко от села Кара-донлу, в составе клада, близ Билясувара. Этим парфянским монетам сопутствуют римские денарии, особенно Августа, причем определенного типа: с изображениями Гая и Луция Цезарей - на реверсе. Они известны в частности по находкам в Мингечауре, Барде, в селении Суарасы Нагорного Карабаха, Тазакенде, Карабагларе, Яджи.

Эти артефакты, несомненно, находятся в тесной связи с общей политической обстановкой на Востоке. Так, в царствование Августа на римско-парфянских границах было сравнительно спокойно.¹¹ Дружественные связи парфянского царя Фраата IV и римского императора Августа нашли выражение и в том факте, что четыре сына Фраата IV, их жены и дети были отправлены в Рим, а «соправителем отца и впоследствии царем Парфии стал его сын от итальянской рабыни Музы, посланной Августом в ка-

честве подарка парфянскому царю - Фраат V, более известный под именем Фраатак».¹²

Как известно, Август вскоре после установления собственного единовластия сосредоточил в своих руках выпуск золотой и серебряной монеты. За сенатом он сохранил право чеканки медной монеты для обращения в Италии и на Сицилии. Но для того, чтобы не было слишком подчеркнуто умаление прав сената, Август воздерживается от чеканки золотых и серебряных монет в самом Риме и осуществляет ее в провинциальных монетных дворах. В связи с этим Е.А.Пахомов допускал возможность, что «денарии Августа с Гаем и Луцием могли выпускаться римлянами для торговли в Закавказье, во время пребывания здесь их войск, причем выпуски их могли производиться на временных римских же монетных дворах, одном или даже нескольких».¹⁴ Однако, сейчас, когда стали известны многочисленные находки подобных монет как в самой римской имперской метрополии, так и на ее окраинах, например, в Испании и Германии, на Балканах и Ближнем Востоке, в Южной Индии, мнение Е.А.Пахомова не подтверждается. А.Н.Зограф же полагал, что денарии Августа чеканили специально для торговли с Востоком.¹ В связи с этим можно полагать, что их чеканка производилась на одном или двух восточных монетных дворах. Новые находки указанных монет как на Кавказе, так и за его пределами, в Центральной Азии и Индии, все больше подтверждают предположение А.Н.Зографа. Очевидно, в результате торговли с Востоком, которая в I—III веках н.э. приняла особенно широкие размах, большое количество этих монет осело на территории Южного Кавказа и они были излюбленными в регионе монетами.¹⁷ Вместе с тем, широкое и повсеместное распространение римских монет, особенно денариев Августа с Гаем и Луцием на реверсе, привело к появлению подражаний им не только

на Кавказе, но и за его пределами. Не исключено, что подражания появились из-за прекращения притока полноценного римского серебра. Такие ситуации неоднократно возникали и впоследствии там, где ощущался недостаток монет в сфере денежного обращения.

Следует обратить внимание и на то, что римские монеты, в особенности денарии Августа, очень часто встречаются на Южном Кавказе в комплексных находках вместе с драхмами парфянского царя Готарза II (43-50) или с артефактами, которые датируются II-III веками н.э. Это обстоятельство указывает на длительность обращения денариев Августа и на то, что римские республиканские денарии одновременно с парфянскими драхмами находились в обращении вплоть до III века н.э.

Относительно медных монет, как общеимперских римских, так и провинциальных, в связи с Азербайджаном можно согласиться с мнением А.Н.Зографа, который полагает, что сама их малочисленность и разнообразие, а также отсутствие кладов говорят скорее за «случайный занос на память возвращающимся из путешествий местными жителями или приезжими иностранцами». Это мнение подтверждает и то обстоятельство, что медные монеты, обнаруженные в Азербайджане, чаще встречены в погребениях и притом пробитыми. Так, в Мингечауре, в катакомбном погребении обнаружены две пробитые медные римские монеты; близ Мингечаура найдена медная римская монета с отверстием для подвешивания; в селе Хыныслы, в погребении, также была монета с отверстием для подвешивания. Очевидно, что их использовали не как монеты, а как украшения. Более поздние римские монеты также встречаются в Азербайджане, но Рачительно реже. Их находки известны в Мингечауре, в погребении с деревянной обкладкой, в Харабагиляне (НАР), Нахчева-не, Кабале, в кладе III века н.э. вместе с парфянскими и Саса-

нидскими драхмами.²⁰

В конце I века до н.э. и в первые века н.э. продолжался приток в Кавказскую Албанию парфянских монет. В I веке н.э. особенно широкое распространение в различных районах Азербайджана получил чекан Готарза II. В северных районах его монеты найдены в Чухур-Юрде (II, 335), в селе Хыныслы (IX, 2084), близ села Кюдри (II, 336), в селе Астраханка (III, 765), в Кабале (V, 1381). В большом кладе около Кабалы, датируемом III веком н.э., вместе с римскими и сасанидскими монетами были парфянские драхмы Готарза II и Вологеза III (111-146) и в селе Калагя, Исмаиллинского района, - драхма Готарза II.²¹ В Прикуринской зоне монеты Готарза II известны по находкам в Мингечауре, в различных погребениях, в Гяндже, Казахском районе, в урочище Топрах-Кала, и в Джалилабаде, в кувшинном погребении.²²

Относительно продолжительности периода распространения парфянских монет Е.А.Пахомов предполагал, что они находились в обращении до начала IV века н.э., когда династию Ар-шакидов сменили Сасаниды. Однако, А.Н.Зограф высказал другое мнение: он считал, что после Готарза II приток парфянских монет на Кавказ, резко обрывается.²⁴ Между тем, находки монет преемника Готарза II - Вологеза I (50-76), а также Вологеза III, Артабана IV (213-227)²⁵, кроме того, обнаружения их в кладе вместе с сасанидскими драхмами должны рассматриваться, как подтверждение мнения Е.А.Пахомова. Что касается медных парфянских монет, то отмеченное Е.А.Пахомовым их полное отсутствие остается в силе.

Греческий обряд класть монеты в могилу продолжается и в первые века нашей эры, вплоть до III века. Причем особенно широко этот обряд был распространен в Прикуринской зоне в районах Мингечаура, Гянджи. Так, в кувшинном погребении-

обнаруженном Г.И.Ионе на территории Мингечаургэсстрой, внутри погребального кувшина, под черепом погребенного, несколько смещенном, найден серебряный республиканский денарий Августа. Обнаруженная Г.О.Розендорфом в одной из сырцовых гробниц, на территории Ханларского района, медная римская монета находилась под челюстью костяка.²⁷ Драхма Готар-за II вместе с четырьмя греко-римскими медными монетами обнаружена С.М.Казиевым на городище Калах (к северу от Мин-гечаура). На том же городище, в погребении в деревянном срубе, датируемом III веком н.э. оказались два римских серебряных денария, один из которых принадлежал Антонину Пию (138-161), второй - императрице Плаутилле, жене Каракаллы (198-217).²⁹

Такое относительно большое количество монет «великих держав» эллинистического периода, найденных в Кавказской Албании, служит подтверждением широкого денежного обращения. Монеты, как свидетельствуют их находки, обращались в этот период уже среди всех слоев местного населения. Это убедительно подтверждают кувшинные погребения, принадлежащие свободным общинникам, ибо наличие монет в их захоронениях говорит не только о распространении греческого обряда, но и о том, что они получили широкое распространение в Албании в их среде.

5.3. Кавказская Албания в литературе римского времени

Взаимоотношения Кавказской Албании с внешним миром в первые века н.э. нашли отражение в историко-географической литературе римского времени. Сведения о событиях исследуемого периода содержатся в трудах Тацита, Иосифа Флавия, Све-

тония, Феста, Евтропия. О роли Кавказской Албании в международных событиях свидетельствует подготавливавшийся императором Нероном поход против албан. Например, Тацит пишет, что «множество воинских подразделений, которые Нерон набирал в Германии, Британии и Иллирии, готовясь к войне с албанами, отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги». Светоний пишет: «Готовил он (Нерон. - М.Р.) и поход к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его «фалангой Александра Великого». ° В этих сообщениях упоминаются Каспийские ворота, то есть Дербендский проход, как основной объект римской экспансии при Нероне. Однако, Т.Моммзен полагал, что речь шла о походе римлян против алан и об Аланском (Дарьяльском) перевале. Е.А.Пахомов считал, что этим походом римляне преследовали цель закрепить за собою Кавказские проходы для предотвращения вторжения кочевников на Южный Кавказ. Вместе с тем, как полагал он, не дать возможность «Закавказским царствам допускать набеги этих кочевников то на римские владения, то на своих соседей, что ими практиковалось». По мнению В.Шура, в основе планомерной восточной политики Нерона лежали прежде всего торговые интересы: «стремление захватить бактрийский шелковый путь с целью овладения еще одной дорогой в Индию, не зависимой от парфян».³³ Мы считали, что главная цель кавказского похода Нерона, была тесно связана с Черноморской политикой Рима, то есть со стремлением обезвредить и преградить путь сарматским аланам, постоянно угрожавшим римским областям на Кавказском побережье Черного моря. Вместе с тем имелось ввиду установить контроль над транзитным путем мировой торговли, идущим из Танаиса через Южный Кавказ и Мидию в Центральную Азию и Индию. Прав

да, этот путь вряд ли мог всерьез интересовать римлян, ибо он проходил через территорию враждебной Риму Парфии. По этой важной причине римляне старались найти также другой путь в Индию, в обход парфянских владений. Вот почему, как считает А.И.Болтунова, целью экспедиции Нерона являлась как война с Кавказской Албанией, так и установление контроля над Дарьяльским проходом. К.В.Тревер же полагала, что «Нерон имел ввиду Дербендский проход, и поход его должен был приостановить рост могущества Албанского царства и взять под наблюдение Каспийские ворота, через которые албаны могли пропускать северные племена, совершавшие набеги на культурные земледельческие районы Атропатены, а также Малой Азии».³⁵ Подобной же точки зрения придерживается А.Г.Бокщанин.³⁶ Вместе с тем, учитывая торговую политику Рима на Востоке, можно полагать, что в намечавшемся Нероном походе, преследовалась цель установить контроль над транскаспийским торговым путем, ведущим в Индию.

С усилением Кавказской Албании, можно связать и появление в 1 веке н.э. на ее территории римского отряда, оставившего на берегу Каспия надпись о своем пребывании.³⁷ Поэтому впоследствии, особенно в первой половине II века н.э., при императоре Адриане (117-138), Рим усиленно стремился наладить Дружественные отношения и союз с Албанским государством. Так, Элий Спартиан, биограф этого императора, сообщает, что Адриан «с албанами и иберами жил в величайшей дружбе, так как ублажил щедротами их царей, когда они презрительно отказались явиться к нему».

Больше всего сведений о Кавказской Албании первых веков нашей эры содержит географическая литература римского времени. Особенно ценны сведения о городах этой страны, торговых путях, Каспийском море и его побережьях, содержащиеся

в трудах Помпония Мелы, Плиния Старшего, Дионисия и Клавдия Птолемея. Помпоний Мела в своем труде «Хорография» дает описание Каспийского моря, его побережий, а также рек Араз, Кура, Камбис. Так, он пишет: «Остров Талга в Каспийском море плодороден без обработки и изобилует всякими земными и древесными плодами; но соседние народы считают непозволительным и святотатственным трогать то, что на нем родиться». По этому поводу Л.А.Ельницкий отмечает, что «подчеркнуто культовый характер сведений Мелы об острове Талга заставляет связывать эту традицию с рассказами Страбона об анариаках и с его же, основанными на сообщениях Феофана Митиленского, рассказами об албанских божествах и их культах».⁴⁰

Разнообразные сведения о Кавказской Албании сообщает Плиний Старший. Так, в его «Естественной истории» читаем: «От Кира море получает название Каспийского, а по берегу живут каспии». Ссылаясь на императора Клавдия (41-54) указывавшего расстояние от Киммерийского Боспора до Каспийского моря, Плиний отмечает: «Селевк Никатор думал было прорыть здесь канал, но в это время был убит Птолемеем Керавном». Называя главный город Албании-Кабалаку, Плиний сообщает и о подарке албанского царя Александру Великому; он же пишет, что по всему Каспийскому морю рассеяно много островов, из коих наиболее известен один - Зазата.

Необычные сведения о Каспийском море содержатся в труде Дионисия Перизгета «Описание населенной земли». Так, он сообщает: «это море доставляет много замечательных вещей, в особенности хрусталь и темную яшму, которая прогоняет привидения и другие злые наваждения»; перечисляя народы, живущие на побережьях Каспия, автор называет скифов, уннов, кас-пиев, воинственных албан и кадусиев.⁴⁴

Клавдий Птолемей в своей «Географии» даст градусную шкалу местоположения и названия ряда населенных пунктов, городов Албании: Телайба, Албана, Гетара, Хабала. Он также отмечает реки этой страны - Герра, Кесия, Албана, Соана, Кир.⁴⁵

Характер материалов цитированных авторов о Кавказской Албании свидетельствует, что подобная полнота сведений об этой стране Южного Кавказа связана с ее оживленными транзитно-торговыми отношениями с римским миром на рубеже I-II столетий нашей эры.

Поэтому, возможно, не случайно, что и римские поэты в своих стихах также нередко обращались к далеким от них странам Южного Кавказа. Так, Квинт Гораций Флакк пишет:

«Не вечно дожди каплют из туч на грязные поля,
Не беспрерывно злобные бури мучат Каспийское море». У него же читаем: «Уже мидиец боится могущественных на суше и на море войск и албанских секир». ⁴⁶ Поэт Секст Проперций, упрекая в корыстолюбии солдата, отправлявшегося на войну с парфянами, советует ему: «в случае усталости будешь пить шлемом воду Аракса». ⁴⁷

Отдельные сведения об Албании имеются также у авторов II века н.э. - Тацита, Аппиана, Юстина. Так, Тацит, как уже указывалось, сообщает о предполагавшейся войне Нерона с алба-нами. Аппиан и Юстин в своих трудах, заимствуя сведения у предшествующих авторов, повествуют о военных действиях Помпея на Южном Кавказе. Причем, по мнению Юстина, алба-ны братски приветствовали Помпея, помня свое, якобы, «италийское происхождение».

Некоторые сведения, о Кавказской Албании содержатся в РУДах авторов III-IV веков н.э. - Юлия Солина, Аммиана Марцеллина, Элия Спартиана, Евтропия, Аврелия Виктора. Они приводят сведения о борьбе албан с римлянами, взаимоотноше-

ниях с ними в мирное время.

Все вышеизложенные сведения следует рассматривать как результат экономических, политических и культурных связей Кавказской Албании с эллинистическим и римским миром.

Так, о степени оживленности транзитно-торговых и культурных связей свидетельствуют составленные в римское время географические карты, например Випсания Агриппы, которая как уже указывалось, послужила оригиналом для более поздних карт Анонима Равеннского и *Tabula Peutingeriana*, а также карт, составленных на Кавказе спутниками Корбулона, о чем сообщает Плиний Старший, карта Марина Тирского, на данных которого основывался Птолемей.⁴⁸

Таким образом, вышеприведенные сведения, как и ранее изложенная история активизации Рима на «албанском направлении», а также нумизматические и другие артефакты, подтверждают не только оживленность торговых, политических и культурных связей Кавказской Албании с окружающим миром в I веке до н.э. - в первые века н.э., но и их векторы, в том числе римский. Так, среди импортных товаров видное место занимали изделия из металла (канделябры, блюдо, чаши, светильники) глиптика, бусы из египетской пасты, скарабеи, каменные, стеклянные бусы восточных мастерских, стеклянные изделия (бальзамарии, колбообразные, вазообразные и другие сосуды). Изделия римской торевтики, памятники глиптики и другие находки являются отражением существенных изменений вкусов местного населения.

В I веке до н.э. - II веке н.э. в Кавказской Албании получили определенное распространение античные мифологические представления. Вместе с тем, местная культура, испытав на себе внешнее влияние, в своей основе оставалась самобытной.

В исследуемый период торговля приняла настолько широ

кий размах, что в нее включилось и сельское население Албании. Не случайно, что монеты и импортные предметы обнаружены и в погребениях людей, связанных с сельским хозяйством. С другой стороны, в городах Кавказской Албании, наряду с ремесленниками и торговым людом проживало и население связанное с сельским хозяйством. Это свидетельствует о том, что как в древности, так и в средние века город с прилегающей к нему сельскохозяйственной округой воспринимался как единый организм.

Точно так же следует отметить, что Кавказская Албания не только получала импортные изделия, но и сама экспортировала собственную продукцию. Не случайно, что античные авторы знают о рыбных богатствах этой страны. Так, Клавдий Элиан, живший в конце II - начале III вв. н.э. в XVII книге своего труда «О природе животных» писал об огромном озере в земле каспиев, где водились «остроносые рыбы, достигавшие до восьми локтей в длину». Он сообщает, что каспии ловят этих рыб, сушат, солят и на верблюдах везут для продажи в Экбатаны (ныне Хамадан в Южном Азербайджане). Особым свойством обладал жир, вытапливаемый из этих рыб. Им обтирали тела. Был также рыбий клей, который использовали ремесленники: «Он склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет и очень прозрачен на вид, - пишет Элиан. Он так скрепляет все, что им ни склеят, что, если даже мочить его десять дней, он не распустится и даже не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи».⁴⁹

Из этого сообщения следует, что албанское племя каспии торговали не только сырьем (имеется ввиду рыба), но и готовым товаром (рыбий клей). Рыбий клей вывозили в разные страны, в том числе, в Индию и Египет.⁵⁰

Из Кавказской Албании также вывозили соль. О существовании соляных промыслов на Каспийском побережье, в том числе в зоне Абшерона, известно издавна. Так, добычу соли в районе реки Кура отметил местный летописец Моисей Каланкатуйский.⁵¹ Элиан сообщает, что в стране каспиев много белых безрогих коз, и добавляет: «верблюдов здесь очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и покрыты прекрасной шерстью; их шерсть очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Сделанные из нее платья носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев».⁵² Местную верблюжью шерсть и изготовленные из нее ткани вывозили в соседние страны.

По свидетельству Геродота, жители Кавказа из корней и листьев деревьев, растущих в лесу, вырабатывали краски, идущие на окрашивание тканей; при этом «отец истории» отмечает большую стойкость этих красок.⁵³ Различные естественные красители, в том числе марена, еще до нашей эры были известны албанам; ими пользовались для окрашивания тканей носители местной культуры кувшишых погребений.⁵⁴ Культура марены была широко распространена в Азербайджане. Об этом свидетельствуют сообщения о широком использовании этого природного красителя в I-III века н.э. для окраски шелка, шерстяной и хлопчатобумажной пряжи." Местные красители вывозили далеко за пределы Азербайджана - в Индию и в страны Ближнего Востока.

Из Кавказской Албании вывозили различного рода дичь. У Элиана есть сообщение о птицах, которые водятся в стране каспиев. По его свидетельству, местная птица «величиною с самого большого петуха, пестрая ... Летает не высоко в воздухе, а около земли." Возможно, имеется ввиду фазан, изображение которого встречается на тканях и на серебре народов Южног

Кавказа и Передней Азии." Эта птица весьма ценилась древними. Так, Птолемей II Эвергет, царь Египта (147-117), говорит о мидийских фазанах, как об очень драгоценном кушанье ястве⁵⁸ В последний век Римской республики роскошь ее знати не знала предела. Особенное внимание уделялось изысканной кухне. Увеличился набор всевозможных съестных припасов, в основном за счет восточных пряностей, экзотических птиц и животных. Часто они завозились из весьма отдаленных стран и стоили больших денег.⁵⁹ Знакомая Риму Кавказская Албания, вероятно, была в числе тех стран, которая поставляла фазанов и другого рода дичь. Это тем более вероятно, если принять во внимание сообщение Страбона о том, что «охоту чрезвычайно (любят) и сами албаны и их собаки, не столько по сноровке, сколько по влечению к этому».⁶⁰

Изучение видов ремесла позволяет судить не только о высоком уровне мастерства албанских ремесленников в античной Кавказской Албании, но и работе их на рынок, то есть о товарном производстве.⁶¹

Продукция албанских гончаров попадала и на внешний рынок. Сосуды, обнаруженные в Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, по форме имеют большое сходство с ялойлутепинскими образцами.⁶³ Керамика из грунтовых и катакомбных погребений в Южном Азербайджане, в горной долине Дайламан, у юго-западного побережья Каспийского моря, однотипна с керамикой из Мингечаура, Ялойлу-тепе.

Товары, привозимые в Кавказскую Албанию, обменивались на местную сельскохозяйственную продукцию и изделия ремесленников, которые приезжие купцы вывозили в другие страны. Интенсивность товарообмена и торгово-экономических отношений с внешним миром способствовала дальнейшему росту местного товарного производства. В целом, Азербайджан ис-

следуемого периода находился на международных торгово-транзитных путях, был активным участником экономических и культурных взаимоотношений.

Вместе с тем, сведения античных авторов, анализ археологических и нумизматических артефактов свидетельствуют, что с конца III века н.э. торговые, политические и культурные связи Кавказской Албании с Римской империей слабеют, а затем почти полностью прекращаются. Это, с одной стороны, объясняется глубоким упадком Рима, вызванным общим кризисом рабовладельческого строя. ' Характеризуя этот период, Ф.Энгельс писал: «Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню - таков был конечный результат римского мирового владычества».⁶⁶ С другой стороны, изменения, происшедшие на исходе эллинистического периода в международных отношениях в Передней и Центральной Азии, были вызваны появлением на мировой арене сильного и обширного Сасанидского государства (224-651), с историей которого оказалась связана судьба многих стран, в том числе Азербайджана и его составной части - Кавказской Албании.

¹ Бокищанин А.Г. *Социальный кризис Римской империи в I веке н.э.* Москва, 1954, с.22-23. ² Бокищанин А.Г. *Парфия и Рим.* Москва, 1960. Ч. I, с.169-180.

³ Тревер К.В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании.* Москва-Ленинград, 1959, с. 114-119.

⁴ Ставиский Б.Я *Средняя Азия, Индия, Рим.* // Сб. «Индия в древности». Москва, 1964, с 166.

⁵ Rostovtzeff M.I. *The Social and Economic History of the Roman Empire.* Oxford, 1926, p. 146.

⁶ Голубцова М.С. *Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры.* Москва, 1951, с.10.

⁷ Бокищанин А.Г. *Социальный кризис,* с.57.

- ⁸ Крopotкин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Москва, 1967: Он же. Клады римских монет на территории СССР. /У САИ, вып. Г4-4. Москва, 1966; Он же. Новые находки римских монет на территории СССР. // НЭ, том VI. Москва, 1966; Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа, вып. I-IX, Баку, 1926-1966; Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997, с.27-28; Блаватский В.Д. Античный город. // Сб. «Античный город», Москва, 1963, с.23.
- Бокианин А.Г. Указ.раб., с.58.
- ¹⁰ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. I-IX; Раджабли А.М. Указ.раб., с.21-29.
- ¹¹ Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. Москва, 1961, с.220.
- ¹² Там же, с.221.
- ¹³ Зограф А.М. Античные монеты. // МИА СССР, № 16, 1951, с.36; Н.А.Машкин. Принципат Августа. Москва-Ленинград., 1949, с.505.
- ¹⁴ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VII, с. 12.
- ¹⁵ Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Ленинград, 1964, с.42.
- ¹⁶ Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. // ТОНГЭ, том I, Ленинград, 1945, е.44.
- ¹⁷ Там же, с.44.
- ¹⁵ Там же, е.50.
- ¹⁹ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VI, № 1558; вып. VII, № 1741; Крopotкин В.В. Новые находки римских монет на территории СССР. // НЭ, том VI, 1966.
- ²⁰ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. III, № 772; Крopotкин В.В. Указ.раб.; Раджабли А.М, Указ.раб., с.21-27, 30-32.
- ²¹ Раджабли А.М. Указ.раб., с.21-27; 30-32; Пахомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. // Известия Аз ФАН СССР, 1939. №3, с.71.
- ²² Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. II, № 333; вып. VI, № 1547; вып. VII, № 1747; вып. IX, № 1083; вып. X, № 2177.
- ²³ Пахомов Е.А. Указ.раб., вып. I, с. 18.
- ²⁴ Зограф А.Н. Указ.раб., с.42.
- ²⁵ Раджабли А.М. Указ.раб., с.21-27, 30-32; Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VII, №. 1748. ²⁶ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VII, №. 1549.
- ²⁷ Гуммель ЯМ. Археологические очерки. //Сб. статей. Баку, 1940, с. 158.
- ²⁸ Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. VI, # 1547. ²⁹ Там же.

³⁰ Тацит, I, 6; Светоний. Нерон, 19.

³¹ Моммзен Т. История Рима, том V, с.356.

³² Пахомов Е.А. Римская надпись I века н.э. и легион XII Фульмината, с.84.

³³ Цит. по: Кудрявцев И.В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. // ВДИ, 1948, № 2, с.83-96.

³⁴ Болтунова А.И. Иберия и римская экспансия в Азии. // ВДИ, 1938, №4 с. 170. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 125. ³⁰ Бокианин А.Г. Парфия и Рим, -треть II, с.209.

³⁷ Джафарзаде И.М. Древнелатинская надпись у подошвы горы Беюк-Даш.; Пахомов Е.А. Римская надпись I в. н.э. и легион XII Фульмината; Ямпольский З.И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш. с. 89.

³⁸ Элий Спартиан. Адриан. // В.В.Латышев, том II, вып. II, с.293. Помпоний Мела. Землеописание, книга I (52). // В.В.Латышев, с.126.

⁴⁰ Ельницкий Л.А. Знания древних с северных странах. Москва, 1961, с.174.

⁴¹ Плиний, VI, § 36. // В.В.Латышев, том II, с. 184.

⁴² Там же, VI, §30, с. 115, 182.

⁴³ Там же, VI, § 26 и 50; VIII, §149.

⁴⁴ Дионисий Перизет, 719. // К.Пан, с. 133.

⁴⁵ Птолемей, XI, 1-7.

⁴⁶ Квинт Гораций Флакк. Оды, II, 9; Юбилейная песнь (В.В.Латышева, том II, с.29,31).

⁴⁷ Секст Прокерций Элегиц, IV, 11.

⁴⁸ Плиний., VI, § 36; Томсон Дж.О. История древней географии, с.327.

⁴⁹ Элиан, XVII, гл. 32. // ВДИ, 1948, № 2, с.226.

⁵⁰ Голубкина Т.И., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев, с.72.

⁵¹ Моисей Каланкатуйский. «История Албании». Перевод К.Патканова. С.Петербург, 1861, кн. 1, гл. 5. ⁵² Элиан, XVII, 33.

⁵³ Геродот, кн. I, 201.

⁵⁴ Петров В.А. О растительных остатках Мингечаура. // Стенограмма доклада в отделении общественных наук АН Азерб. ССР 4 мая 1949 года; Голубкина Т.И. О растительных остатках из кувшинных погребений Азербайджана. " Некоторые вопросы исследования истории естествознания и техники в Азербайджане. Тезисы доклада. Баку, 197; с.53-54.

⁵⁵ Бунятов Т.А. К истории крашения пряжи в древнем Азербайджане. // Труды МИА, том VI, Баку, 1963.

⁵⁶ Элиан, кн. XVII, гл. 33.

⁵⁷ Тревер К.В. Очерки, с.76.

⁵⁸ Сергеев М.Г. *Жизнь древнего Рима*. Москва-Ленинград, 1964, с. 128-132.

⁵⁹ Там же, с. 128-132. ⁶⁰ Страбон, XI, 4, 5.

⁶¹ Голубкина Т.И. *Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана*. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962, с.11; Халилов Дж.А. *Указ.раб.*, с.173, 183; Бабаев И.А. *Указ.раб.*, с.130.

⁶² Ионе Г.И. *О гончарных обжигательных печах из Мингечаура*. // МКА, вып. II. Баку, 1951; Он же. *Обжигательные печи Мингечаура*. // ВДИ, 1948, № 3, с.170-171.

⁶³ Виноградов В.Б. *Сарматы Северо-Востокугс Кавказа*, с.91.

⁶⁴ Заднепровский Ю.А. *Рецензия на работу японских археологов в Дайламане*. // СА, 1969, № 1, с.305-306.

⁶⁵ Машкин Н.А. *История древнего Рима*, с.51.3, 566, 584-588; Сергеев В.С. *Очерки истории древнего Рима*, ч. II, с.518-523, 507-605; Ранович А.Б. *Восточные провинции Римской империи в I-III веках н.э.*, с.30 и ел.

⁶⁶ Энгельс Ф. *Происхождение семьи частной собственности и государства*, с.166.

Глава VI. Привозные изделия в Кавказской Албании и их влияние на ремесло

6.1. Глиптика. Геммы

Судя по находкам, в Азербайджане в большом количестве найдена римская глиптика, которая стала известна в этой стране, начиная с середины I века до н.э. Вместе с тем, исследователи не исключают и местного производства подобных изделий. И.А.Бабаев специально обратил внимание на то, что подавляющее большинство образцов глиптики из античных городищ Кавказской Албании - это инталии, «которые, выполняя функции печатей, имели утилитарное назначение».

По мнению М.И.Максимовой, распространение римских образцов глиптики на Южном Кавказе связано как с походом римлян на Кавказ под предводительством Лукулла (69 г. до н.э.) и Помпея (66-65 годы до н.э.), так и с широким развитием в римскую эпоху международной торговли. В связи с этим «античные изделия, в частности геммы и другие поделки, проникали в страны весьма отдаленные от центров античной культуры, например, в Среднюю Азию и Китай, куда товары доставлялись и по торговому пути от Фазиса к Каспийскому морю по Куре». Этот путь проходил в непосредственной близости от Гянджи и Мингечаура, в связи с чем возможно, что часть транзитных товаров оседала в Кавказской Албании. В подтверждение сказанного сошлемся на мнение И.А.Бабаева, которой пишет, что древнейшие памятники глиптики, найденные в Азербайджане -

«привозные из стран Ближнего Востока цилиндрические печати».³

Прежде чем дать характеристику этим изделиям глиптики.

обнаруженным в Кавказской Албании, необходимо отметить, что они не выделяются среди таких же изделий своего времени. Они вырезаны на простых, недорогих породах и по своему художественному уровню не поднимаются выше обычных для данного периода массовых изделий художественного ремесла; изображения, вырезанные на этих геммах, также не дают отклонений от обычной тематики римской глиптики. Во II-III веках н.э. увеличивается производство дешевых гемм, рассчитанных на широкого потребителя. В связи с этим обстоятельством И.А.Бабаев отметил, что «производство и употребление печатей в Албании приобрело более широкий масштаб, что было обусловлено общим социально-экономическим развитием страны и расширением международных связей».⁴

Приток римских резных камней в Кавказскую Албанию продолжался до IV века н.э. При этом, как отмечает И.А.Бабаев, во второй половине I века до н.э. и в первые века н.э. античные произведения глиптики вытеснили другие аналогичные изделия и играли доминирующую роль в Албании. На римских геммах, обнаруженных в Азербайджане, сюжеты различны: на одних - изображения, имеющие символическое значение, на других отражена реальная жизнь. Обнаружены и геммы с изображением божеств: античные резчики, как известно, отдавали предпочтение подобным сюжетам. В Албании наиболее распространенными были геммы с изображением Гелиоса - бога Солнца, богини доброй судьбы Тиха Фортуны, богини любви и красоты Афродиты-Венеры, бога войны - Ареса-Марса.³ Божества изображаются обычно в статике, в виде бюстов или фигур с соответствующими атрибутами. Такие геммы, по представлению древних, обладали, магической силой, способной охранять человека от негативного воздействия и, особенно, от дурного глаза. Поэтому их часто использовали как амулеты. Весьма воз-

можно поэтому, что некоторые резные камни и в Албании служили не только печатями, но и, одновременно, амулетами.⁶

Наряду с геммами, изображающими божества, имеются другие - с танцующими фигурами. На одном резном камне изображена коробочка мака с колоском как символ плодородия и материального благополучия. Встречаются в Албании и геммы с изображением женских голов, воина или героя, всадника.

К особой категории памятников глиптики И.А.Бабаев относит литик из погребения близ Гянджи, на котором изображено рукопожатие - символ любви, дружбы и согласия.⁷

Любопытны условия находки этой геммы: она обнаружена в погребении с двумя камерами. В одной из них погребена женщина, при которой найдена указанная гемма Другая камера - с захоронением мужчины; «не остается сомнения, отмечает И.А.Бабаев, что там были погребены супруги».

Перстни с подобными изображениями были широко распространены в римское время как брачные. Такие артефакты сохранились в большом количестве, и на них, помимо рукопожатия, часто имеются надписи и эмблемы. Подобные находки свидетельствуют как о торговых связях, так и о заимствовании населением Южного Кавказа, в том числе Кавказской Албании, некоторых римских обычаев.

Большой интерес представляет сердоликовая гемма - печать в золотой оправе, обнаруженная в Уч-тепе (Биясуварский район) в погребении, датируемом VI-VII веками н.э.⁸ Этот резной камень с изображением Амура на колеснице относится к позднеантичным изделиям, скорее всего к III веку н.э., бытовавшим в течение долгого времени. Две геммы с изображением Ареса-Марса, обнаруженные в погребениях, принадлежащих, по-видимому, воинам, свидетельствуют о том, что их владельцы выбрали себе покровителем бога войны. Геммы, обнаруженные

в Мингечауре, Гяндже и других местах в Азербайджане, в большинстве своем однотипны с Самтаврскими, из соседней Грузии. В связи с этим М.И.Максимова отмечает, что многие античные геммы, найденные в некрополе Мцхета-Самтавро были, скорее всего, импортированы из греческих городов. Учитывая существование Кура-Рионской торговой магистрали и обнаружение в Мингечауре, Гяндже и других районах Азербайджана гемм, однотипных с аналогичными артефактами из Мцхета, можно полагать, что они в Албанию проникали из тех же центров, что и в Иберию.

Геммы римской эпохи в большом количестве обнаружены на всей территории Римской империи и за ее пределами. Причем, между изделиями, происходящими из областей, отстоящих друг от друга на огромном расстоянии, трудно заметить существенную разницу. Не подлежит сомнению, заключает по этому поводу М.И.Максимова, «что и на периферии античного мира существовали камнерезные мастерские. И хотя не все римские геммы экспортировались из Рима и Италии, однако центр Римской империи после подчинения античного мира Риму играл в развитии глиптики важную роль и являлся образцом для других центров античной глиптики. Видимо, продукция римских мастеров, распространившись в странах Востока, начала «входить в моду» и пользовалась большим спросом. Ввиду этого, по-видимому, местные мастерские часто просто копировали столичные изделия».¹⁰ В свою очередь, И.А.Бабаев замечает, что Мастера глиптики Кавказской Албании с этого времени, следуя за модой, начали копировать привозные римские изделия. Однако, допуская такую возможность, он вместе с тем отмечает, что

Для подтверждения этого нет бесспорных данных, ни сюжетного ни технического, ни стилистического порядка.¹¹ Как нам представляется, весьма возможно, что широкая потребность

мах (печатах) привлекла в Албанию греческих или же малоазийских мастеров, основавших на месте свои мастерские. В них впоследствии могли изготавливать изделия с изображениями сцен, отражающих местные реалии. В таких мастерских, наряду с иноземцами, трудились и местные мастера. Переняв опыт и традиции, они впоследствии изготавливали геммы используя местные сюжеты. В связи с этим И.А.Бабаев отмечает следующие характерные особенности.¹² Во-первых, производство и употребление печатей в Кавказской Албании: в раннеэллинистическую эпоху здесь имели хождение различные печати. Во-вторых, в эллинистический период в этой стране уже широко употреблялись печати местного изготовления. Об этом можно судить по многочисленным находкам глиняных комков с оттисками печатей (буллы), выявленных при раскопках в строительных горизонтах эллинистического времени городища Кабалы. Как отмечает И.А.Бабаев, «Судя по оттискам на этих буллах, в Кабале в эллинистическое время широко пользовались как привозными печатями (чаще резными камнями, изготовленными греческими резчиками с характерными сюжетами для греческой глиптики того времени), так и местными. В-третьих в Кабале найдены оттиски печати с изображением отдыхающего Геракла. Некоторые описки нанесены привозными резными камнями продукцией греческих мастеров эллинистической эпохи. Вместе с тем, как пишет И.А.Бабаев, «Ряд оттисков на кабелинских буллах принадлежит печатям восточного, скорее всего, местного происхождения. На них прослеживаются изображения животных, птиц, всадников, колеса». В-четвертых, буллы из раскопок Кабалы, добавляет И.А.Бабаев, «красноречиво свидетельствуют о том, что здесь (имеется в виду Кавказская Албания. - М.Р) в античную эпоху печатями пользовались очень широко». При этом он подчеркивают, что многие печати относятся к римскому

времени, причем «среди печатей этого времени, наряду с привозными, имелись и местные. Можно даже допустить, что в Албании, главным образом в ее городах, местные мастера, следуя за модой, готовили печати, напоминающие по форме, сюжетам и стилю привозные изделия этого рода».¹³

Геммы позволяют характеризовать и уровень развития общества в Албании. Так, по мнению И.А.Бабаева, широкое пользование в этой стране печатями «говорит о высоком уровне социально-экономического развития Албании и ее главного города Кабалы. Если удастся выявить погребения высших представителей знати в Кабале, в них, бесспорно, наряду со многими другими высокохудожественными изделиями, найдется немало произведений глиптики».¹⁴ Многочисленные же находки булл свидетельствуют вместе с тем, о торговых и культурных связях Кавказской Албании с римским миром.

6.2. Фибулы. Паста. Бусы

Обращает на себя внимание и ряд других находок, являющихся красноречивым подтверждением связей Кавказской Албании с римским миром. К ним относятся инкрустированные разноцветной эмалью (белая, красная, зеленая) бронзовые фибулы, известные из катакомбного и кувшинного погребений Мин-гечаура; они относятся к изделиям «римского типа»; найдены также фибулы из железа, серебра.¹⁵ Большинство их однотипно: одни - щитковые, другие - дуговидные. Г.М.Асланов разделил Их на три подгруппы: дисковидные, ромбовидные и с прямо-Угольным щитком. Фибулы с эмалевой инкрустацией или инкрустацией «римского типа» имели широкое распространение, как в Римской империи, так и за ее пределами во второй половине II и III веков н.э. Они исполнены в технике выемчатой эма-

ли, сама же бронзовая основа - литая. Известно, что центром их производства был Рейнский край.

Галло-римские эмали - свидетели регулярных связей Кавказской Албании в первые века нашей эры с Северным Кавказом и северочерноморскими античными центрами, в первую очередь, - с Боспором. Не исключены и более далекие связи Азербайджана с областями Среднего Дуная и другими торговыми центрами Европы. Об этом свидетельствуют находки аналогичных артефактов на обширных пространствах Центральной Евразии.

Фибулы и золотая брошка в виде орла, вероятно, римского происхождения, были найдены при археологических раскопках в Хыныслы, в грунтовом погребении I-II веков н.э.¹⁷

Выше отмечено, что в эллинистическо-римское время во многих странах широкое распространение получили различные поделки из египетской пасты. В Азербайджане обнаружены разных форм и размеров зеленоватые и белые бусы, подвески, часто с фасетированной поверхностью, и бисер, обычно белый и голубой, цилиндрической и круглой формы. На основании известных находок можно заключить, что привоз египетских вещей усилился на рубеже и в первые века нашей эры. В кувшинном погребении найдены миниатюрная голубая пуговка и фигурка птицы в виде голубя, исполненные из египетской пасты. Из этого же материала изготовлены различные амулеты в виде сжатой руки, человеческой ноги, фалла, виноградной грозди, амфориска, торса, «уджа». В 1946 году на правобережном могильнике Мингечаура, в кувшинном погребении № 109, выявлен амулет в виде глаза «уджа», из египетской серой пасты на белой основе. Он имеет бровь, зрачок, три нижних ресницы. Эти египетские амулеты имели большое распространение в древневосточных странах. Их широкое употребление выделяет названные

артефакты из ряда других, употреблявшихся в магии, как обладающих особой защитительной силой. Б.Б.Пиотровский полагал, что в амулете «удж» мы имеем изображение глаз, приносящих здоровье и благополучие.¹¹⁸ Этим амулетам, найденным в погребении на территории Азербайджана, также придавали особую защитительную функцию.

Поделки из египетской пасты обнаружены также в Дагестане. Так, привеска в виде сжатой человеческой руки найдена в Таркинском могильнике.¹⁹ Египетские амулеты известны и из Карабудахкентского могильника начала нашей эры.

Амулеты египетского происхождения в погребениях, как отметил Б.Б.Пиотровский, «несомненно, имеют апотропаический характер».²⁰

Среди амулетов из кувшинного погребения Мингечаура имеются также две пронизки в виде скарабеев из бледно-зеленой египетской пасты. На плоских основаниях скарабеев есть изображения, возможно, символического значения. На одном из них изображен «гусь» перед прямоугольным предметом, на другом - сидящая фигура с длинными, как у зайца, ушами. Скарабеи в древнем Египте считались священными и служили амулетами, с именами же частных лиц, они большей частью использовались как печати. Однако, едва ли они имели такое значение для устроителей кувшинных погребений: сюда, видимо, они попадали в числе других привозных бус, пронизок и служили амулетами. В этом качестве скарабеи считались средством Достижения бессмертия.²² Египетские жрецы клялись жизнью фараона, что эти фигурки принесут счастье и избавят от опасности того, кто спрячет их на груди. Изображениям скарабеев поклонялись, перед ними совершали богослужения, они должны были приносить счастье и изобилие человеческому роду точно так же, как солнце дает свет, тепло и обильные урожаи в долине

Нила. Но скарабеи были в употреблении не только в Египте, известно, что финикияне подделывали их и вели ими торг. Скарабеи из Мингечаура не являются древними. Они относятся ко времени кувшинных погребений, но установить место их происхождения затруднительно. Известно, например, что мастерская, где изготавливалась глазурованная посуда, скарабеи и различные мелкие поделки, обнаружена в Навкратисе. По этому поводу М.А.Коростовцев отмечает: «неегипетский тип многих предметов очевиден и, видимо, были делом рук мастеров, которым было ближе греческое искусство раскрашивания сосудов, чем изображение иероглифов». В этой же мастерской изготавливали и различные другие поделки: глаза «удж», бусы, фигурки Беса, Пта. Отсюда они попадали далеко за пределы Египта, ибо находки их известны даже на острове Родос.²⁴ Б.Б.Пиотровский полагал, что через Переднюю Азию навкратийские предметы, в частности скарабеи, попадали на Южный Кавказ, но вместе с тем некоторые египетские артефакты могли проникать сюда через Главный Кавказский хребет. " Так, находки египетских изделий в памятниках начала нашей эры в Чечено-Ингушетии, в окрестностях города Ерозный, в Осетии, в Баксанском, Чегемском, Черекском ущельях в Кабардино-Балкарии, в Дагестане, в могильниках Тарки, Карабудахкента, в Еапшине (Серго-калинский район) и Еоцатле (Хунзахский район) служат свидетельством того, что и в римское время не теряют своего значения древние торговые артерии, издревле связывавшие Кавказ, в том числе Южный Кавказ, с северной зоной.²⁶ Вместе с тем, такие находки свидетельствуют о том, что жители Кавказа, в том числе Кавказской Албании, имели торговые, культурные связи с одним из важнейших центров эллинистическо-римской культуры - с Египтом.

В Албании были известны и бусы в форме скарабеоида.

Два таких артефакта, обнаруженные в 1950 году в Мингечауре, в кувшинном погребении, - плоско-выпуклые, правильной окружности, желтоватого цвета из кальцита (природный углекислый кальций).²⁷ Форма печатей правильной окружности заимствована из Финикии. На плоской стороне бусин имеются стилизованные изображения грифона-птицы. В том же кувшинном погребении найдены еще две бусины аналогичной формы, темного цвета, из опализированного кремня (гидратная форма кремня). На их плоской стороне вырезаны изображения. На одной из бусин - птица, над ней - полумесяц в сильно стилизованной форме. На второй бусине изображен человек, повернутый вправо, что создает впечатление, будто он без головы.²⁸

Бусина из кремня, безусловно, являлась печатью. Пронизки же из кальцита были бусинками, но некоторые, ввиду своеобразных на них изображений, вероятно, служили амулетами. Форма указанных бус является подражанием скарабеоиду Древнего Египта, Финикии, Малой Азии.

Выше описанные печати из кувшинных погребений и их сравнение с находками из других мест, указывают как на влияние соседних культур, так и на самобытные черты местной албанской культуры.

Среди предметов из египетской пасты оригинальными амулетами являются миниатюрные бусины с изображениями лиц. Они обнаружены в одном из кувшинных погребений левобережного могильника (Судагылан) Мингечаура.²⁹ Отчетливо и тонко переданы черты лица, глаза и нос. Круглые, плоские ластовые бусы с изображением лиц, вероятно, Горгон, по-видимому, служили оберегами. Они - из желтоватой, черной и коричневой пасты, изготовлены в технике нитяной стеклянной мозаики, родиной которой является Египет. В связи с этим отметим, что большого искусства в технике стеклянной мозаики достигли

мастера саисского, птолемеевского, раннеримского периодов истории Египта. Эта сложная техника распространилась из Александрии Египетской в прилежащие страны; в раннеримское время такие изделия разошлись по Европе; а на рубеже и в начале нашей эры - в области Причерноморья. В.Б.Виноградов отмечает, что особенная мода на всевозможные амулеты существовала у египтян на рубеже нашей эры. В это время «священные» изделия из стекловидной пасты стали также важной статьей экспорта из Нильской долины.³²

Таким образом, вместе с римской торговлей, равно как и вообще с эллинистической, предметы египетского культа распространились далеко за пределы Средиземноморья. Причем центром их производства оставались Навкратис и Александрия, поставлявшие на международный рынок большое количество изделий из египетской пасты. Вероятно, эти египетские артефакты попадали в Албанию из Причерноморья, «куда поделки из египетской пасты могли попадать из Навкратиса, Александрии при посредстве милетской, родосской торговли, тесно связанной с городами Северного Причерноморья». Однако, различные египетские поделки, в том числе амулеты, прежде, чем попасть на Кавказ, проделывали далекий путь. Возможно, их перевозили корабли и караваны верблюдов, они могли быть добычей разбойников и военных дружин, их дарили дружественным вождям местных племен и продавали на торговых площадях античных городов Черноморского побережья. Амулеты египетского происхождения, находимые в погребениях, по мнению Б.Б.Пиотровского, «несомненно, имеют апотропаический характер, с одной стороны, а с другой - эти предметы интересны как свидетели сношений юга территории СССР с Египтом в эллинистическо-римское время, и как предметы, являющиеся также до некоторой степени, материалом для датировки местных культур».

К числу привозных изделий относятся, по-видимому, и золотые серьги со вставками из рубинов, найденные в селе Калагя Исмаиллинского района.³⁵

В Кавказскую Албанию, как и ранее, и в римское время в большом количестве попадали сердоликовые, хрустальные, стеклянные бусы и другие предметы украшения. Особенно обильно они представлены в погребениях Мингечаура, Хыныслы, Гянджи, Исмаиллинского района.³⁶ Привозные бусы известны также в памятниках албанского времени на территории Дагестана.

6.3. Посуда. Стекло

Во время археологических раскопок в Азербайджане, обнаружена глазурованная посуда, имеющая сходство с сосудами из Египта и Греции. В одном из кувшинных погребений села Хыныслы Шамахинского района найден асимметричный ала-бастр с двумя небольшими вертикальными ручками. Поверхность изделия покрыта прозрачной голубовато-зеленоватой глазурью. Алабастр, похожий на Хыныслинский найден в грунтовом погребении I века н.э., в селе Ново-Астрахановка Шамахинского района. Два алабастра, покрытые прозрачной свинцовой глазурью, с пятнами голубовато-зеленой краски непосредственно по черенку, оказались в одном катакомбном погребении в селе Карабулак Кахского района. В III поселении Мингечаура также найден фрагмент глазурованного сосуда в форме алабастр-ра.³⁹

На Востоке, в частности в Малой Азии, алабастры были из стекла, алебастра, оникса, камня и других материалов. Алабастры из кувшинных погребений, а также синхронных им грунтовых и катакомбных, из светлой глины, имели форму, подоб-

ную малоазийским. Оонаружение алабастров в синхронных погребениях разного типа в нескольких пунктах эллинистической Кавказской Албании, почти одинаковых по размерам, покрытых большей частью голубовато-зеленой глазурью, грубоватой гончарной выработки, свидетельствует о том, что это изделия местного производства, изготовленные в подражание сосудам Египта и Греции.

Выше было отмечено, что в эллинистическо-римский период в Кавказскую Албанию в большом количестве ввозили разнообразные стеклянные изделия, в том числе бокалы, чашки, флаконы. Особенно богато представлены такие изделия из стекла в Мингечаурских, Хыньслинских погребениях и в ряде других мест Азербайджана.

Известные образцы стекла периода до III века н.э. А.Б.Нуриев считает привозными и рассматривает их по нескольким группам: кувшины, вазоподобные сосуды, бальзамарии-флаконы, бокалы и украшения ⁴¹ Большим разнообразием отличаются флаконы. Они - разноцветные, разных форм и размеров.

1. Флаконы (бальзамарии) с грушевидным корпусом с высокой цилиндрической формы горловиной. ² Подобные им, но с низкой горловиной. Такие флаконы известны по находкам в Мингечауре (I-III века н.э.), Хыныслы, в погребении I века до н.э. Оригинальным артефактом этой группы является грушевидный сосуд I-III веков н.э., с широкой ручкой и полностью гравированной поверхностью, обнаруженный в 1959 году в Торпаг-кале Кахского района. Особым художественным убранством отличается флакон из Мингечаура, датируемый I веком. Вся поверхность сосуда покрыта черным слоем, и на этом фоне сделана орнаментация белой стеклянной нитью. Бальзамарии были широко известны в античном и эллинистическом мире. Первоначально в Кавказской Албании они появились из Малой Азии,

впоследствии было налажено их местное производство.

2. Флаконы с туловом округлой формы, с узкой низкой горловиной, венчик которой отогнут наружу. Некоторые из них имеют ручки, начинающиеся под венчиком и прикрепляющиеся к плечикам сосуда. Поверхность ряда из этих флаконов орнаментирована в виде сетки, иногда она рифленая. Все флаконы

происходят из Мингечаурских погребений.

Описанные флаконы-бальзамарии и флаконы имеют ближайшие аналоги среди стеклянных изделий, встречающихся в бассейне Восточного Средиземноморья. В значительном количестве подобные изделия фиксированы в Сирии, в особенности в ее восточных районах, в частности в крупном центре ремесла и мировой торговли Востока городе Дура-Европосе.

Подобные сосуды известны также по находкам в других местах Южного Кавказа.⁴⁵ Они датируются I-III веками н.э. и являются продукцией сирийских стеклянных мастерских. Поэтому описанные флаконы-бальзамарии и флаконы из Кавказской Албании, следует рассматривать как импортную продукцию из Сирии и соседних стран.

3. Из раскопок в Торпагкале и Мингечауре известны также стеклянные кувшины.⁴⁶ А.Б.Нуриев отмечает, что поверхность торпагкалинского кувшина, в отличие от мингечаурского, украшена сложным геометрическим орнаментом с изображением древа жизни. Подобный орнаментальный мотив очень характерен для стран Ближнего Востока. Сирийское происхождение этих кувшинов, по мнению А.Б.Нуриева, подтверждается искусствоведческим, типологическим и технологическим анализом.

4. К восточно-средиземноморской группе относятся и вазоподобные сосуды из стекла, выявленные в культурных слоях поселений и в могильниках Кавказской Албании.

5. Сравнительно большую группу стеклянных изделий со-

ставляют бокалы разных форм, размеров, цвета и качества. Отметим бокалы конусообразной формы, узкая часть которых заканчивается поддоном. Венчик горловины круглый, гладкий, края венчика расширяются кверху. Стекло тонкое, прозрачное с эрозивной поверхностью. Такой формы бокалы найдены в погребениях Мингечаура, где они прослеживаются также в памятниках культуры, следующей за культурой кувшинных погребений - в срубных погребениях, которые датируются I-IV веками н.э.

Известен также бокал цилиндрической формы, опирающийся на невысокую ножку с круглым поддоном. Его поверхность украшена при помощи шипков. Стекло - мутно-белое, почти непрозрачное. Бокал этого типа обнаружен в кувшинном погребении в селе Пираза, Агдашского района. По своей форме он приближается к античным изделиям.

Описанные бокалы встречаются не только в кувшинных погребениях, но и в грунтовых, в селе Калагя Исмаиллинского района, а также в селе Калагях, в Мингечауре, они датируются аршакидской монетой Готарза.

6. Стеклянная чаша цилиндрической формы, в нижней части имеющая небольшой поддон с каблучной ножкой, обнаружена в Мингечауре. Ее стекло зеленоватое, прозрачное. По форме она похожа на чаши из Сирии.⁴⁸

Сирия является родиной изобретения и изготовления в значительном количестве различных стеклянных изделий путем выдувания их в специальной форме. Массовое производство стекла здесь особенно возросло в античный период. Вот почему именно Сирия являлась основным поставщиком разнообразных стеклянных изделий в разные страны, в том числе в Кавказскую Албанию. Находки сирийских стеклянных сосудов в Азербайджане позволяют полагать, что они попадали сюда благодаря

широко развитой международной торговле. Вместе с тем, отметим, что, наряду с привозными изделиями из стекла, в Кавказской Албании была известна и местная продукция. Это подтверждается соответствующими археологическими артефактами из Мингечаура, Шамахинского и Кахского районов.⁴⁹ В связи с этим приведем мнение А.Б.Нуриева, который полагает, что почти все стеклянные сосуды до III века н.э. являлись привозными; местными были только украшения из стекла, которые начали производить уже с IV века до н.э.⁵ Дж.А.Халилов также считает, что стеклянные сосуды до III века н.э. были в Кавказской Албании только привозными. После этой даты, тем не менее, «наряду со стеклом местного производства, и в последующие времена встречаются в довольно большом количестве стеклянные сосуды, привезенные из эллинистических стран».⁵¹ Такого же мнения придерживается И.А.Бабаев, который пишет, что часть стеклянных изделий попадала в Кавказскую Албанию из Сирии, Египта и с Кипра.⁵²

6.4. Изделия из металлов

На территории исторической Албании выявлено немало металлических изделий. Особое внимание обращает на себя бронзовый перстень, обнаруженный археологом Г.М.Аслановым в одном из катакомбных погребений Мингечаура и впервые исследованный И.А.Бабаевым, который дает его описание: «фрагмент бронзового перстня с резьбой. Подпись греческими буквами в две строки; в каждой строке по три буквы: «-ΕΛΤΕΙΟ».

Надпись неясная, поверхность потерта, последние две буквы из нижней строки различаются с трудом.⁵⁴ Вместе с этим бронзовым перстнем обнаружен фрагмент железного перстня с овальным плоским камнем буровато-красного цвета. Среди погре-

бального инвентаря были также глиняный сосуд с лепным изображением оленя на поверхности, бронзовые колокольчики и другие изделия, характерные для погребений первых веков н.э. По поводу бронзового перстня с греческим текстом позволю себе сделать небольшие дополнения. Надпись плохо читается, и И.А.Бабаев пишет по этому поводу, что «надпись неясная». Следует, однако, отметить, что первая буква надписи видна четко и может быть прочитана. Это дает основание для понимания всего текста греческой надписи. В связи со сказанным отмечу, что в XX веке опубликован ряд работ, посвященных перстням античного времени. Среди них - труды Ф.Маршалла, Ф.Хенкеля, Р.Штайгера. Среди бронзовых перстней, описанных Ф.Маршаллом и Ф.Хенкелем, многие точно совпадают с мингечаурским по форме, типу и размеру. Следовательно, его аналоги были широко распространены. Как обычно, эти бронзовые перстни имели латинские надписи, содержащие стандартную формулу, выражающую пожелание счастья «Felix» (Счастья!), «Avevita» (Пусть здравствует жизнь!) и «Avedulcis» (Да будет жизнь тебе услудой!). Датировка археологических комплексов, в которых найдены бронзовые перстни, аналогичные, как мингечаурскому перстню, так и Мингечаурскому комплексу, тяготеет ко II веку. Учитывая изложенное, можно предположить, что надпись на мингечаурском перстне является переводом с латинского или аналогичным стандартным текстом. Выше отмечено, что в начале текста мингечаурского перстня ясно виден греческий «эпсилон». Поэтому в нем следует полагать начало греческого выражения - «Будь счастлив!», - «На счастье!». Подобный перстень, со вставкой из камня, обнаружен в Мцхета. На нем начертана греческая надпись в две строки «Будь счастлив!», или «Будь здоров!». М.И.Максимова относит его к катего-

рии дарственных перстней, «подносимых владельцам в знак любви и дружбы».⁵⁵

Среди предметов римского происхождения, найденных в Кавказской Албании, наиболее замечательным памятником является серебряное с позолотой блюдо, обнаруженное в 1893 году у селения Енгикенд (Исмаиллинский район). На нем изображена Нереида, сидящая на морском коне- гиппокампе и плывущая по морю в окружении тритонов, а также эротов и дельфинов. По мнению К.В.Тревер, это блюдо принадлежит к числу лучших образцов римской торевтики II-III веков н.э. и «представляет значительный интерес, прежде всего своей многофигурной композицией, очень умело вписанной в круг, а также изумительно тонкой и верной моделировкой фигур (без применения резных камней) и изяществом передачи деталей».⁵⁶ Это уникальное произведение искусства, отмечает К.В.Тревер, могло быть завезено для продажи, но могло появиться здесь и в качестве подарка албанскому царю от римского императора. Такое мнение подкрепляет сообщение Элия Спартиана, биографа императора Адриана (117-138), о том, что он «с албанцами и иберами имел самые дружественные отношения, царей их он щедро одаривал». Нам представляется, что это блюдо можно рассматривать и как дар иноземных купцов. Известно, что, приезжая в чужие страны, они обычно преподносили местным властям драгоценные вещи. Это специально отмечено нами в нашей публикации."

В Новочеркаске, в сарматском погребении, среди восьми серебряных полусферических чаш с мифологическими изображениями в медальонах, находилась одна с Нереидой на гиппокампе, близкая по форме и аналогичная по изображению находке Из Енгикенда. В связи с находкой столь дорогого и необычного артефакта, каким является эта находка в Азербайджане, сошлемся на мнение К.О.Кошкарлы, подтверждающее высокий уровень

социально-экономического и культурного развития Кавказской Албании исследуемого периода: «Элементы эллинистическо-римского художественного вкуса получили, по всей видимости, определенное распространение среди господствующих слоев местного населения».⁵⁸ Кошкарлы К.О. также отмечает, что блюдо «является одним из лучших произведений античной торевтики как по высокому уровню техники изготовления, так и по силе художественного воздействия».⁵⁹ Не менее важно заключение этого автора о том, что блюдо изготовлено во II веке н.э., то есть в «период наиболее тесных торговых, культурных и политических связей Кавказской Албании с Римской империей».⁶ Любопытен и другой артефакт - бронзовый светильник, обнаруженный при археологических раскопках, в 1897 году в селении Зерты (Кара-Кахы, Лачинский район) Э.А.Реслером и опубликованный впервые, почти 60 лет спустя Р.В.Кинжаловым. Он «представляет собою бронзовую лампочку с широким щитком, оформленным в виде рельефного изображения мужской бородатой маски. Маска близка к античным изображениям Селена».⁶² Светильник по своему типу датируется Р.В.Кинжаловым второй половиной I века - первой половиной II века н.э., а местом его производства предполагает восточные провинции Римской империи, скорее всего Сирию. Он отмечает также, «что вся вещь в целом представляет собой уверенно и искусно выполненную работу зрелого мастера, воспитанного на многовековых художественных традициях античности». Р.В.Кинжалов отмечает еще одну особенность маски на светильнике: «смещение черт, свойственных, с одной стороны, трагическим, с другой стороны, комическим маскам, причем это не воспроизведение театральной маски какого-либо определенного сценического типа, а скорее одна из тех условных театральных масок, которые так часто встречаются на украшениях серебряных чаш с так называемыми вакхическими сценами, на

рельефах и мозаиках первых веков н.э.»

Другой бронзовый свегильник, обнаруженный при археологических раскопках в Кабале, по мнению его находчика С.М.Казиева, вероятно, итальянского происхождения. Аналогичные артефакты известны в собраниях Британского музея, причем одна из таких находок сделана в Египте, вторая - происходит из Италии. Светильники подобной формы были известны в античном мире в I-II века н.э. Но аналогичный артефакт из Кабалы С.М.Казиев датирует V-VII веками н.э., опираясь на изображение на фигурке птицы символа христианства.⁶⁵

Не меньший интерес представляет бронзовая ножка канделябра, найденная летом 1913 года, во время земляных работ в Нахчеване.⁶⁶ К.В.Тревер, сравнивая этот артефакт с аналогичной ножкой канделябра из Геркуланума, отмечает, что в последней не видно того легкого и изящного движения в изогнутости валюты и козлиной ноги, как на нахичеванском экземпляре: «Эта ножка не может относиться к более раннему времени, чем эпоха эллинизма, ибо валюта с отходящими от нее аканфовым листом - обычная деталь капители коринфского стиля, начиная с IV века, и должна предшествовать эпохе Траяна, учитывая находки монет Августа в Карсской области».

В кувшинных погребениях Мингечаура обнаружены железный канделябр, а также стержни с вилообразным верхним концом и выступом ниже развилки. Канделябр представляет собой стержень, заканчивающийся сверху тремя расходящимися пластинками, а внизу переходящий в три расходящиеся ветки, изогнутые в своих средних частях в полукольца. При первом взгляде эти изогнутости производят впечатление стилизованных бараньих рогов. В верхнюю тройчатку, вероятно, вставлялась глиняная или металлическая чаша с горючим веществом и светильней. По мнению К.В.Тревер, на таких канделябрах, возмож-

но, возжигался огонь во время погребального обряда.⁶⁹ В Мингечауре при раскопках найдены еще два железных канделябра, у каждого из них вместо трех расходящихся пластинок имеется круглая железная чашечка, в которую наливалось горючее. Возможно, что приспособлением к светочу светильника служил и другой железный предмет, состоящий из стержня, верхняя часть которого заканчивается двузубой вилкой, с приделанной сбоку, несколько ниже развилки, крючкообразным отростком. На отросток, вероятно, подвешивался сосуд с водой, а в двузубую вилку горелок - что-то наподобие пакли, либо лучины. Как следует из описания, канделябры из кувшинных погребений отличаются своим устройством, что указывает на стадию их совершенствования, а, возможно, и на употребление в разных слоях общества. Вместе с тем имеются все основания считать железные канделябры из Мингечаура с вилообразным верхним концом и выступом ниже развилки местными. Их могли изготовить по иностранным образцам, подобным канделябру из Нахчевана. Однако, в сравнении, например, с римскими, мингечаурские канделябры отличаются более скромным украшением. Можно полагать, что бронзовый светильник и канделябры имели в Кавказской Албании культовое назначение, хотя религиозные представления и обряды ее жителей были иными, чем в эллинистиче-ско-римском мире.

На металлической посуде, обнаруженной во время археологических раскопок в ряде районов Азербайджана, исследуемого периода прослеживается «иноземное» влияние. Это - блюда, чаши, светильники. Так, в одном из кувшинных погребений села Хыныслы Шамахинского района найдена серебряная фиала. Более художественно исполнена другая серебряная фиала, выявленная в одном из погребений между селениями Кара-Марьям и Инджа Гейчайского района.

Из-за сильного окисления ее дно не сохранилось. Поверхность фиалы украшена чеканкой, исполненной пунсоном, в виде многолучевой розетки. Между лепестками наверху - большие рельефные точки. У края венчика внутри вдавлена горизонтальная полоска. Серебрянные фиалы известны также из Мингечаура в срубных и катакомбных погребениях.⁷¹

Описанные фиалы почти все одинакового размера, формы и, зачастую, орнаментации. Они обнаружены в синхронных, но разного типа погребениях эллинистической Албании. Исходя из этого и других признаков можно заключить, что они, скорее всего, местного производства. Однако, образцами для них служили ближневосточные, греческие и другие аналогичные изделия. В связи с этим напомним, что Н.И.Рзаев, издавший мингечаурские серебрянные фиалы, полагает их местное производство и отмечает, что художественная обработка металла (торевтика) в период I-VII веков достигла в древней Албании высокого мастерства.

6.5. Каменные изваяния. Архитектура

Античное влияние в памятниках Кавказской Албании нашло отражение и в других сферах и областях искусства. Речь идет о большой антропоморфной каменной статуе, превышающей натуральную величину. Она обнаружена в 1946 году в селе Хыныслы. Изваянная из известняка, статуя стоит на пьедестале. Головы нет, но хорошо выражены конечности. Правая кисть - на левой груди, левая рука опущена и ее кисть лежит на правом боку. По мнению З.И.Ямпольского, скульптура передает жест, свойственный греческой богине. С.Б.Ашурбейли, основываясь на месте и положении рук, считала статую прототипом греческой Афродиты.⁷⁵ Положение рук Хыныслинской статуи обнаруживает сходство с терракотовыми статуэтками из Древнего Хорезма, "Традиционна поза «нагой богини», - пишет по поводу Хорез-

минских статуэток С.П.Толстое, - руки, поддерживающие груди. проходят через всю историю средневосточных цивилизаций, от архаических городищ Вавилонии до ахеменидского Ирана, и даже Парфии. Исключения из этого правила крайне редки. Жест богини является, таким образом, важным датирующим признаком. Он, несомненно, восходит к греческим прототипам, будучи совершенно чуждым древневосточной художественной традиции. Между тем, в самой греческой скульптуре этот образ Афродиты восходит к концу IV века до н.э. и на восточную почву мог проникнуть не ранее III столетия». ⁷⁶ Таким образом, датировку Хыныслинской статуи, можно отнести к первым векам до н.э. - первым векам н.э. Судя по ее формам, в ней можно усмотреть античное влияние. Впоследствии в Азербайджане найдены более 20 каменных статуй. В связи с этим приводится мнение Дж.А.Халилова, полагавшего, что «Вероятно, древнеалбанские изваяния носили культовый характер и были хорошими образцами прикладного искусства народно-традиционного характера». ⁷⁷

Взаимоотношения Кавказской Албании с античным миром сыграли роль и в развитии архитектуры, о чем свидетельствуют каменные базы колонн, обнаруженные при археологических раскопках во многих местах, в том числе в Тазакенде, в селении Бой-Ахмедлы, севернее Агдама, в Хыныслы, в трех километрах от Шамахи, в Кабале.

Античное влияние прослеживается и в строительном деле, в частности в употреблении черепицы в качестве кровельного материала. Плоская с загнутыми краями, коньковая и желобчатая черепица, обнаруженная при раскопках древней Кабалы, мало чем отличается от известных образцов античной кровельной черепицы. Самые ранние образцы кабапинской черепицы датируются IV-III веками до н.э., обломки кровельной черепицы известны и из Хыныслы.

- ¹ Бабаев И.А. Города Кавказской Албании. Баку, 1990, с. 147.
- ² Максимова М.И. Геммы из некрополя Мухета-Самтавро. // Вестник Гос. Музея Грузии, XVI-B, 1950, с.228. 'Бабаев И.А. Города Кавказской Албании, с. 147-148.
- ⁴ Бабаев И.А. Памятники глиптики, с.10-11.
- ⁵ Бабаев И.А. Города Кавказской Албании, с. 148.
- ⁶ Максимова М.И. Указ.раб., с.231.
- ⁷ Бабаев И.А. Памятники глиптики, с.11.
- ⁸ Иессен А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. // МИА СССР, вып. 125, 1965, с. 180.
- ⁹ Максимова М.И. Указ.раб., с.227.
- ¹⁰ Там же, с.225.
- ¹¹ Бабаев И.А. Памятники глиптики, с. 10
- ¹² Бабаев И.А. Города Кавказской Албании, с. 148-151.
- ¹³ Голубкина Т.И., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира. // УЗ АГУ, СИФ, 1966, № 6, с.71.
- ¹⁴ Бабаев И.А. Города Кавказской Албании, с. 149-150.
- ¹⁵ Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура I-VII веков н.э., Авто-реф. канд. дисс, с. 14; Тревер К.В. Очерки по истории, с. 172; Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании, с.142-143.
- ¹⁶ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. // МАК, вып. 8. Москва, 1900, табл. XXVI, рис. 7, 14, 16, 17, с.318; Шмидельхем М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V веке до н.э. - V век н.э.), Таллин, 1995; Михельбертес М.М. Римские металлические предметы в Литве. // СА, 1965, №3; Амброз В.К. Экономические связи и передвижение народов на юге европейской части СССР I веке до н.э. - IV веке н.э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дисс, Москва, 1964; Он же. Фибулы Юга европейской части СССР II веке до н.э. - IV веке н.э. // САИ, вып. Д1-30, 1996; Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Москва, 1967, с.92-95; Капошина СИ. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. // ВАН СССР, 1963, №3, с. 150.
- ¹⁷ Xalilov CO. Xinisliida arxeoloji qazintilann ilk neticeleri. // МКА, вып. VI, 1965. с.98
- ¹⁸ Пиотровский Б.Б. Амулеты в форме глаза в древнем Египте (глаз-солнце-жизнь). // Изв. ГАИМК, т. IX, вып. 3, 1931, с.10-13.
- ¹⁹ Крупное Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. // МИА СССР, 1951, №23, с.217.

- ²⁰ Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. // Известия ГАИМК, 1931, №6, с.28-30.
- ²¹ Казиев СМ., Голубкина Т.И. Об одном кувшинном погребении. // Известия АН Азерб. ССР, 1949, № 3, с.77, табл. III, рис. 1 и 2; Бабаев И.А. Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965, с.17.
- ²² Струве В.В. Древний Восток, Москва-Ленинград, 1948, с.58.
- ²³ Коростовцев М.А. Древнеегипетские находки в СССР. // ВИМК, 1957, № 2, с.73.
- ²⁴ Тураев Б.А. Скарабеи с острова Березани. // Известия ИАК, вып. 40, С. Петербург, 1911, с. 118-120.
- ²⁵ Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. // СА, 1958, № 1, с.22-23.
- ²⁶ Виноградов В.Б. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного. //СА, 1960, №3, с.309-310; Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. // МИА СССР, 1951, № 23, с.217; Пиккуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 166 и ел.
- ²⁷ Голубкина Т.И. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура. // Известия АН Азерб. ССР, 1956, № 3, с.82, табл. IV, рис. 7; Голубкина Т.И., Расулова М.М. Указ.раб., с.74; Расулова М.М. Археологические наблюдения к изучению торговли Кавказской Албании. // УЗ АГУ, СИФ, 1973, № 5; Бабаев И.А. Указ.раб., с. 173.
- ²⁸ Голубкина Т.И. Указ.раб., с.82.
- ²⁹ Ионе Г.И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. // КСИИМК, вып. 60, 1955, с.58, рис.22.
- ³⁰ Kisa A. Das Glass im Altertume, p. II, Leipzig, 1908, p.50'5.
- ³¹ Сымонович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского. //СА, 1961, № 1.с.273-275.
- ³² Виноградов В.Б. Указ.раб., с.310.
- ³³ Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, с.22-23.
- ³⁴ Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. // Известия ГАИМК, 1931, № 6, с.28.
- Пахомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. // Известия Аз ФАН СССР, 1939, № 3, с.70-71, рис.1.
- ³⁶ Казиев СМ. Об археологических раскопках в Мингечауре. // ДАН Азерб-ССР, т. II, 1946, № 10, с.449; Он же. Археологические раскопки в Мингечауре. // МКА, том I, Баку, 1949, с.40, рис. 37; Он же. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 году. // Изв. АН Азерб. ССР, 1949, № 9, с.92, рис. 9; Халилов Д.А. Раскопки на городище Хыныслы. // СА, 1962, № 1

с.211, рис. 2, 10; Османов Ф.Л. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1983, с.117 и др.

³⁷ Крупное Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана, с.224, рис. 8.

³⁸ Халилов Дж.А. Указ.раб., с.214, рис. 3, 4, Он же. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985, с. 124-125.

³⁹ Aslanov Q.M. Torpaqqalada arxeoloji qazmtilar. // Известия АН Азерб. ССР, СОН, 1961, № 8, с.33, рис. 4а и 4б.

⁴⁰ Левиатов В.Н. Керамика старой Гянджи. Баку, 1940, с.40.

⁴¹ Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966; Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании, с. 127-131.

⁴² Казиев СМ. Альбом кувшинных погребешь Мингечаура, табл. XXIX, рис. 9; Асланов Г.М. Материальная культура, с. .2; Халилов Дж.А. Древнее поселение в Хыныслы. // Известия АН Азерб. ССР, СОН, 1961, № 3, табл. VII, рис. 10; Асланов Г.М. Указ.раб., с.34, рис. 5-а; Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре, рис. 41(2); Рзаеи НИ. Искусство Кавказской Албании. Баку, 1976, с.93.

⁴³ Казиев СМ. Указ.раб.; Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. // КСИИМК, 1955, № 60, рис. 26.

⁴⁴ Toll N. The Necropolis, p. 135, 137, 139.

⁴⁵ Кинжалов Р.В. Ашнакский могильник. // Труды Государственного Эрмитажа, т. V, Ленинград, 1961, с.58 и ел.; Максимова М.И. Геммы некрополя Мухета-Самтавро, с.221 и сл.

⁴⁶ Нуриев А.Б. Указ.раб., сб.

⁴⁷ Пахомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. // Известия Аз ФАН СССР, 1939, № 3, с.71, рис. 2; Халилов Дж.А. Материальная культура, с. 131; Голубкина Т.И. Об одной случайной археологической находке. // ДАН Азерб. ССР, том [II, 1947, № 10; Голубкина Т.И., Расулова М.М. Указ.раб., с.85.

⁴⁸ Крупнов Е.И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. // КСИИМК, вып. 78, 1960, с. 110, 116, рис. 43 и 44.

⁴⁹ Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре; Ваидов Р.М. Мин-гечаур в III-VIII веках. Баку, 1961, с.54-58: Он же. Первые итоги археологических исследований в Торпагкале, с.211; Нуриев А.Б. О производстве стекла в древней Шемахе, с.113-122.

⁵⁰ Ваидов Р.М. Первые итоги археологических исследований в Торпагкале, с.211.

⁵¹ Нуриев А.Б. Стекланные изделия, с.6-7. ⁵² Халилов Дж.А. Материальная культура, с. 13 I.

- ⁵³ Бабаев И.А. Города Кавказской Албании, с.143.
- ⁵⁴ Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура I-VII веков. Автореф. канд. дисс. Баку, 1963, с. 10.
- ⁵⁵ Бабаев И.А. Памятники глиптики Азербайджана, с.11.
- ⁵⁶ Тревер К.В. Блюдо серебряное с изображением Нереиды, римская работа II-III веков. // Сб. «Эрмитаж 1764-1964», Ленинград, 1964, с.112; Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985, с.54-57; 123, табл. 3г; 135, табл. XII; Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985, с. 131,
- ⁵⁷ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Москва, 1967, с.75; Кинжалов Р.В. Бронзовый светильник из Зерты. // ДАН Азерб. ССР, 1954, т. X, №9. с.668-671.
- ⁵⁸ Кошкарлы К.О. Указ. раб., с.40.
- ⁵⁹ Там же, с.57.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Кинжалов Р.В. Указ. раб., с.668.
- ⁶² Расулова М.М. Археологические наблюдения к изучению торговли Кавказской Албании в I-II веках. // УЗ ЛГУ, СИФ, [1973, № 5, с.70.
- ⁶³ Там же, с.71.
- ⁶⁴ Qazryev S.M. OзбэЫIэ aranılmı;; atxeoloji tsdqıqat va qazmtılann ilk yelomlan. //МКА, т. VI. Баку, 1965. с. 145-155.
- ⁶⁵ Там же, с.153.
- ⁶⁶ Тревер К.В. Бронзовая ножка канделябра из Нахчевана. // Известия РА-ИМК. т. 1, 1921, с.261-264, табл. XXVI. ⁶⁷ Там же, с.263.
- ⁶⁸ Казиев СМ., Асланов Г.М. О двух кувшинных погребениях. // МКА, вып. II, 1954, 204, табл. 1, рис. 10.
- ⁶⁹ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 148.
- ⁷⁰ Халилов Д.А. Раскопки на городище Хыныслы, с.214, рис. 4 и 5. ⁷¹ Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре, с.45, рис. 41, 3; Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура, с.66, рис. 26, 9 а, б, в
- ⁷² Рзаев И.И. Искусство торевтики Кавказской Албании. // Известия АН Азерб. ССР, СОН, 1966, № 1, с. 104-106, рис. 3, 4.
- ⁷³ Халилов Дж.А. Материальная культура, с.188-189, табл. XXXVI; Он же, Ximshdadas heykali. //ДАН Азерб. ССР, том XVI, 1960, № 11, с.1125-1128, рис. 1; Рзаев Н.И. Указ. раб., с.179-185.
- ⁷⁴ Ямпольский З.И. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании, //КСИИМК, вып. 60, 1955, с. 155-158.
- ⁷⁵ Ашурбейли СБ. Скульптура Азербайджана, с.90-91.

⁷⁶ Толстое СП. Древний Хорезм. Москва, 1948, с. 199. ⁷⁷ Халилов Дж.А. Материальная культура, с. 189

⁷⁸ Казиев СМ. Историко-археологическое обследование городища Кабалы. // МКА, т. V, 1964, с.51, табл. I; Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. // МКА, 1965, № 25, с.3.1, рис. 15-16; Халилов Дж.А. Раскопки на городище Хыныслы памятнике древней Кавказской Албании. // СА, 1962, № 1, с.211, рис. 1,3,4,9.

⁷⁹ Казиев СМ., Бабаев И.А. Османов. Работы Кабалинской экспедиции. //Сб. «Археологические открытия 1969 года» Москва, 1970, с.376; Голубкина «О строительных материалах Кавказской Албании». // Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971, с. 12.

Заключение

Как свидетельствует наше исследование, изучение торгово-экономических и культурных связей Кавказской Албании принадлежащей к истории Азербайджана, с античным и эллинистическим миром, действительно, представляет немалый интерес. Это - эпоха наивысшего развития торговли в древности, а для Албании - время, когда устанавливаются регулярные связи Азербайджана с окружающим миром, страна все больше втягивается в международные торговые и культурные отношения. Такое стало возможным потому, что Кавказская Албания входила в зону контактов и синтетного развития Передней и Центральной Азии, характерных континуитетом. Она находилась на перекрестке мировых транзитно-торговых магистралей Запад-Восток и Север-Юг. По этим маршрутам шли не только товары, но и распространялись идеи, религии, культура. Все это прекрасно проецировалось на Кавказскую Албанию античного и эллинистического периодов ее истории, международных торговых и культурных связях.

Со времен походов Александра Македонского на Восток эта страна прочно вошла в античный и эллинистический мир. В это время товарно-денежное обращение уже достигло большого развития, оно стало базисом эволюции общества. Товарно-денежное обращение предполагает, в свою очередь, развитое разделение труда, дальнейший рост и расцвет городов, сельского хозяйства, ремесла. Поэтому не случайно, что значительные албанские города, в том числе Барда, Пайтакаран, Мингечаур, Кабала, Шамаха, Урцеки, находились в зоне международных транзитно-торговых путей и были известны как центры ремесла, товарообмена, культуры.

Внутренняя и внешняя торговая была довольно оживленной, иногда достигала существенных размеров, что свидетельствовало не только о хозяйственном, но и социальном развитии албанского общества. Не случайно, что зарегистрировано немало кладов античных монет, в том числе такие, что содержат по несколько сотен монет (Кабалинский. Хыныслинский).

Расширение внутреннего рынка, как важнейшего показателя хозяйственного развития страны, способствовало не только появлению новых городов, но и увеличению населения Кабалы, Шамахи, Мингечаура, а также дальнейшей социальной дифференциации. Вместе с тем Кавказская Албания привлекала греко-римский мир, одним из последствий чего, наряду с расширением связей, стал приток греков и римлян. Они несли с собой не только достижения своего ремесла и торговли, но и культуры, приемов мастерства.

Связи Кавказской Албании с внешним миром осуществлялись через Большой и Малый Кавказ, по побережью Каспия и Черного моря, через Малую Азию. Через эти зоны с глубокой древности проходили дороги, по которым происходили переселения народов, шли купцы с товарами, миссионеры, носители культур и идеологий. Торгово-транзитная магистраль из Индии в Понт в этих аспектах имела большое и важное значение. Так, именно она являлась значительной частью Великого шелкового пути и Дороги пряностей и благовоний.

Вот почему товары многих античных и эллинистических Центров, не принадлежавшие к предметам первой необходимости, в изучаемое время, в особенности в период римского движения на Восток, получили значительное распространение в Албании. Это- подтверждение не только далеко зашедшей социальной дифференциации, но и высокого уровня развития албанского общества.

В результате длительных взаимоотношений с античным и эллинистическим миром население Албании знакомились с основными достижениями античной культуры, науки, техники и, вместе с тем, творчески перерабатывало и использовало их на местной почве.

Весьма важно также отметить, что уже с античного периода, в особенности с первых веков нашей эры, закладываются основы интенсивных взаимоотношений Албании с наиболее выдающимися мировыми торговыми и культурными центрами. В итоге, это приводит к значительной роли в международной торговле таких городов Кавказской Албании, как Барда, Кабала, Шамаха, Пайтакаран, Урцеки.

В нашем исследовании освещены основные проблемы политического, экономического, культурного характера. Не все из них можно считать решенными. Многие аспекты требуют еще специального изучения; наши выводы, не претендуют на окончательную истину в последней инстанции.

Несомненно, что новые археологические и нумизматические артефакты, построенные на них исследования дадут возможность более глубокого раскрытия темы. В итоге, несомненно появятся новые возможности для более углубленной характеристики торгово-экономических и культурных связей Кавказской Албании с античным и эллинистическо-римским миром.

Qafqaz Albaniyasının antik və ellin dünyası ilə ticari-iqtisadi və mədəni əlaqələri: e.ə IV əsr - b.e. III əsri

Xülasə

Qafqaz Albaniyası Azərbaycan tarixinin və yerli əhalinin -alban tayfalarının ayrılmaz tərkib hissəsidir. Onun antik və ellin tarixi dövründə ətraf aləmlə qarşılıqlı əlaqələri bir çox maddi və mənəvi artefaktlarla təsdiq olunmuşdur. Bu, e.ə IV - b.e. III əsri dövründə Qafqaz Albaniyasının siyasi, ticarət, iqtisadi, sosial, mədəni tarixini Avrasiyada baş verən hadisələr kontekstindən təfərrüatı ilə nəzərdən keçirməyə imkan yaradır.

Makedoniyalı İskəndərin fəaliyyəti ilə bağlı məsələ və mövzular xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Bu böyük fəth Mərkəzi Avrasiya xəritəsini əsaslı surətdə dəyişməyə müvəffəq olmuşdur. Onun sayəsində di dünya əhəmiyyətli dərəcədə dəyişikliyə məruz qalmışdır. Bu dəyişikliklər Albaniyaya aid olduğu kimi bütövlükdə Cənubi Qafqaza da aid idi. Nəticədə həmin region oykuməndə baş verən hadisələrin fəal iştirakçısına çevrilmişdir. Bu barədə yunan-roma dövrü müəllifləri təfərrüatı ilə məlumat vermişlər. Albaniya ərazisində aşkarlanmış arxeoloji və numizmatik artefaktlar da kifayət qədər əhəmiyyətli mənbələr hesab olunur. Belə zəngin məlumatlara əsasən bu ölkə haqqında araşdırmalar aparılmışdır.

Albaniyanın antik və ellin dünyası ilə uzunmüddətli qarşılıqlı əlaqəsini gözdən keçirərkən, onun siyasət və təsərrüfat, mədəni-ictimai sahələrdəki bənzərsizliyi xüsusilə nəzərə çarpır. Eyni zamanda Albaniyanın ətraf aləmlə əlaqəsi, qarşılıqlı təsiri və bu əlaqələrin gücləndirilməsi haqqında söhbət açmaq imkanı olur. Əsas məsələ dövlətin Qərb-Şərq, Şimal-Cənub tranzit ticarət yolunda yerləşməsidir. Nəticədə, Qafqaz Albaniyası hərtərəfli inkişaf etmiş zona hesab olunurdu.

Albaniya Makedoniyalı İskəndərin Şərqə yürüşləri zamanı işğal məruz qalmış və ellin dünyası sisteminə düşmüşdür. Bununla o, antik dünya üçün olduğu kimi, ellin dövrü üçün də

səciyyəvi olan dəyişikliklərə məruz qalmışdır. Söylənənləri Albaniyanın özünə və qədim ticarət sistemində öz yerini tutmuş Xəzər dənizinə şamil etmək olar. Qafqazda müxtəlif tayfaların, ilk növbədə sarmatların peyda olması da Albaniyaya eynilə bu cür təsir göstərmişdir.

Nəticədə tədqiq olunmuş dövrdə Albaniyanın bütün sahələsində əsaslı dəyişikliklər nəzərə çarpır. Onlar nəinki sənətkarlıq və kənd təsərrüfatında, hətta şəhərlər və şəhər əhalisində də özünü göstərmişdir. Bu, şəhər və kənd həyatı, ticarət və mədəniyyət, əkinçilik, maldarlıq və şəhər əhalisi ilə təsdiq olunur. Konkret artefaktlar buna açıq-aydın sübutdur. Bunlar - yadelli və yerli sikkə, qliptika və gemma (üstündə yazı və ya şəkil qazılmış qiymətli daş), fabulalar və pastadan hazırlanmış məmulatlar, boyunbağlar və qab-qacaqlar, şüşə və metaldan hazırlanmış məmulatlar, daş heykəllər və memarlıq və s.-dir.

Siyasi, ticari-iqtisadi, sosial və mədəni məlumatların məcmu-su antik və ellin dövrü Albaniyasının Mərkəsi Avrasiya məkanındakı tarixi proseslərin subyekti olmasını təsdiqləyir.

Trade-economic and cultural ties of Caucasian Albania with ancient and Hellenistic world 4 century b.c. - 3 century a.d.

Summary

Relations between the Caucasian Albania and other countries in the ancient and Hellenistic epoch are an integral part of the history of Azerbaijan and its autochthons - Albanian tribes. These relations are full of scores of material and spiritual artifacts. They make it possible to thoroughly consider events of political, trade-economic, social and cultural history of the Caucasian Albania in terms of developments occurring in the Eurasia in the 4 century B.C. - 3 century A.D.

Of no small importance are topics arising from activities of Alexander the Macedonian. This great conqueror succeeded in radically changing the situation in the Central Eurasia. It was his efforts that the world underwent appreciable changes in various spheres. These changes affected the South Caucasus as a whole and the Caucasian Albania in particular. As a result, the region became an active participant of events occurring in the whole habitable globe as referred to by authors of Greek-Roman period. Numerous archaeological and numismatic artifacts discovered in the Caucasian Albania are important sources to study the history of the country.

When considering multilateral relations between the Caucasian Albania and the ancient and Hellenistic world, account has to be taken of the originality of this country in all the spheres, including Political, economic, social and cultural. At the same time, it is safe to say that the Caucasian Albania maintained multilateral relations with other countries. The question is that the country was on crossroads of

transit-trade ways West-East and South-North. As a result, it served an area of synthesis development and continuity.

In considering the above-stated, the Caucasian Albania acted as subject of processes typical for the ancient world. For the same reason, it became a subject of interest of great conqueror Alexander the Macedonian. This country experienced consequences of his eastern campaigns to become a part of the Hellenistic world. At the same time, the Caucasian Albania underwent all trials typical both for the ancient and Hellenistic epoch. This is attributable both to the Caucasian Albania and the rest of the South Caucasus and the Caucasian sea which established itself within the system of the ancient trade. Similarly, the country suffered consequences of the emergence of different tribes in the ancient Caucasus.

As a result, essential changes occurred in all the areas of life of the Caucasian Albania in the reviewed period. It had effect not only on its handicrafts and agriculture but also towns and residents. This is confirmed by urban and rural life, trade and culture, occupation of fanners, cattle-breeders and townsmen. An eloquent testimony to this is specific artifacts. These include foreign and local coins, glyptic and gems, fibulas and paste, beads and tableware, glass and metal goods, stone sculptures and architecture.

In terms of political, trade-economic, social and cultural data, the mentioned above bear out that the Caucasian Albania of the ancient and Hellenistic period was subject of the historical process in the Central Eurasia.

Принятые сокращения

Аз ФАН СССР	Азербайджанский филиал АН СССР
вди	Вестник древней истории
ВАН	Вестник Академии наук
ВИ	Вопросы истории
вимк	Вестник истории мировой культуры
ДАК	Доклады археологической комиссии
ДЛИ	Доклады Академии наук
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
жмнп	Журнал министерства народного просвещения
ИАК	Императорская Археологическая комиссия
КЕНИИ	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
ксиимк	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАД	Материалы по археологии Дагестана
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МИА	Музей истории Азербайджана
МИА СССР	Материалы и исследования по археологии СССР
МКА	Материальная культура Азербайджана
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	Отчеты археологической комиссии
ООИА	Общество обследования и изучения Азербайджана
РАИМК	Российская Академия истории материальной культуры
РГО	Русское географическое общество
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СИФ	Серия истории и философии
СОН	Серия общественных наук
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТОНГЭ	Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
УЗ	Ученые записки
ЧИНИИ	Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ЮТАКЭ	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЭВ	Эпиграфика Востока

Библиография

Источники:

1. Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986.
2. Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю.Кулаковского и А.Сонни. Киев, 1906-1908.
3. Аппиан Александрийский. Гражданские войны. Пер. под ред. С.А.Жебелева и О.О.Крюгера. Москва, 1935.
4. Арриан. Поход Александра. Пер. М.Е.Сергеенко. Москва - Ленинград, 1962.
5. Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926.
6. Бичурин Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1-3. Москва, 1950-1953.
7. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Москва, 1966.
8. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. //СМОМПК, вып. 4. Тифлис, 1884.
9. Глуховский А.И. Пропуск вод реки Аму-Дарьи по старому руслу в Каспийское море. С.-Петербург, 1893.
10. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Т. V-VI. Пер. И.Алексеева. С.-Петербург, 1774-1775.
11. Дион Кассий. Римская история. // Поздняя греческая проза. Москва, 1961.
12. Дионисий Перизетт Египетский. Описание населенной земли. Пер. И.П.Цветкова. // ВДИ, 1948, №1.
13. Дорн Б. Каспий. О находках древних русских в Табаристан. С.Петербург, 1875
14. Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота. // Сборник статей «Северное Причерноморье». Москва-Ленинград, 1953.
15. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1-2. Пер. с греч Г.Г.Генкеля. С.-Петербург, 1900.
16. Историки Рима. Москва, 1970.
17. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. С. - Петербург, 1810.

18. Квинт Курций Руф. История Александра. Под ред. В.С.Соколова. Москва, 1963.
19. Клавдий Элиан. О природе животных. // Сборник «Поздняя греческая проза». Пер. В.В.Латышева. Москва, 1961.
20. Крузе Ф. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолеме, главном писателе в рассуждении географии сей страны. // ЖМНП, ч. V, 1835.
21. Латышев В.В. Заметки о кавказских надписях. // Известия ИАК, вып. 10, 1904.
22. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasica*). Т. Г-Н. С.Петербург, 1893-1906; Второе изд.: ВДИ, 1947, № 1-4; 1948, № 1-4; 1949, № 1-4; 1952, №2.
23. Ленц Р.Э. Наши познания о прежнем течении реки Амударьи и впадении ее в Каспийское море. // Известия Императорского РГО, т. VI, 1870.
24. Материалы Хорезмской экспедиции. Под ред. С.П.Толстова, вып. 3. Москва, 1960.
25. Моисей Каланкатуйский. История Албании. Пер. К.Патканова. С.-Петербург, 1861.
26. Пахомов Е.А. Обзор источников по истории Азербайджана. // Источники клинописные, греческие, римские, византийские, вып. I. Баку, 1940.
27. Писатели истории Августов. // ВДИ, 1949, № 3.
28. Плиний Старший. // В кн. «Катон. Варрон. Колумелла. Плиний. О сельском хозяйстве». Москва, 1957.
29. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Издание подготовили М.Е.Грабарь-Пассек и С.П.Маркиш. Т. I-III. Москва, 1963-1964.
30. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I-III. Пер. Ф.Г.Мищенко. Москва, 1890-1899.
31. Помпеи Трог: Юстин. Эпитома. Пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского. // ВДИ, 1954, № 2-4; 1955, № 1.
32. Помпоний Мела. Хорография. // Латышев В.В. Известия писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 2. С.Петербург, 1904.

33. Реслер Э. Отчет о поездке в деревню Беюк-Дегне Нухинского уезда Елисаветпольской губернии и раскопки, производимые там. // ДАК, 1902, №66.
34. Розендорф Г.О. Дело ИАК, 1903/44.
35. Сабуров П. Торговые пути древних греков. С.-Петербург, 1855.
36. Секст Юлий Фронтин. Стратегемы (военные хитрости). Пер. А.Рановича. // ВДИ, 1946, № I.
37. Страбон. География в 17 книгах. Пер. Ф.Г.Мищенко. Москва, 1879; Пер., статьи и комментарии Г.А.Стратановского. Ленинград, 1964.
38. Тацит Корнелий. Сочинения. В 2-х т. Т. I - Анналы, малые произведения. Пер. А.С.Бобовича и Г.С.Кнабе. Ленинград, 1969.
39. Тацит Корнелий. Сочинения. В 2-х т. Т. II - История. Пер. А.С.Бобовича и Г.С.Кнабе. Ленинград, 1969.
40. Тит Ливий. История Рима. Пер. Г.Г. Зоргенфрея. // ВДИ, 1949, № 1.
41. Флавий Иосиф. Иудейские древности. Т. 1-2. Пер. с греч. Г.Г.Генкеля. С.-Петербург, 1900.
42. Хенниг Рихард. Неведомые земли. Т. I. Пер. с нем. Москва, 1960.
43. Чайковский А. Опыт решения вопроса о причине, изменившей течение Аму-Дарьи. // Туркестанские ведомости 1873-1875, № 30,39,40.
44. Чайковский А. Туркестан и его река по Библии и Геродоту. Владимир, 1884.
45. Шопен И.И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. С.-Петербург, 1866.
46. Юстин. Эпитома. Пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского. // ВДИ, 1954, №2-4; 1955, № 1.
47. Юлий Солин. Сборник достопримечательностей. // ВДИ, 1949, №3.

Исследования:

1. Aslanov Q.M. Torpaqqalada arxeoloji qazintilar. // Известия АН Азерб. ССР, СОН, 1961, № 8.

2. Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə. Birinci cild. Bakı, 1998.
3. Əliyev M.M., Qaşqay M.Ə. Qədim və orta əsr Azərbaycanda geoloji biliklər və mədəniyyətin tarixindən. // Известия АН АЗЕРБ ССР, 1955, № 7.
4. Əliyev Ş. Xəzər dənizi tarixi xəritələrdə. Bakı, 1973.
5. Həbibullayev O.H. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı, 1959.
6. Qaziyev S.M. Qəbələdə aparılmış arxeoloji tədqiqat və qazıntıların ilk yekunlap. // МКА, т. VI. Баку, 1965.
7. Nərimanov I.H. Gəncəçay rayonunun arxeoloji abidələri Bakı 1958.
8. Xəlilov C.Ə. Xınıslıda arxeoloji qazıntıların ilk nəticələri. // МКА, вып. VI. Баку, 1965.
9. Xəlilov C.Ə. Xınıslıda daş heykəli. // ДАН Азерб. ССР, т XVI 1916, № 11.
10. Абегян М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
11. Абибуллаев О.А. Археологические раскопки холма Кюль - тепе. Автореф. канд. дисс. Баку, 1959.
12. Абибуллаев О.А. К вопросу о древней металлургии Азербайджана. // МИА СССР, 1965, № 125.
13. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. // СА, 1972, №2.
14. Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху. // СА, 1987, JЧ° 4.
15. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960.
16. Алекперов А. К. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. // Известия ООИА, т. IV, 1927.
17. Алиев И.Г. История Мидии. Баку, 1960
18. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку, 1992.
19. Амброз А.К. Экономические связи и передвижение народов на Юге Европейской части СССР. I век до н.э. (По археологическим данным). Автореф. канд. дисс. Москва, 1964.
20. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. 11 век до н.э. -IV век н.э.//САИ, вып. ДІ-30. Москва, 1966.

- Амброз А К Экономические связи и передвижение народов на Юге Европейской части СССР. I век до н.э. - IV век н.э. (По археологическим данным). Автореф. канд. дисс. Москва, 1964.
- 22 Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. // МИА СССР, 1952, № 23.
- 23 Асланов Г.М. Археологические раскопки на Торпагкала. // Известия АН Азерб. ССР, 1961, № 3, ч. I.
- 24 Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. // КСИИМК, вып. 60, 1955,
- 25 Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура 1-111 веков.
(На основе археологии катакомбных погребений). Автореф. канд. дисс. Баку, 1963.
26. Асланов Г.М., Вайдов Р.М., Ионе И.Г. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
- 27 Ашурбейли СБ. История города Баку. Баку, 2006.
- 28 Ашурбейли СБ. Ремесло и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. // Труды МИА, т. 2. Баку, 1957.
- 29 Ашурбейли СБ. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. // Труды МИА, т. 1. Баку, 1956.
30. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании з IV веке до н.э. - III веке н.э. Баку, 1990. 31 Бабаев И А. К вопросу о производстве предметов глиптики в Кавказской Албании. // МКА, т. VII. Баку, 1973. 32. Бабаев И.А. Новые археологические находки близ города Ки-ровабада. // МКА, т. VI. Баку, 1965.
- 33 Бабаев И А О грех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре. // Сборник статей. Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965.
- 34 Бабаев И А Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья. Автореф. канд. дисс Баку,
35. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград, 1925.
- Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории суйманского мира. Баку, 1925.

37. Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его версии на Востоке. Москва, 1947.
38. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и Античность. Пер. с. англ. Москва, 1975.
39. Блаватский В.Д. Античный город. // Сборник статей. Античный город. Москва, 1963.
40. Бокщанин А.Г. История международных отношений и дипломатии в древнем мире. Москва, 1948.
41. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 1-11. Москва, 1960, 1966.
42. Бокщанин А.Г. Социальный кризис Римской империи в 1 веке н.э. Москва, 1954.
43. Болтунова А.И. Греческие надписи Армавира. // Известия Арм. ФАН СССР, т. 1-2, 1942.
44. Болтунова А.И. Греческие надписи музея Грузии. Тифлис, 1928.
45. Болтунова А.И. Иберия и римская экспансия в Азии. // ВДИ, 1938, №4.
46. Болтунова А.И. О греческой надписи из окрестностей Мцхета. // Известия ГАИМК, т. V, 1927.
47. Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II веках до н.э. Москва, 1963.
48. Брашинский И.Б. К истории экономических связей Восточного Причерноморья в античную эпоху. (По нумизматическим материалам). // Сообщения АН Груз. ССР, т. XVII, 1967, № 3.
49. Бунятов Т.А. К истории крашения пряжи в древнем Азербайджане. //Труды МИА, т. 6. Баку, 1963.
50. Ваидов Р.М. Первые итоги археологических работ в Торпагкале. /УМКА, т. VI. Баку, 1965.
51. Ваидов Ф.М., Нариманов И.Г. Развитие археологической науки в Советском Азербайджане. // СА, 1967, № 4.
52. Виноградов В.Б. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного. // СА, 1960, № 3.
53. Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ. (По письменным источникам). // Труды ЧИНИИ при Совете Министров ЧИАССР, т. 9, 1964.

54. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. // Труды ЧИНИИ при Совете министров ЧИАССР, т. 6, 1963.
55. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов I века н.э. // ВДИ, 1994, № 2.
56. Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку 1974.
57. Всемирная история. В 10-ти томах. Т. 11. Москва, 1956.
58. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала 1997.
59. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. С древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996.
60. Гозалишвили Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье. // Труды института истории им. И.А.Джавахишвили АН Грузии, т. 11, 1956.
61. Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Ленинград, 1964.
62. Головкин И.Д. Римско-парфянские политические взаимоотношения. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1952.
63. Голубкина Т.И. Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 году. // Известия АН Азерб. ССР, 1959, №1.
64. Голубкина Т.И. Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана (I век до н.э. - II век н.э.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1962.
65. Голубкина Т.И. О растительных остатках из кувшинных погребений Азербайджана (II век до н.э. - первые века н.э.). «Некоторые вопросы исследования истории естествознания и техники в Азербайджане. Тезисы доклада. Баку, 1971.
66. Голубкина Т.И. О строительных материалах Кавказской Албании. // Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971.
67. Голубкина Т.И. Об одной случайной археологической находке // ДАН Азерб. ССР, т. III, 1947, № 10.

68. Голубкина Т.И. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура. // Известия АН Азерб. ССР, 1956, № 3.
69. Голубкина Т.И., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира. // УЗ АГУ, СИФ, 1966, № 6.
70. Голубкина Т.И., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира. (По материалам кувшинных погребений Азербайджана). //УЗ АГУ, СИФ, 1967, № 3.
71. Голубцова М.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. Москва, 1951.
72. Гуммель Я.И. Археологические очерки. Сборник статей. Баку, 1940.
73. Гусейн-заде Р.А., Вердиева Х.К). История Азербайджана. Баку, 2000.
74. Дадашева С.А. Греко-бактрийские монеты, найденные на территории Кавказской Албании. // Бактрийские древности. Ленинград. 1976.
75. Джафарзаде И.М. Гобустан. Наскальные изображения. Баку, 1973.
76. Джафарзаде И.М. Древнелатинская надпись у горы Беюк-Даш. //ДАН Азерб. ССР, т. IV, 1948, №7.
77. Джафарзаде И.М. Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965.
78. Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку, 1984.
79. Древний Рим. Под ред. С.Л. Утченко. Москва, 1950.
80. Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. I-III. Пер. с нем. Москва, 1890-1893.
81. Дьяконов И.М. История Мидии. Москва-Ленинград, 1956.
82. Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. Москва, 1961.
83. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. Москва, 1961.
84. Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. // ВДИ, 1964, № 2.

85. Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов в Tabula Peutengiriana. // ВДИ, 1939, № 1.
86. Ерицев А. Исторический очерк торговых путей сообщения в древнем Закавказье. // Сборник сведений о Кавказе, т. I, 1871.
87. Заднепровский Ю.А. Рецензия на работу японских археологов в Дагестане. // СА, 1969, № 1.
88. Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1978.
89. Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа. // Известия ГАИМК, вып. ПО. Москва-Ленинград, 1935.
90. Зограф А.Н. Античные монеты. // МИА СССР, 1951, № 6.
91. Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. // ТОНГЭ, т. I. Ленинград, 1945.
92. Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Москва, 1984.
93. Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. // Труды МИА, 1965, №125.
94. Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV и III тыс. до н.э. // КСИА, 1963, №93.
95. Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии на Кавказе. // ГАИМК, вып. 120. Москва-Ленинград, 1935.
96. Иессен А.А. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье (предварительная характеристика). // Сборник аспирантов ГАИМК, вып. I, 1929.
97. Иессен А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. // Труды МИА, 1965, № 125
98. Ионе Г.И. Археологические раскопки в Мингечауре. Еще раз о датировке кувшинных погребений. // ДАН Азерб. ССР, т. IV, 1948, №10.
99. Ионе Г.И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. // КСИИМК, вып. 60, 1955.
100. Ионе Г.И. Обжигательные печи Мингечаура. // ВДИ, 1948, №3.
101. Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. // МКА, вып. И.Баку, 1951.
102. Исмаилов Г.С. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш Баку, 1977.

103. Исми-заде О.Ш. Ялойлутепиннскя культура. Баку, 1956. 1
04. История Азербайджана. В 3-х томах. Т. 1. Баку, 1958.
105. История армянского народа С древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980.
106. История и культура сарматов. Сборник статей. Саратов, 1983.
107. История народов Северного Кав каза. Т. I. Москва, 1988.
108. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. Москва, 1966.
109. Казиев СМ. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960.
110. Казиев СМ. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана, // Известия АН Азерб. ССР, 1950, №7
111. Казиев СМ. Археологические раскопки в Мингечауре. // МКА, т. I. Баку, 1949.
112. Казиев СМ. Историко-археологическое обследование городища Кабалы. // МКА, т. V. Баку, 1964.
113. Казиев СМ. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 году. // Известия АН Азерб. ССР, 1949, № 9.
114. Казиев СМ. О некоторых типах оружия из Мингечаура. // МКА, т. II. Баку, 1954.
115. Казиев СМ. Об археологических раскопках в Мингечауре. // ДАН Азерб. ССР, т. II, 1946, № 10.
116. Казиев СМ. Раскопки Мингечаура. //КСИИМК, вып. 24, 1949.
117. Казиев СМ., Асланов Г.М. О двух кувшинных погребениях. // МКА, вып. II. Баку, 1951.
118. Казиев СМ., Бабаев И.А. Раскопки древней Кабалы. // Сборник «Археологические открытия 1967 года». Москва, 1968.
119. Казиев СМ., Бабаев И.А. Ракопки Кабалы. // Сборник «Археологические открытия 1968 года». Москва, 1969.
120. Казиев СМ., Бабаев И.А., Османов Ф.П. Работы Кабалинской экспедиции. // Сборник «Археологические открытия 1969 года». Москва, 1970.
121. Казиев СМ., Голубкина Т. И. Об одном кувшинном погребении. // Известия АН Азерб. ССР. 1949, № 3.

122. Капошин СИ. Ценные находки археологов Новочеркасска. // ВАН СССР, 1963, №3.
123. Карахмедова А.А. Бусы как один из источников изучения истории Кавказской Албании. Автореф. канд. дисс. Баку, 1978.
124. Качалов Н. Стекло. Москва, 1959.
125. Кашкай М.А., Селимханов И.Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.
126. Кашкай М.А., Селимханов И.Р. О химической характеристике браслетов из Мингечаурских погребений с сильно скорченным костяком. // ДАН Азерб. ССР, т. IX, 1953, № 3.
127. Кашкай М.А., Селимханов И.Р. О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура. // Известия АН Азерб. ССР, 1954, №11.
128. Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Ленинград, 1947.
129. Кинжалов Р.В. Ашнакский могильник. // Труды Государственного Эрмитажа, т. V. Ленинград, 1961.
130. Кинжалов Р.В. Бронзовый светильник из Зерты. // ДАН Азерб. ССР, т. X, 1954, №9.
131. Ковалевский СА. К истории Южного Прикаспия в первом тысячелетии до нашей эры. // Труды Азербайджанского нефтяного геологоразведочного треста, вып. 14, 1934.
132. Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества. Ленинград, 1951.
133. Коростовцев М.А. Древнеегипетские находки в СССР. // ВИМК, 1957, №2.
134. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.
135. Кошкарлы К.О., Расулова М.М. Торевтика Кавказской Албании [-111 века н.э.//УЗ АГУ СИФ, 1979, №7.
136. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР- // САИ, вып. Г4-4. МоскБ:а, 1966.
137. Кропоткин В.В. Новые находки римских монет на территории СССР.//НЭ, т. VI, 1966.
138. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в тыс. н.э. Москва, 1967.

139. Крупнов Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе. //КСИИМК, вып.27, 1949.
140. Крупнов Е.И. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. // УЗ КБНИИ, вып. 2, 1947.
141. Крупнов Е.И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. // КСИИМК, вып. 78, 1960.
142. Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. // МИАСССР, 1951, №23.
143. Крупнов Е.И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. /УВИМК, 1958, № 1.
144. Крупнов Е.И. О походе скифов через Кавказ. // Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». Москва, 1952.
145. Крупнов Е.И. Основные проблемы Кавказской археологии. // Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 годы. Москва, 1956.
146. Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). // Сборник в честь С.Ф. Олденбурга. Ленинград, 1934.
147. Кудрявцев О.В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. // ВДИ, 1948, № 2.
148. Культурное наследие Востока. Проблемы. Поиски. Суждения. Ленинград, 1985.
149. Лазаренко П.В. Восточная политика Юлия Цезаря. Автореф. канд. дисс. Москва, 1950.
150. Левиатов В.П. Азербайджан с V века до н.э. по III век н.э. // Известия АН Азерб. ССР, 1950, № 1.
151. Левиатов В.Н. Керамика старой Гянджи. Баку, 1940.
152. Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус. // КСИИМК, вып. 32, 1950.
- '53. Леммлейн Г.Г. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя. //ДАН Азерб. ССР, т. V, 1949, № 2.
- '54. Леммлейн Г.Г. Фрагменты каменных изделий из раскопок в старой Нисе. //Труды ЮТАКЭ, г. VIII. Ашхабад, 1958.

155. Лордкипанидзе М.Н. Леммы Государственного музея Грузии Т. I. Тбилиси, 1954.
156. Лордкипанидзе М.Н. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940-1941 и 1946-1948 годы. Тбилиси, 1954.
157. Лордкипанидзе О.Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. // Сообщения АН Груз. ССР т. 19, 1957, № 3.
158. Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Москва-Ленинград, 1956.
- I 59. Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья. //ВДИ, 1937, №1.
160. Максимова М.И. Античные резные камни Эрмитажа. Ленинград, 1926.
161. Максимова М.И. Гемм л из некрополя Мцхета-Самтавро (раскопки 1938-1939 годов). // Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С.Джанашиа, т. XVI-B, 1950.
162. Мамедова Ф.Дж. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005.
163. Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.
164. Маркс К. Капитал. Т. III. Москва, 1954.
165. Массой Е.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. // ВДИ, 1955, № 2.
166. Массой В.М., Пугаченкова Г.А. Ритоны Нисы. // Труды ЮТА-КЭ, т. IV, 1959.
167. Махмудов Ф.Р. Памятник Ялойлутепинской культуры в Агязинской равнине. // МКА, т. VI. Баку, 1965.
168. Машкин Н.А. История древнего Рима. Москва, 1947.
169. Машкин Н.А. Принципат Август. Москва-Ленинград, 1949.
170. Мещанинов И.И. Краткие сведения о работах археологических экспедиций в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. // Сообщения ГАИМК, вып. I, 1926.
171. Михельбертас М.М. Римские металлические предметы в Литве.//СА, 1965, №3.
172. Моммзен Т. История Рима. Т. III-V. Москва, 1941-1949.
173. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Москва, 1961.

174. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Москва, 1975.
175. Мунчаев Р.М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дисс. Москва, 1953.
176. Нариманов И.Г. Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
177. Ниорадзе К.Г. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940.
178. Нуриев А.Б. Новые данные о датировке кувшинных погребений Азербайджана. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965.
179. Нуриев А.Б. О производстве стекла в древней Шемахе. // МКА, т. VI. Баку, 1965.
180. Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966.
181. Нуриев А.Б., Кулиев Н.М. Стекланный кувшин из Торпаггала. // Дан Азерб. ССР, т. XXI, 1969, №6.
182. Османов Ф.П. Материальная культура Кавказской Албании III века до н.э. - III века н.э. (По археологическим памятникам Геокчай - Ахсучай). Баку, 1983.
183. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Москва, 1956.
184. Пассек Т.С. Джафарханский могильник. // ВДИ, 1946, № 2.
185. Пахомов Е.А. Античные монеты в Албании. (В пределах Азерб. ССР). // Сборник «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962.
186. Пахомов Е.А. Кувшинные погребения из Мингечаура. // Известия Аз ФАН СССР, 1944, № 9.
187. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа, вып. I-IX. Баку, 1926-1966.
188. Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана, вып. I. Баку, 1959.
189. Пахомов Е.А. Монеты Мингечаура. // МКА, вып. II. Баку, 1951.
190. Пахомов Е.А. Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. // Известия Аз ФАН СССР, 1939, № 3.
191. Пахомов Е.А. Римская надпись I века н.э. и легион XII Фульминат. // Известия АН Азерб. СССР, 1949, № 1.

192. Пахомов Е.-А.- Чеканка в Албании подражаний монетам маке-донским или селевкидским I века до н.э. // Труды МИА, т. 1. Баку, 1962.
193. Петров В.А.- О растительных остатках Мингечаура. // Стенограмма доклада в Отделении общественных наук АН Азерб. ССР, 4 мая 1949 года.
194. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI веках. Москва-Ленинград, 1964.
195. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Москва-Ленинград, 1951.
196. Пикуль М.И.- Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
197. Пиотровский Б.Б. Амулеты в форме глаза в древнем Египте (глаз-солнце-жизнь)- // Известия ГАИМК, т. IX, вып. 3, 1931.
198. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Ленинград, 1949.
199. Пиотровский Б.Б. Дрезнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. // СА, 1958, № 1.
200. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Известия ГАИМК, 1931, № 6.
201. Поляков В.М.- Искусство Греции. Москва, 1970.
202. Пьянков И.В.- К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. // ВДИ, 1964, №3.
203. Равдоникас В.И. Рецензия на работу Б.Л. Богаевского «Раковина в расписной керамике Китая, Крита и Триполья». // Сообщения ГАИМК, № 6.
204. Рагимов А.В., Соколовская О.М. Амулеты - пережитки первобытных верований. // Труды МИА, т. 4. Баку, 1961.
205. Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997.
206. Раджабли А.М., Расулова М.М. Новые находки парфянских монет на территории Азербайджанской ССР, 1980, № 12.
207. Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I-III веках н.э. Москва-Ленинград, 1949.
208. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. Москва-Ленинград, 1950.

- 209.Расулова М.М. Археологические наблюдения к изучению торговли Кавказской Албании в III веках. // УЗ АГУ, СИФ, 1973, № 5.
- 210.Расулова М.М. Греко-римские и аршакидские монеты из погребений и их значение для изучения связей Азербайджана с античным миром. // Научные труды аспирантов АГУ. Баку, 1966.
- 211.Расулова М.М. Данные археологии о связях восточного Закавказья с Римом. // Всесоюзная конференция востоковедов посвященная памяти В.В.Струве.. Орджоникидзе, 1987.
- 212.Расулова М.М. К изучению археологических условий находок аршакидских и римских монет в Азербайджане. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965.
- 213.Расулова М.М. Нумизматические находки как источник изучения связей Кавказской Албании с эллинистическим миром, //УЗ АГУ, СИФ, 1971, №7.
- 7.14. Расулова М.М. О связях Кавказской Албании в I веке до н.э. (по данным нумизматики). // Материалы археологии Дагестана. Махачкала, 1977, № 6.
215. Расулова М.М., О связях Рима и Кавказской Албании. // XV Международная конференция ученых-античников социалистических стран. «Эйрене», Софля. 1978.
216. Расулова М.М. Об одной находке монеты из Джагилабадского района Азербайджанской ССР. // УЗ АГУ СИФ, 1973, № I
217. Расулова М.М. Парфянские монеты в денежном обращении на территории Азербайджана. // Всесоюзные Сергеевские чтения Москва, 1989.
218. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании. IV век до н.э. - VII век. н.э. Баку 1976
219. Рзаев Н.И., Искусство торевтики Кавказской Албании // Известия А. Н. Азерб. ССР 1966 №1
220. Рзаев Н.И. Художественная керамика Кавказской Албании Баку, 1964.
221. Рзаев Н.И. Художественное стекло Кавказской Албании. // Известия А.Н. ССР, 1964 №5
222. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Ленинград 1929

223. Саникидзе Л.Д. Экспансия Рима в Понте и Закавказье в первой половине I века до н.э. Кутаиси, 1953.
224. Саркисян Г.Х., Худавердян К.С., Юзбашян К.Н. Потомки Хай-ка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времен до становления третьей республики. Ереван, 1998.
225. Севастьянова О.И. Введение к русскому переводу Аппиана «Митридатовы войны». // ВДИ, 1946, № 4.
226. Селимханов И.Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
227. Сергеев В.С. Очерки истории древнего Рима. Ч. II. Москва 1938.
228. Сергеенко М.Г. Жизнь древнего Рима. Москва-Ленинград, 1964.
229. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
230. Слонимский М.М. Экономические предпосылки политики Рима в Северном и Восточном Причерноморье в первые века нашей эры. // УЗ Пятигорского Госпединститута (общественные науки), т. XIII, 1956.
231. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1949 годы. // КСИИМК, вып. 45, 1952.
232. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 годы. // МИА СССР, 1951, №23.
- 2.33. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. // МАД, т. II. Махачкала, 1961.
234. Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. // КСИИМК, вып. XXXII, 1946.
235. Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. // КСИИМК, вып. 37, 1951.
236. Ставиский Б.Я. Средняя Азия, Индия, Рим. (К вопросу о международных связях в Кушанский период). // Сборник «Индия в древности». Москва, 1964.
237. Струве В.В. Древний Восток. Москва-Ленинград, 1948.

238. Сымонович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского. //СА, 1961, № I.
239. Сысоев В.М. Краткий очерк истории Азербайджана (Северного). Баку, 1925.
240. Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. Москва, 1949.
241. Толстое СП. Древний Хорезм. Москва, 1948.
242. Томсон Дж. О. История древней географии. Пер. с англ. Москва, 1953.
243. Тревер К.В. Блюдо серебряное с изображением Нереиды, римская работа II-III веков н.э. // Сборник «Эрмитаж. 1764-1964». Ленинград, 1964.
244. Тревер К.В. Бронзовая ножка канделябра из Нахчевана. // ГА-ИМК, т. I, 1921.
245. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV век до н.э. - VII век н.э.). Москва - Ленинград, 1959.
246. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. // Сборник Государственного Эрмитажа. Москва, 1987.
247. Тронский ИМ. История античной литературы. Москва-Ленинград, 1947.
248. Тумбиль П.Х. Римская надпись I века н.э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан). //ДАН Азерб. ССР, т. IV, 1948, №7.
249. Тураев Б.А. Скарабей с о. Березани. // Известия ИАК, вып. 40. С.-Петербург, 1911.
250. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. // МАК, вып.8. Москва, 1900.
251. Утченко С. Вступительная статья. // В кн. «Историки Рима». Москва, 1970.
252. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. Пер. с нем. Москва, 1982.
253. Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. I. Москва, 1914.
254. Филлиоза Ж. Индия и научные связи в древности. // ВИМК, 1957, №6.
255. Халилов Дж.А. Древнее поселение в Хыныслы. // Известия АН Азерб. ССР, 1961, №3.

256. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании IV век до н.э.-III век н.э. Баку, 1985.
257. Халилов Дж.А. Раскопки на городище Хыныслы памятнике древней Кавказской Албании. // СА, 1962. № 1.
258. Хан Иштван. Аппиан и Александрия. //ВДИ, 1968, № 1.
259. Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907
260. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-тепе. // Материалы Азгосму-зея, I. Баку, 1927.
261. Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с нем. Москва, 1984.
262. Шейн Р.В. О погребении с монетой II века н.э. в сел. Чухур-юрд Шемахинского района. // ДАН Азерб. ССР, т. XXI, 1965, №5.
263. Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспорг. // ВДИ, 1949, № 2.
264. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора IV-II веков до н.э. Москва, 1956.
265. Шлидельхем М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V век до н.э.-V век н.э.). Таллин, 1955.
266. Штоль Г. Боги и гиганты. Москва, 1971.
267. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1970.
268. Юзбашян К.П. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI веков. Москва, 1988.
269. Ямпольский З.И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-даш. // ВДИ, 1950, № 1.
270. Ямпольский З.И. Древняя Албания III-I века до н.э. Баку, 1962.
271. Ямпольский З.И. К изучению древнеазербайджанского города Юнана. // МИ А СССР, 1959, № 67.
272. Ямпольский З.И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре, через Грузию к Чер-юму морю. // 1 руд^b ин-та истории АН Груз. ССР, т. II, 1956.
273. Ямпольский З.И. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании. // КСИИМК, вып. 60, 1955.

274. Яновский А. О древней Кавказской Албании. // ЖМНП, ч. 52, 1846.
275. Aly W. Strabon von Amaseia. Bonn, 1957.
276. Bartholomaei A. Lettres numismatique et archeologique relatives a la Transcaucasie. 4-e Lettres. SPb., 1853.
277. Berve H. Alexanders reich auf prosopographischer grundlage. t, XL Munch., 1926.
278. Cambridge U.P. The Cambridge Ancient History. Vol. IX. The Roman Republic, 1950.
279. Chariesworth M.P. Trade routes and commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1926.
280. Cumont F. Les fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926.
281. Cumont F. Fragment de la bouclier, portant une liste de tapies. Syria, 1925, № VI.
282. Detlefson D. Untersuchungen fiber die Zusammensetzung der Na-turgeschichte des Plinius. Berlin, 1899.
283. Drost D. Zur Gliederung und Herkunft der metallenen Feureborke Mitteleuropas Etnografisch-archaologische forschunden, 2. Berlin, 1954.
284. Eggers H.E. Der romische import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
285. Frank T. Rome and Italy of the Empire. An Economic Survey of Ancient Rome. Vol., V. 1940.
286. Ghirshman R. Village perse-achemenide. Memoires de la Mission archeologique en Iran. Paris, 1954.
287. Hatzfeld I. Les trafiquants italiens dans l orient hellenique. Paris, 1919.
288. Henkel F. Die romischen Fingerringe der Rheinlande. Berlin, 1913.
289. Kisa A. Das Glas im Altertums. Leipzig, 1908.
290. Lecrivain Ch. Etude's sur l'Histoire d'Auguste. Paris, 1904.
291. Marshall F.H. Catalogue of the finger rings Greek, Etruscan, and Roman in the department of antiquities, British Museum. London, 1907.
292. Mommsen Th. Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyranis et Apolloniensis. Berlin, 1883.
293. Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890.

- 294. Rosenberg A. Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte. Berlin, 1921.
- 295. Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.
- 296. Speck E. Handelsgeschichte des Altertums, I. Leipzig, 1900.
- 297. Steiger R. Gemmen und Kameen im Römischen Museum August. Antike Kunst. H. 1. Olte Schweis, 1966.
- 298. Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Oxford, 1955.
- 299. Toll N. The Necropolis. (The Excavation at Dura-Europos. Ninth Season). New Haven, 1946.
- 300. Wheeler R.E.M. Rome beyond the imperial frontiers. London, 1955.

*Македония,
Александр
Македонский
(336-323 гг. до н.э.),
тетрадрахма,
серебро*

*Фракия,
Лисимах
(323-281 гг. до н.э.),
тетрадрахма,
серебро*

*Селевкия, Антиох IV (138-
129 гг. до н.э.),
тетрадрахма, серебро*

*Понт,
Митридат VI (121-63 гг.
до н.э.), тетрадрахма,
серебро*

***Античные монеты, обращавшиеся в Кавказской Албании в IV в.
до н.э.-I веках н.э.***

*Афины,
аноним
(III в. до н.э.),
тетрадрахма,
серебро*

*Бактрия, Евкратид (171-
155 гг. до н.э.),
тетрадрахма, серебро*

*Рим,
Август (27 г. до н.э. - 14 г.
н.э.), денарий, серебро*

*Парфия, Атрабан (10-38
гг.н.э.), драхма, серебро*

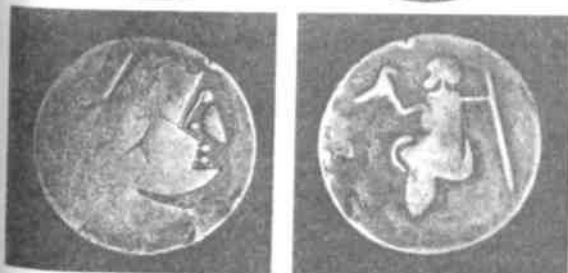
***Иноземные монеты, найденные на
территории Азербайджана***

*Тетрадрахма,
серебро*

*Драхмы
(ранний чекан),
серебро*

*Драхма
(поздний чекан),
серебро*

Кавказская Албания. Подражания античным монетам (III в. до н.э. - I в. н.э.)

Привозные египетские и финикийские украшения - амулеты

**Изделия из стекла, выявленные на территории Кавказской
Албании**

*Изделия из стекла,
выявленные на территории Кавказской Албании*

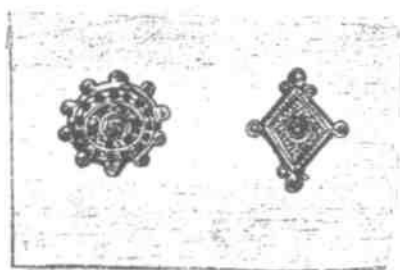
*Изделия из стекла,
выявленные на территории Кавказской Албании*

*Серебряное блюдо. Исмаиллинский район.
Римская работа II-III вв. н.э.*

*Бронзовая ножка
канделябра
из Нахичевани*

*Бронзовые фибулы
из Мингечаура*

Расулова Мая Мамедовна

**Торгово-экономические и культурные связи Кавказской
Албании с античным и эллинистическим миром:**

IV век до н.э. – III век н.э.

Баку – «Мутарджим» - 2008

Rəsulova Maya Motnməd qızı

**Qafqaz Albaniyasının antik və ellinizm dünyası ilə
ticarət-iqtisadi və mədəni əlaqələri:
e.ə. IV əsr - b.e. III əsri**

Bakı - "Mütərcim" - 2008

Rasulova Maya Mamed gizi

**Trade-economic and cultural ties of Caucasian Albania
with ancient and hellenislic world
4 century b.c. - 3 century a.d.**

Bakı - «Mutardjim» - 2008

Издатель:
Т.Г.Джафаров

Исполнительный директор:
А.Ч.Агамирзоев

Технический редактор и оформление обложки:
М.Р.Гараханлы

Подписано в печать: 15.07.08
Formpat: 60x84 1/16. Qarnitur: Times.
Объем: 14,2:5 п.л. Тираж: 200.
Заказ .№ 86.
Цена договорная.

Издательско-полиграфический центр «Мутарджим»
Баку, ул. Р.Рзы, 125
Тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

Мая Мамедовна Расулова родилась в городе Баку в 1940 году. Окончив в 1957 году школу, поступила на исторический факультет Азербайджанского Государственного Университета. В 1962 году по окончании университета поступила в аспирантуру. В 1969 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Связи Кавказской Албании с античным миром». Многократно участвовала на международных конференциях ученых-античников с выступлениями по вопросам истории Кавказской Албании. С 1962 по 1965 годы была ученым секретарем Ученого совета Азербайджанского Государственного Университета. С 1965 года работала на кафедре «История древнего мира и средних веков» на должности старшего преподавателя, а с 1982 по 2008 год была доцентом названной кафедры.